

РЕДИАРД
КИПЛИНГ

Книга Джунглей

САМАЯ ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ МАУГЛИ

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Подарочные издания. Иллюстрированная классика

Редьярд Джозеф Киплинг

**Книга Джунглей. Самая
полная история Маугли**

1894, 1908

УДК 82-31
ББК 83.3

Киплинг Р.

Книга Джунглей. Самая полная история Маугли / Р. Киплинг —
1894, 1908 — (Подарочные издания. Иллюстрированная классика)

ISBN 978-5-907363-40-3

Впервые опубликованная в 1894 году «Книга джунглей» остается одной из самых любимых у детей и взрослых всего мира. Перед вами - самое полное издание рассказов и повестей легендарного писателя, рассказывающих о жизни Джунглей, о справедливости, порядочности и гордости, которые подчас недоступна пониманию людей, но очевидны для животных. Издание дополнено оригинальными иллюстрациями XIX века. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-31
ББК 83.3

ISBN 978-5-907363-40-3

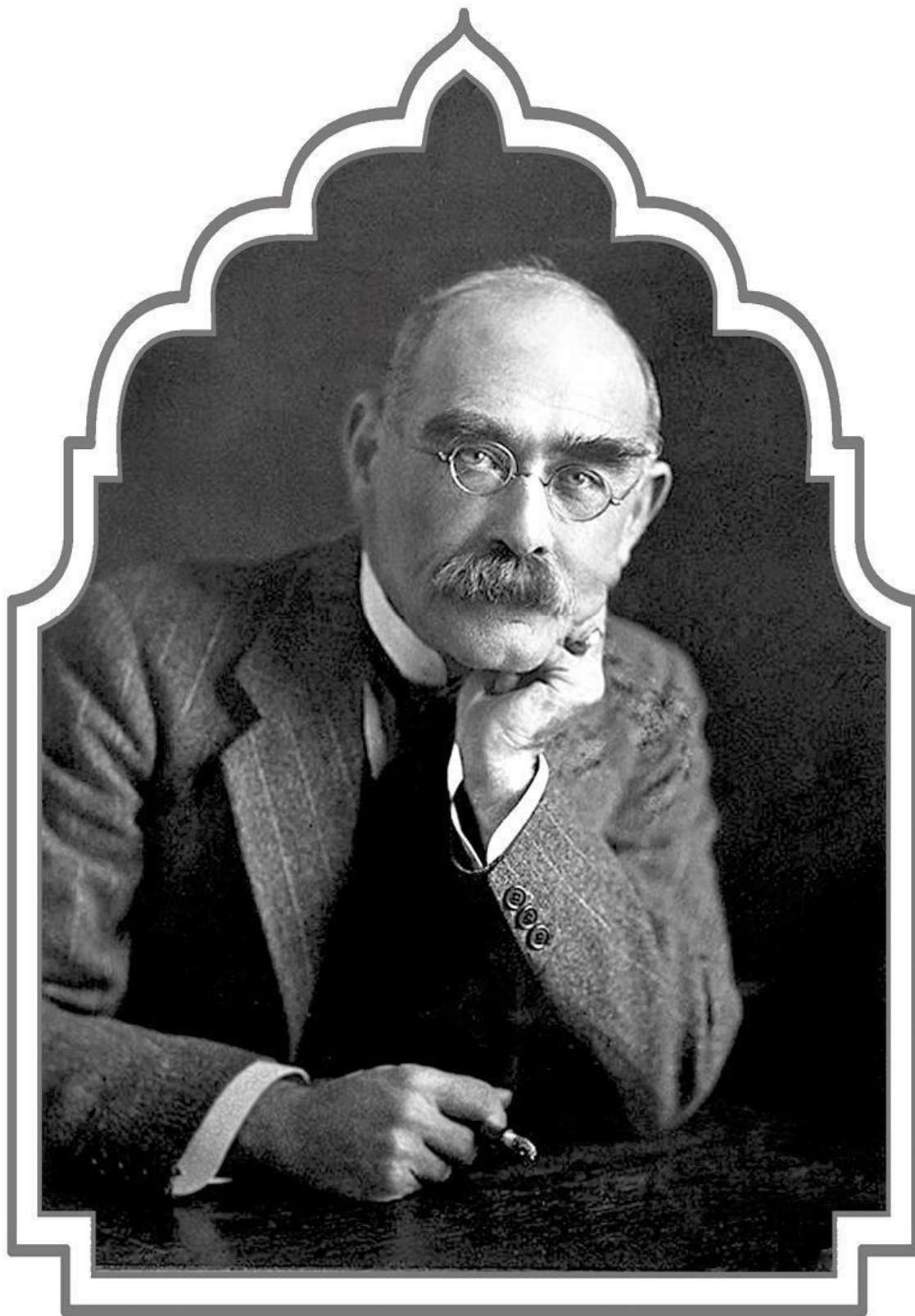
© Киплинг Р., 1894, 1908

Содержание

Редиард Киплинг	7
Первая Книга Джунглей	11
Предисловие автора	11
Братья Маугли	13
Охота питона Каа	26
Тигр! Тигр!	42
Белый котик	53
Рикки-Тикки-Тави	65
Маленький Тумаи	77
Слуги Ее Величества	89
Вторая Книга Джунглей	100
Как в джунгли пришел страх	100
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Редьярд Киплинг
Книга Джунглей. Самая
полная история Маугли

© ООО «Агентство Алгоритм», оформление, издание, 2023

Редьярд Киплинг 1900-е г.г.

Редиард Киплинг

Страна, делающая лучшую в мире сталь, варящая лучший во всем свете эль, изготавливающая лучшие бифштексы, выводящая лучших лошадей, создавшая священную неприкосновенность семейного очага, изобретшая почти все виды спорта; страна, национальный гимн которой кончается прекрасными словами, заставляющими нас, русских, плакать от бессильного волнения, —

Никогда, никогда, никогда
Англичанин не будет рабом, —

только такая страна, страна мудрого и бессердечного эгоизма, железной англосаксонской энергии, презрительной государственной обособленности и бесприммерно жестокой колониальной политики, страна, гордо пишущая местоимение «Я» с большой буквы, но ревниво охраняющая каждую мелочь старины, начиная с официального целования руки у короля и кончая веткой остролистника на рождественском столе, — только такая страна могла породить свою теперешнюю национальную славу — Редиарда Киплинга.

Трое английских писателей — Киплинг, Уэллс и Конан-Дойл — завоевали в настоящее время, всемирное внимание. В их труде с особенной яркостью сказывается та добросовестная техника, та терпеливая, выработанная веками культуры выдумка, об отсутствии которой у русских писателей меланхолически вздыхал Тургенев.

Но бесконечно увлекательный, умный, изобретательный Уэльс все-таки имел предшественников в лице многих авторов фантастически научных путешествий и приключений. Но Конан-Дойл, заплонивший весь земной шар детективными рассказами, все-таки умещается вместе со своим Шерлоком Холмсом, как в футляр, в небольшое гениальное произведение Э. По — «Преступление в улице Морг». Киплинг же совершенно самостоятелен. Он оригинален, как никто другой в современной литературе. Могущество средств, которыми он обладает в своем творчестве, прямо неисчерпаемо. Волшебная увлекательность фабулы, необычайная правдоподобность рассказа, поразительная наблюдательность, остроумие, блеск диалога, сцены гордого и простого героизма, точный стиль или, вернее, десятки точных стилей, экзотичность тем, бездна знаний и опыта и многое, многое другое составляют художественные данные Киплинга, которыми он властвует с неслыханной силой над умом и воображением читателя. И тем не менее на прекрасных произведениях Киплинга нет двух самых верных отпечатков гения — вечности и всечеловечества. В его рассказах — особенно если прочитаешь все, без перерыва, залпом — чувствуется не гений, родина которого мир, а Киплинг-англичанин, только англичанин, и притом англичанин наших дней. И как бы ни был читатель очарован этим волшебником, он видит из-за его строчек настоящего культурного сына жестокой, алчной, купеческой, современной Англии, джингоиста, беспощадно травившего буров ради возвеличения британского престижа во всех странах и морях, «над которыми никогда не заходит солнце»; поэта, вдохновлявшего английских наемных солдат на грабеж, кровопролитие и насилие своими патристическими песнями. Кровь так и хлещет во всех произведениях Киплинга, но что значат несколько тысяч человеческих жизней, если ими покупается величие и мощь гордой Англии? И — повторяю — только узость идеалов Киплинга, стесненных слепым национализмом, мешает признать его гениальным писателем.

Читая его, невольно вспоминаешь и другого английского писателя — Диккенса, этого «самого христианского из всех писателей», как выразился о нем Достоевский, Диккенса, умевшего видеть совсем с другой точки зрения добрую, старую, веселую Англию. Нигде не будут чужими и навсегда останутся памятными и близкими, как ушедшие из жизни добрые верные

друзья, его бесчисленные персонажи, очерченные с беззлобным, простосердечным, теплым юмором: м-р Пиквик в золотых очках, оба Уэллера, капитан Куттль с железным крючком, тетушка Копперфильда и ее старый, добродушный друг, маленькая Доррит, м-р Микобер, славные моряки, честные купцы, преданные веселые слуги, проказливые студенты. Даже отрицательные типы Диккенса, вроде Урии Гипа, черствого Домби, плутоватого м-ра Джингля в зеленом фраке, жестокого Мордстона, разных старых каторжников, воров и мошенников, являются нам смягченными, благодаря горю, раскаянию или примиряющей смерти. И как мила и добродушна эта домашняя, уютная, патриархальная Англия Диккенса с ее семейными праздниками, почтовыми дорогами, гостеприимными трактирами, с архаическими судами и конторами, с прелестными старыми обычаями и крепким, соленым, как морской ветер, добротным юмором.

Но Киплинга не волнуют и не умиляют эти тихие, бытовые, семейные картины. По натуре он завоеватель, хищник и рабовладелец, самый яркий представитель той Англии, которая железными руками опоясала весь земной шар и давит его во имя своей славы, богатства и могущества. Большинство его рассказов переносит нас в Индию, где с наибольшей силой и жестокостью сказывается неутолимая английская алчность. Киплинг смело и ревниво верит в высшую культурную миссию своей родины и закрывает глаза на ее несправедливости. Посмотрите на офицеров и на чиновников в этих рассказах. Все они – люди долга, самоотверженные служаки, глубокие патриоты. Они мокнут в болотах, болеют лихорадкой, изнывают в нестерпимом зное, падают от изнеможения над работой или сходят с ума. В маленьком железнодорожном чиновнике, в офицере, в лесничем, в продовольственном комиссаре Киплинг искусной рукой открывает черты такого скромного самопожертвования и такого бескорыстного героизма, – и все это во благо и процветание далекой отчизны, – что сердце английского читателя не может не сжаться от радостной гордости и умиления. Другая среда, не менее любовно описываемая Киплингом, – это английские солдаты в Индии. Надо ли говорить о том, что Томми Аткинс выходит из-под пера великого мастера в самых задушевных, привлекательных красках? Он, правда, грубоват, и немного ворчун, и не прочь выпить лишнее, но зато обожает своего начальника-офицера, как существо высшей, полубожеской расы, всегда готов положить жизнь за товарища, рад войне, точно празднику, и с гордым достоинством носит звание слуги «Вдовы», как он с интимной почтительностью называет свою королеву. Об одном только не упоминает Киплинг при всем своем пристрастии к доброму, славному Томми – это о жестокости его к побежденным и о его истеричности.

Затем остается еще третий элемент в индийских рассказах Киплинга: местное население. Но и оно служит в его чудесных руках все той же узкой и великой цели – прославлению и возвеличению английской завоевательной миссии. Цветные слуги, готовые на смерть за своих обожаемых сагибов, искусные шпионы из индусов, с детства приучаемые к своей позорной службе, туземные полки, свирепствующие в избиении строптивых сородичей, – вот что вызывает сочувствие и благословение Киплинга. Но всякий бунтовщик, дерзающий восставать против попечительной и разумной английской власти, презрительно рисуется автором как разбойник, вероломный трус и мошенник.

Таким-то образом в Киплинге англичанин заслоняет художника и человека. Но это и все, что ему можно поставить в упрек и что – повторяю – кидается в глаза лишь при слишком пристальном и усердном изучении этого автора. Но, независимо от своего патриотического пристрастия, Киплинг разворачивает перед нами всю сказочную, феерическую Индию, ослепляя нас яркими красками, подавляя и ошеломляя каким-то чудовищным водопадом из людей, стран, событий, костюмов, обычаев, преданий, войны, любви, племенной мести, безумия, бреда, величия и падения. Он ведет нас через всю Индию, показывая нам то жизнь офицеров и солдат в казармах и в горных лагерях, то ужасы голодного года, то афридия, рыщущего по всей стране из города в город за врагом, которого он должен непременно задушить одними голыми руками, без оружия, то индийскую гетеру, «представительницу самой древней профес-

сии», то погонщика слонов, то охоту на тигра, то магометанский байрам и резню мусульман с индусами в стенах старого города, то страшный кошмар переутомленного чиновника, то разлив Ганга, стремящийся разрушить мост, то древних богов Индии, держащих совет на острове, то уголок гаремной жизни, то маяк, то владетельного раджу, по-европейски образованного и по-азиатски жестокого, то беспечную, полную крови и приключений жизнь трех английских солдат: Лиройда, Мультиани и Ортериса, к которым автор так часто возвращается во многих рассказах.

И как нам ни странно, как от нас ни далека эта пряная, фантастическая пестрая жизнь – Киплингу невольно веришь во всем, что он рассказывает. Эта правдоподобность, достоверность рассказа и составляет ту тайну очарования, которая приковывает к книгам Киплинга несокрушимыми волнующими узами. Для этого у Киплинга, при всей необычности, исключительности фабулы, есть много приемов, из которых многие вряд ли поддаются учету. У него, например, есть особая, своеобразная манера вводить читателя в среду и интересы своих героев. Для этого он начинает повествование так просто, так небрежно и даже иногда сухо, как будто вы давным-давно знаете и этих людей, и эти причудливые условия жизни, как будто сегодня Киплинг продолжает вам рассказывать о том, что вы сами видели и слышали вчера. Благодаря такому «вводу» вы долго испытываете какое-то недоумение, почти непонимание, заставляющее вас беспокойно напрягать память и часто возвращаться назад, к уже прочитанным строчкам. Но маленькими, беглыми, точно случайными штрихами автор, незаметно для вас самих, все яснее и яснее очерчивает местность, среду, взаимные отношения людей и фигуры самих людей, и когда вы, наконец, против воли совершенно ориентировались, то вы уже целиком захвачены рассказом, вы свой всем его героям, вы его не читаете, а живете в нем.

Кроме того, Киплинг увлекает и заставляет верить себе благодаря еще одной стороне своего таланта. Он обладает самыми колоссальными и разнообразными знаниями. Ему знакомы мельчайшие бытовые черты из жизни офицеров, чиновников, солдат, докторов, землемеров, моряков; он знает самые сложные подробности сотен профессий и ремесел; ему известны все тонкости любого спорта; он поражает своими научными и техническими познаниями. Но он никогда не утомляет своим огромным багажом. Он лишь пользуется им в такой мере и так искусно, что вы готовы поверить, что именно сам Киплинг ловил треску вместе с рыбаками на севере Атлантического океана, и нес службу на маяке, и метался в жестокой индийской лихорадке, и участвовал в кровавых карательных экспедициях, и строил мосты, и вел, как машинист, железнодорожные поезда, и т. д. и т. д. А в этом доверии заключается одна из тайн поразительного обаяния его рассказов и его большой и заслуженной славы.

Александр Куприн, 1908

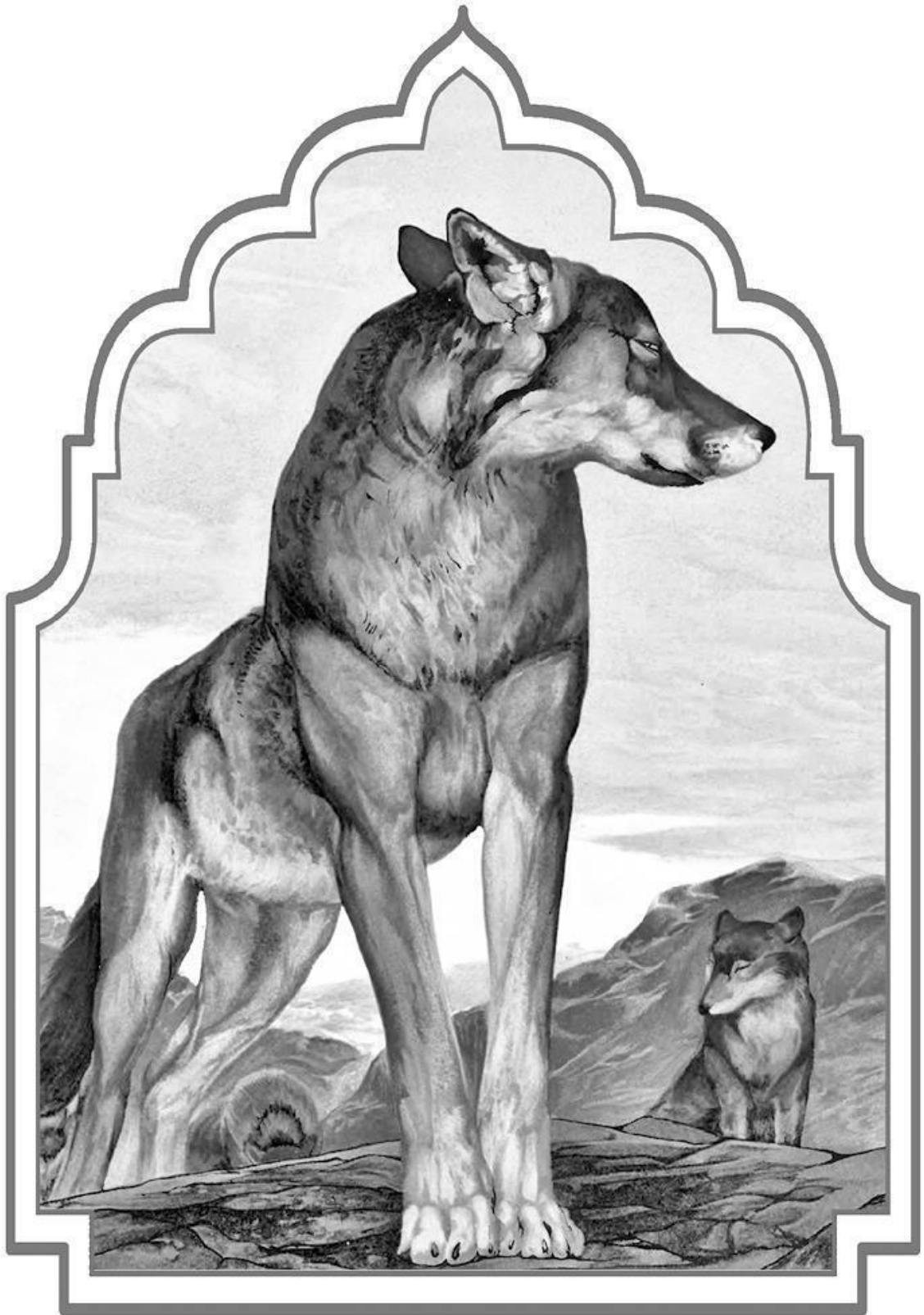
Р. Киплинг с отцом 1890-е г.г.

Первая Книга Джунглей

Предисловие автора

Конечно, сочинение такого рода, как это, требует со стороны редактора обращения к любезности многочисленных специалистов. И плохо отплатил бы он за доброе к себе отношение, если бы не признал себя в долгу перед многими лицами.

Прежде всего, он должен поблагодарить высокоученого и талантливого Бахадур Шаха, грузового слона № 174 по списку Индии, который так же, как и его милейшая сестра, Пудмини, в высшей степени любезно сообщили историю Маленького Тумаи и большую часть материала для рассказа «Слуги Ея Величества». Сведения для приключения Маугли собирались мало-помалу в различные периоды времени, в различных местах и из уст многих лиц, большая часть которых пожелала сохранить полную анонимность. Тем не менее, находясь в такой дали от них, редактор решается выразить свою признательность одному индусскому высокородному джентльмену, обитателю откосов Джакке, за его убедительную, хотя и несколько сатирическую, характеристику его же собственной касты жрецов (служителей храма). Сахи, ученый, неутомимый ревностный исследователь, входивший в состав недавно рассеявшейся сионийской стаи, и артист, прославившийся на большинстве местных сельских ярмарок Южной Индии, где его танцы в наморднике привлекают к нему всю иную прекрасную и культурную часть населения, доставил ценные данные о многих племенах, их нравах и обычаях. Сведения эти вошли в рассказы: «Тигр! Титр!», «Охота питона Каа» и «Братья Маугли». За абрис для «Рикки-Тикки-Тави» редактор остается в долгу перед одним из главных герпетологов Верхней Индии, бесстрашным и независимым исследователем, который, приняв девиз: «Лучше не жить, но непременно знать», – недавно лишился жизни, вследствие усердного изучения пород ядовитых змей, водящихся в наших дальневосточных владениях. Счастливая случайность дала редактору возможность во время путешествия на пароходе «Императрица Индии» оказать небольшую услугу одному из своих спутников. Как богато был он вознагражден за эту жалкую услугу, о том прочитавшие рассказ «Белый котик» могут судить сами.

Одинокий волк.

Художники – Мариус и Эдвард Детмольд. 1912 г.

«Мы с тобой одной крови»

(Р. Киплинг)

Братья Маугли

В Сионийских горах наступил очень жаркий вечер. Отец Волк проснулся после дневного отдыха, зевнул, почесался и одну за другой вытянул свои передние лапы, чтобы прогнать из них остаток тяжести. Волчица Мать лежала, прикрыв своей большой серой мордой четверых барахтавшихся, повизгивавших волчат, а в отверстие их пещеры светила луна.

– Огур!.. – сказал Отец Волк. – Пора мне идти на охоту.

И он уже готовился пуститься по откосу горы, когда маленькая тень с пушистым хвостом показалась подле входа в пещеру и жалобно провизжала:

– Пусть тебе сопутствует удача, о вождь волков, пусть судьба даст твоим благородным детям сильные, белые зубы; пусть счастье улыбается им. И да не забывают они голодных!

Говорил шакал Табаки, лизоблюд. Волки Индии презирали Табаки за то, что он всем причинял неприятности, сплетничал и поедал тряпье и лоскутья кожи на сельских свалках мусора. Вместе с тем, в джунглях боялись его, потому что шакалы способны сходить с ума, а в таком состоянии они забывают всякий страх, бегают по лесам и кусают всех, кого встречают. Когда маленький шакал сходит с ума, даже тигр прячется от него, ведь для дикого создания безумие – величайший позор! Мы называем эту болезнь водобоязнью, в джунглях же ее считают дивани – безумием.

– Войди же и посмотри, – сухо сказал ему Волк, – только в пещере нет ничего съедобного.

– Для волка – нет, – ответил Табаки, – но для такого скромного создания, как я, даже обглоданная кость – великолепный пир. Что такое мы, Джидурлог – племя шакалов, – чтобы выбирать и пробовать?

Мелкими шажками он вбежал в самую глубь пещеры, отыскал там оленью кость с остатками мяса, присел и принялся с наслаждением ее грызть.

– Прими великую благодарность за прекрасное угощение, – сказал он, облизываясь. – Какие красавцы, благородные дети! Какие у них большие глаза! А еще такие юные. Впрочем, что я? Мне следовало помнить, что королевские дети с первого дня своей жизни – взрослые.

Табаки, как и все остальные, отлично знал, что похвалы, сказанные детям в лицо, приносят им несчастье, и ему было приятно видеть, что волки-родители встревожились.

Табаки посидел, молча радуясь, что он сделал им неприятность, потом презрительно сказал:

– Шер Хан переменял место охоты. Он сказал мне, что всю следующую луну будет охотиться в этих горах.

Шер Хан был тигр, живший в двадцати милях от пещеры близ реки Венгунга.

– Он не имеет на это права, – сердито начал Отец Волк. – По Законам Джунглей – он не имеет права без предупреждения менять место охоты. Он распугает всю дичь на десять миль, а мне... мне предстоит охотиться эти два дня.

– Недаром мать Шер Хана назвала его Лунгри, хромым, – спокойно заметила волчица. – Он хромотает со дня рождения и потому всегда убивал только домашний скот. В деревне Венгунга сердятся на него, а теперь пришел сюда, чтобы раздражать «наших людей». Они обыщут джунгли, когда он убежит, и нам с детьми придется спасаться от подожженной ими травы. Действительно, мы можем поблагодарить Шер Хана.

– Передать ему вашу благодарность? – спросил Табаки.

– Прочь! – лязгнув зубами, сказал Отец Волк. – Прочь; ступай охотиться со своим господином. Достаточно неприятностей наговорил нам ты.

– Я уйду, – спокойно ответил Табаки. – Слышите, в чащах рычит Шер Хан? Я мог бы даже и не говорить вам о нем.

Отец Волк прислушался; в долине, которая спускалась к ручью, раздалось сухое, злобное, продолжительное ворчание ничего не поймавшего тигра, которому не стыдно, что все в джунглях узнали о его неудаче.

– Глупец, – сказал волк. – Он начинает работу с таким шумом! Неужели он думает, что наши олени похожи на его откормленных быков?

– Тсс! Сегодня он охотится не на оленя и не на быка, – сказала волчица. – Его дичь – человек.

Ворчание превратилось в громкое рычание, которое, казалось, несло со всех сторон. Именно этот звук заставляет терять рассудок спящих под открытым небом дровосеков и цыган; именно слыша его, они иногда бросаются прямо в пасть тигра.

– Человек, – сказал Отец Волк, оскалив свои белые зубы. – Фу! Неужели в болотах мало водяных жуков и лягушек, чтобы он еще ел человека, да еще в наших местах.

* * *

Закон Джунглей, никогда не приказывающий чего-либо беспричинно, позволяет зверям есть человека, только когда зверь убивает его, желая показать своим детям, как это надо делать, но тогда он должен охотиться вне мест охоты своей стаи или племени. Настоящая причина этого состоит в том, что вслед за убийством человека, рано или поздно, являются белые на слонах и с ружьями и сотни коричневых людей с гонгами, ракетами и факелами. И все в джунглях страдают. Однако между собой звери говорят, что Закон запрещает убивать человека, потому что он самое слабое и незащищенное из всех живых созданий, и, следовательно, трогать его недостойно охотника. Кроме того, они уверяют – и справедливо, – что людоеды страшно хudeют и теряют зубы.

Рычание стало громче и вдруг послышалось: «ар-р-р», – короткий крик падающего тигра.

– Он промахнулся, – сказала Волчица Мать. – Что там?

Было слышно, что Шер Хан со свирепым ворчанием бросается от одного куста к другому.

– У этого глупца так мало смысла, что он прыгнул на костер дровосека и обжег себе лапы, – сказал Волк. – С ним и Табаки.

– А кто поднимается по откосу? – спросила Волчица Мать и насторожила одно ухо. – Приготовься!

В чаще зашелестели листья. Волк осел на задние лапы, собираясь броситься на добычу. Потом, если бы вы наблюдали за ним, вы увидели бы самую удивительную вещь на свете: волка, остановившегося на половине прыжка. Еще не увидав, на что он кидается, зверь прыгнул и в ту же минуту постарался остановиться. Вследствие этого он поднялся на четыре или пять футов от земли и упал на лапы, почти на то самое место, с которого начал нападение.

– Человек, – коротко сказал он, – детеныш человека! Смотри.

Как раз против волка, держась за одну из низких веток, стоял маленький, совершенно обнаженный, коричневый мальчик, только что научившийся ходить, весь мягонький, весь в ямочках. Он посмотрел прямо в глаза волку и засмеялся.

– Так это человеческий детеныш, – сказала Волчица Мать. – Я никогда не видала их. Дай-ка его сюда.

Волк, привыкший переносить своих волчат, в случае нужды может взять в рот свежее яйцо, не разбив его, а потому, хотя челюсти зверя схватили ребенка за спинку, ни один его зуб не оцарапал кожи маленького мальчика. Отец Волк осторожно положил его между своими детенышами.

– Какой маленький! Совсем голенький! И какой смелый, – мягко сказала Волчица Мать. Ребенок расталкивал волчат, чтобы подобраться поближе к ее теплой шкуре.

– Ай, да он кормится вместе с остальными! Вот так человеческий детеныш! Ну, скажи-ка: была ли когда-нибудь в мире волчица, которая могла похвастаться тем, что между ее волчатами живет человеческий детеныш?

– Я слышал, что такие вещи случались, только не в нашей стае и не в наши дни, – ответил Отец Волк. – На нем совсем нет шерсти, и я мог бы убить его одним толчком лапы. Но взгляни: он смотрит и не боится.

Лунный свет перестал проникать в отверстие пещеры; большая четверугольная голова и плечи Шер Хана заслонили свободное отверстие. А позади тигра визжал Табаки:

– Мой господин, мой господин, он вошел сюда!

– Шер Хан оказывает нам великую честь, – сказал Волк Отец, но в его глазах был гнев. – Что угодно Шер Хану?

– Сюда вошел детеныш человека, – ответил тигр. – Его родители убежали. Отдай мне его.

Как и говорил волк, Шер Хан прыгнул в костер дровосека и теперь бесновался от боли в обожженных лапах. Но Волк Отец знал, что тигр не мог войти в слишком узкое для него отверстие пещеры. И так уже края боковых камней сдавливали плечи Шер Хана и его лапы сводила судорога; то же самое чувствовал бы человек, если бы он старался поместиться в бочонок.

– Волки – свободный народ, – сказал глава семьи. – Они слушаются вожака стаи, а не какого-нибудь полосатого поедателя домашнего скота. Человеческий детеныш – наш; мы уьем его, если захотим.

– Вы захотите, вы не пожелаете! Что это за разговоры? Клянусь убитым мной быком, я не буду стоять, нюхая вашу собачью будку и прося того, что мне принадлежит по праву. Это говорю я, Шер Хан.

Рев тигра наполнил всю пещеру, как раскаты грома. Волчица Мать стряхнула с себя своих детенышей и кинулась вперед; ее глаза, блестевшие в темноте как две зеленые луны, глянули прямо в пылающие глаза Шер Хана.

– Ты говоришь, а отвечаю я, Ракша. Человеческий детеныш мой, хромуля! Да, мой. Его не убьют! Он будет жить, бегать вместе со стаей, охотиться со стаей и, в конце концов, убьет тебя, преследователь маленьких голых детенышей, поедатель лягушек и рыб! Да, он убьет тебя! А теперь убирайся или, клянусь убитым мной самбхуром (я не ем палого скота), ты, обожженное животное, отправись к своей матери, хромя хуже, чем в день твоего рождения! Уходи!

Отец Волк посмотрел на нее с изумлением. Он почти позабыл тот день, в который после честного боя с пятью другими волками увел с собой свою подругу; или время, когда она бегала в стае и ее называли Демоном не из одной любезности. Шер Хан мог встретиться лицом к лицу с Волком Отцом, но биться с Ракшей не хотел, зная, что на ее стороне все выгоды и что она будет бороться насмерть. Поэтому со страшным ворчанием он попятился, освободился из входа в пещеру и, наконец, крикнул:

– Каждая собака лает у себя во дворе! Увидим, что-то скажет сама стая об этом нежничаньи с приемышем из человеческого племени! Он – мой и, в конце концов, попадетя мне в зубы, говорю вам, о вы, пушистохвостые воры!

Волчица, задыхаясь, бросилась обратно к своим волчатам, и Отец Волк серьезно сказал ей:

– В этом отношении Шер Хан прав. Человеческого детеныша надо показать стае. Скажи, ты все еще хочешь оставить его у себя?

– Хочу ли? – произнесла она. – Он – бесшерстый, голодный, пришел ночью, совсем один, а между тем не боялся. Смотри: он оттолкнул одного из моих детей! Этот хромой злодей убил бы его и убежал в Венгунга; к нам пришли бы люди и в отместку разрушили бы все наши логовища. Оставляю ли я его у себя? Ну, конечно. Лежи, лежи, лягушечка, о ты, Маугли... Да, да, я назову тебя Маугли – лягушка... и когда-нибудь ты будешь охотиться на Шер Хана, как он охотился на тебя.

– Но что-то скажет наша стая? – протянул Отец Волк.

Закон Джунглей очень ясно говорит, что каждый вновь женившийся волк может отделиться от своей стаи; однако едва его волчата вырастут настолько, чтобы хорошо держаться на ногах, он обязан привести их и представить Совету стаи, который обыкновенно собирается в полнолуние; это делается для того, чтобы остальные волки узнали их. После такого осмотра волчата имеют право бегать куда им угодно и пока они не поймают первого оленя. Для волка, убившего одного из них, нет оправданий. Убийцу наказывают смертью. Подумав хорошенько, вы увидите, что это справедливо.

Отец Волк выждал, чтобы его волчата научились бегать, наконец, в день собрания стаи, взял с собой их, Маугли, Волчицу Мать и отправился к Скале Совета; так называлась вершина холма, вся покрытая большими валунами и камнями, среди которых могло спрятаться около сотни волков. Акела, большой серый волк-одиночка, благодаря своей силе и хитрости вожак стаи, во всю свою длину растянулся на камне, ниже сидели сорок или больше волков, всех оттенков шерсти – начиная с ветеранов с окраской барсука, которые могли одни вступать в борьбу с диким буйволом, до юных черных трехгодовиков, воображавших, будто такая борьба им по силам. Вот уже целый год Одинокый Волк водил стаю. В дни своей юности Акела два раза попадался в капканы; раз его избили и бросили, считая мертвым, – поэтому он знал обычаи и уловки людей. Мало было разговоров. Волчата возились и кувыркались в центре кольца, которое составляли их матери и отцы; время от времени один из старших волков спокойно подходил к какому-нибудь волчонку, внимательно осматривал его и, бесшумно ступая, возвращался на прежнее место. Иногда та или другая волчица выталкивала носом своего детеныша в полосу лунного света, желая, чтобы его непременно заметили. Акела же со своей скалы восклицал:

– Вы знаете Закон, вы знаете Закон! Хорошенько смотрите, о волки!

И протяжный тревожный вой матерей подхватывал:

– Смотрите, хорошенько смотрите, о волки!

Наконец, – и в эту минуту на шее Ракши поднялась высокая щетина, – Отец Волк вытолкнул Маугли-лягушку, как они называли мальчика, на самую середину открытого пространства, и он уселся там и стал со смехом играть камешками, блестящими при лунном свете.

Акела не поднял головы, продолжая монотонно выкрикивать:

– Смотрите хорошенько!

Из-за скалы послышалось глухое рыканье – голос Шер Хана. Тигр кричал:

– Детеныш – мой. Отдайте его мне. Зачем Свободному Народу детеныш человека?

Акела даже ухом не шевельнул. Он только протянул:

– Смотрите хорошенько, о волки. Разве Свободному Народу есть дело до чьих-либо заявлений, кроме постановлений Свободного Народа? Хорошенько смотрите.

Послышались тихие, недовольные, ворчащие голоса; один молодой волк, которому шел четвертый год, бросил Акеле вопрос тигра:

– Что делать Свободному Народу с детенышем человека?

Надо заметить, что, в силу постановлений Закона Джунглей, в случае споров относительно права вступления какого-нибудь детеныша в стаю, за его принятие должны высказаться, по крайней мере, двое из стаи, но не его отец или мать.

– Кто за этого детеныша? – спросил Акела. – Кто из Свободного Народа высказывается за его вступление в стаю?

Ответа не было, и Волчица Мать приготовилась к бою, который, она знала, будет для нее последним.

Тогда Балу, не принадлежавший к роду волков, но которого допускают в Совет стаи, старый Балу, сонный бурый медведь, преподающий волчатам Закон Джунглей, имеющий право расхаживать повсюду, потому что он ест только орехи, корни и мед, поднялся на задние лапы и проревел:

– Человеческий детеныш?.. Человеческий детеныш? Я высказываюсь за него. В нем нет ничего дурного. Я не обладаю даром слова, но говорю правду. Пусть он бежит вместе со стаей; примите его вместе с остальными. Я буду учить его!

– Нам нужен еще голос, – сказал Акела – Балу высказался, а ведь он учитель наших молодых волков. Кто, кроме Балу, подаст голос за человеческого детеныша?

Стройная тень скользнула в кольцо волков. Это была Багира, черная пантера, вся черная, как чернила, но с пятнами, видными как водяные клейма при известном освещении. Все знали Багиру и все боялись становиться ей поперек дороги, потому что она была хитра, как Табаки, мужественна, как дикий буйвол, неудержима, как раненый слон. Тем не менее, ее голос звучал мягко, точно звук падающих с дерева капель дикого меда, а ее шерсть была нежнее лебяжьего пуха.

– О Акела, и ты, Свободный Народ, – промурлыкала она, – я не имею права голоса в ваших собраниях, но Закон Джунглей говорит, что в случае сомнений, возникших относительно нового детеныша, сомнений, не касающихся охоты, его жизнь можно купить за известную цену. И Закон не определяет, кто может и кто не может заплатить за сохранение его жизни. Правильно ли я говорю?

– Правильно, правильно, – ответили вечно голодные молодые волки. – Слушайте Багиру. Детеныша можно купить за известную цену. Так говорит Закон.

– Я знаю, что не имею здесь права голоса, а потому прошу у вас позволения говорить.

– Говори, – послышалось двадцать голосов.

– Позорно убить безволосого детеныша. Кроме того, он может вам пригодиться, когда вырастет. Балу говорил в его пользу, а если вы согласитесь принять человеческого детеныша, я к словам Балу прибавлю только что убитого мной молодого и очень жирного быка, который лежит меньше чем в полумиле отсюда. Трудно ли принять решение?

Поднялся гул голосов, звучало:

– Стоит ли рассуждать? Он умрет от зимних дождей; солнце сожжет его! Какой вред может принести нам безволосая лягушка? Пусть себе бежит со стаей. А где бык, Багира? Примем детеныша!

И все закончил глубокий лающий голос Акелы:

– Смотрите хорошенько, смотрите хорошенько, о волки!

Внимание Маугли по-прежнему привлекали камешки; он даже не замечал, что волки один за другим подходили и осматривали его. Наконец, все спустились к убитому быку; на Скале Совета остались только Акела, Багира, Балу, волки усыновители Маугли, а в темноте все еще раздавалось ворчание Шер Хана, который сердился, что ему не отдали мальчика.

– Да, да реви хорошенько себе в усы, – сказала Багира, – придет время, когда человеческий детеныш заставит твой голос звучать другим образом. Это будет так, или я ничего не знаю о людях.

– Вы хорошо сделали! – сказал Акела. – Люди и их щенята очень умны. Со временем он сделается нашим помощником.

– Конечно, он сделается твоим помощником в тяжелую минуту; ведь никто не может надеяться вечно водить стаю, – заметила Багира.

Акела ничего не сказал. Он думал о времени, наступающем для каждого вожака, когда его силы уходят и он все слабеет и слабеет, пока, наконец, стая не убивает его и не является новым вожаком, которого в свою очередь тоже убьют.

– Уведи его, – сказал Акела Отцу Волку, – и воспитай его в правилах Свободного Народа.

Таким-то образом Маугли был введен в сионийскую волчью стаю, благодаря внесенной за него плате и доброму слову Балу

Теперь вам придется перескочить через десять или одиннадцать лет и самим угадать, какую удивительную жизнь Маугли вел среди волков, потому что, если бы описать ее, это наполнило бы множество книг.

Он рос вместе с волчатами, хотя, понятно, они сделались взрослыми волками, когда он еще оставался ребенком. Отец Волк учил его ремеслу и говорил обо всем, что находится и что происходит в джунглях; наконец, каждый шелест в траве, каждое легкое дыхание жаркого ночного воздуха, каждое гуканье совы над его головой, легчайший скрип когтей летучей мыши, опустившейся на дерево, каждый плеск прыгающей в крошечных озерах рыбы, – все для мальчика стало так же важно и понятно, как конторская работа для дельца.

Когда Маугли не учился, он сидел на солнце, спал, ел и опять спал; когда он чувствовал себя грязным или когда ему бывало жарко, он плавал в естественных лесных прудах; когда ему хотелось меду (Балу сказал мальчику, что мед и орехи так же вкусны, как и сырое мясо), он взбирался за ним на деревья. Подниматься на высокие стволы его научила Багира. Лежа на высокой ветке, пантера кричала: «Сюда, Маленький Братец», – и в первое время Маугли прижимался к сукам, точно ленивец, но со временем стал перекидываться с одной ветки на другую, почти со смелостью серой обезьяны. Во время собраний стаи он занимал указанное ему место на Скале Совета и в это время открыл, что когда ему случалось пристально смотреть на какого-нибудь волка, тот невольно опускал глаза. Узнав это, Маугли стал в виде забавы вписываться взглядом в глаза волков. Иногда он вынимал длинные шипы, засевшие между пальцами его друзей, потому что волки страшно страдают от шипов и колючек, попавших в их кожу. По ночам мальчик спускался с горного откоса к возделанным полям и с большим любопытством смотрел на поселян в их хижинах, однако не доверял людям, так как Багира однажды показала ему до того хитро спрятанный в заросли ящик с падающей дверцей, что он чуть не попал в него. Тогда пантера сказала ему, что это ловушка. Больше всего Маугли любил вместе с Багирой уходить в темную, теплую гущу леса, спать там целый день, а ночью наблюдать за охотой черной пантеры. Голодная, она убивала все, что ей попадалось навстречу, так же поступал и Маугли... с одним исключением. Когда он подрос и его ум развился, Багира сказала ему, чтобы он не смел трогать домашнего скота, так как его жизнь купили ценой жизни быка.

– Вся заросль твоя, – сказала Багира, – и ты можешь охотиться на всякую дичь, которую ты в состоянии убить, но в память о быке, заплатившем за тебя, никогда не убивай или не ешь ни молодого, ни старого домашнего скота. Таков Закон Джунглей.

И Маугли свято повиновался. Он вырастал, делался сильным, как это было бы с каждым, не сидящим за уроками мальчиком, которому не о чем думать, кроме еды. Раза два Мать Волчица сказала ему, что Шер Хану нельзя доверять и что он когда-нибудь должен убить Шер Хана. Молодой волк ежечасно вспоминал бы о совете Ракши, но Маугли позабыл ее слова, ведь он был только мальчик, хотя, конечно, назвал бы себя волком, если бы умел говорить на каком-нибудь человеческом наречии.

Шер Хан вечно попадался на его пути, потому что Акела постарел, стал слабее, и теперь хромой тигр подружился с младшими волками стаи, и те часто бегали за ним; Акела не допустил бы до этого, если бы прежняя сила дала ему возможность как следует проявлять свою власть. Кроме того, Шер Хан льстил молодым волкам и высказывал удивление, что такие прекрасные молодые охотники добровольно покоряются полуживому вожаку и детенышу человека.

– Мне рассказывали, – говаривал Шер Хан, – что на Скале Совета вы не решаетесь смотреть ему в глаза.

И молодые волки ворчали, поднимая щетину.

Багира, у которой повсеместно были уши и глаза, знала кое-что о таких разговорах и раза два прямо и просто сказала Маугли, что когда-нибудь Шер Хан его убьет; но мальчик смеялся и отвечал:

– У меня стая, у меня и ты, и хотя Балу ленив, он может в мою защиту нанести лапой несколько ударов. Чего мне бояться?

В один очень жаркий день в мозгу Багиры появилась новая мысль, родившаяся вследствие дошедших до нее слухов. Может быть, Икки, дикобраз, предупредил пантеру; во всяком случае, раз, когда Маугли лежал в глубине джунглей, прижимаясь головой к ее красивой черной шкуре, Багира сказала ему:

– Маленький Брат, сколько раз я говорила тебе, что Шер Хан твой враг?

– Столько, сколько орехов на этой пальме, – ответил Маугли, конечно, не умеющий считать. – Что же из этого? Мне хочется спать, Багира, а у Шер Хана такой же длинный хвост и такой же громкий голос, как у Мао, павлина.

– Теперь не время спать. Это знает Балу, знаю я, знает стая, знают даже глупые-глупые олени. Табаки тоже говорил об этом тебе.

– Хо, хо! – ответил Маугли. – Недавно ко мне пришел Табаки и стал грубо уверять меня, что я – бесшерстный человеческий детеныш, incapable даже вырывать из земли дикие трюфели, а я схватил шакала за хвост, два раза качнул и ударил о пальму, чтобы научить его вежливости.

– И глупо сделал; правда, Табаки любит мутить, однако он мог сказать тебе многое, близко касающееся тебя. Открой глаза, Маленький Брат, Шер Хан не решается убить тебя в джунглях, но помни: Акела очень стар; вскоре наступит день, когда он окажется не в силах убить оленя, и тогда Одинокий Волк перестанет быть вожаком стаи. Многие из волков, которые осматривали тебя, когда ты впервые был приведен в Совет, тоже состарились, а молодежь верит Шер Хану и думает, что человеческому детенышу не место среди нас. Скоро ты сделаешься взрослым человеком.

– А разве человек не имеет права охотиться со своими братьями? – спросил Маугли. – Я здесь родился. Я повинуюсь Закону Джунглей, и в нашей стае не найдется ни одного волка, из лап которого я не вынимал бы заноз. Они, конечно, мои братья.

Багира вытянулась во всю длину и прищурила глаза.

– Маленький Братец, – сказала она, – пощупай рукой мою шею под нижней челюстью.

Маугли протянул свою сильную темную руку и там, где исполинские мышцы скрывались под блестящей шерстью, как раз под подбородком пантеры, нащупал маленькое бесшерстное пространство.

– Никто в джунглях не знает, что я, Багира, ношу на себе этот след... след ошейника, а между тем, Маленький Брат, я родилась среди людей, среди людей умерла и моя мать, в клетках королевского дворца в Удейпуре. Вот почему я заплатила за тебя Совету, когда ты был маленьким голым детенышем. Да, да, я тоже родилась среди людей, а не в джунглях. Я сидела за железными брусьями и меня кормили, просовывая между ними железную чашку; наконец, раз ночью я почувствовала, что я, Багира, пантера, а не людская игрушка, одним ударом лапы сломала глупый замок и ушла. Благодаря моему знанию людских обычаев, я в джунглях стала ужаснее Шер Хана. Правда это?

– Да, – ответил Маугли, – все в джунглях боятся Багиры, все, кроме Маугли.

– О ты, детеныш человека! – очень нежно промурлыкала пантера. – И как я вернулась в мои джунгли, так и ты, в конце концов, должен вернуться к людям, к людям – твоим братьям... если тебя раньше не убьют в Совете.

– Но за что же, за что могут меня убить? – спросил Маугли.

– Посмотри на меня, – сказала Багира. И Маугли взглянул ей прямо в глаза; пантера выдержала только половину минуты, потом отвернулась.

– Вот почему, – сказала она, шевеля своей лапой на листьях. – Даже я не могу смотреть тебе в глаза, хотя родилась среди людей и люблю тебя, Маленький Брат. Другие тебя ненавидят,

потому что не могут выдержать твоего взгляда, потому что ты разумен, потому что ты вынимал колючки из их лап, потому что ты – человек.

– Я этого не знал, – мрачно проговорил Маугли, и его черные брови сдвинулись.

– Что говорит Закон Джунглей? Прежде ударь, потом говори. Сама твоя беззаботность показывает, что ты человек. Но будь мудр. В сердце я чувствую, что когда Акела упустит свою добычу (а с каждым днем ему делается все труднее останавливать оленей), стая обратится против него и против тебя. Они соберут Совет на скале, и тогда, тогда. Ага, придумала! – сказала Багира и одним прыжком очутилась на четырех лапах. – Скорей беги в долину к человеческим хижинам и возьми частицу Красного Цветка, который они разводят там; у тебя в свое время будет друг сильнее меня, сильнее Балу, сильнее всех, кто тебя любит. Достань Красный Цветок.

Под Красным Цветком Багира подразумевала огонь; ни одно создание в джунглях не произносит этого слова. Дикие животные смертельно боятся пламени и придумывают для него сотни разных названий.

– Красный Цветок? – спросил Маугли. – Я знаю, в сумраке он вырастает подле их хижин. Я принесу его.

– Это настоящая речь человеческого детеныша, – с гордостью сказала Багира. – Но помни: он растет в маленьких горшочках. Добудь один из них и всегда храни его на случай нужды.

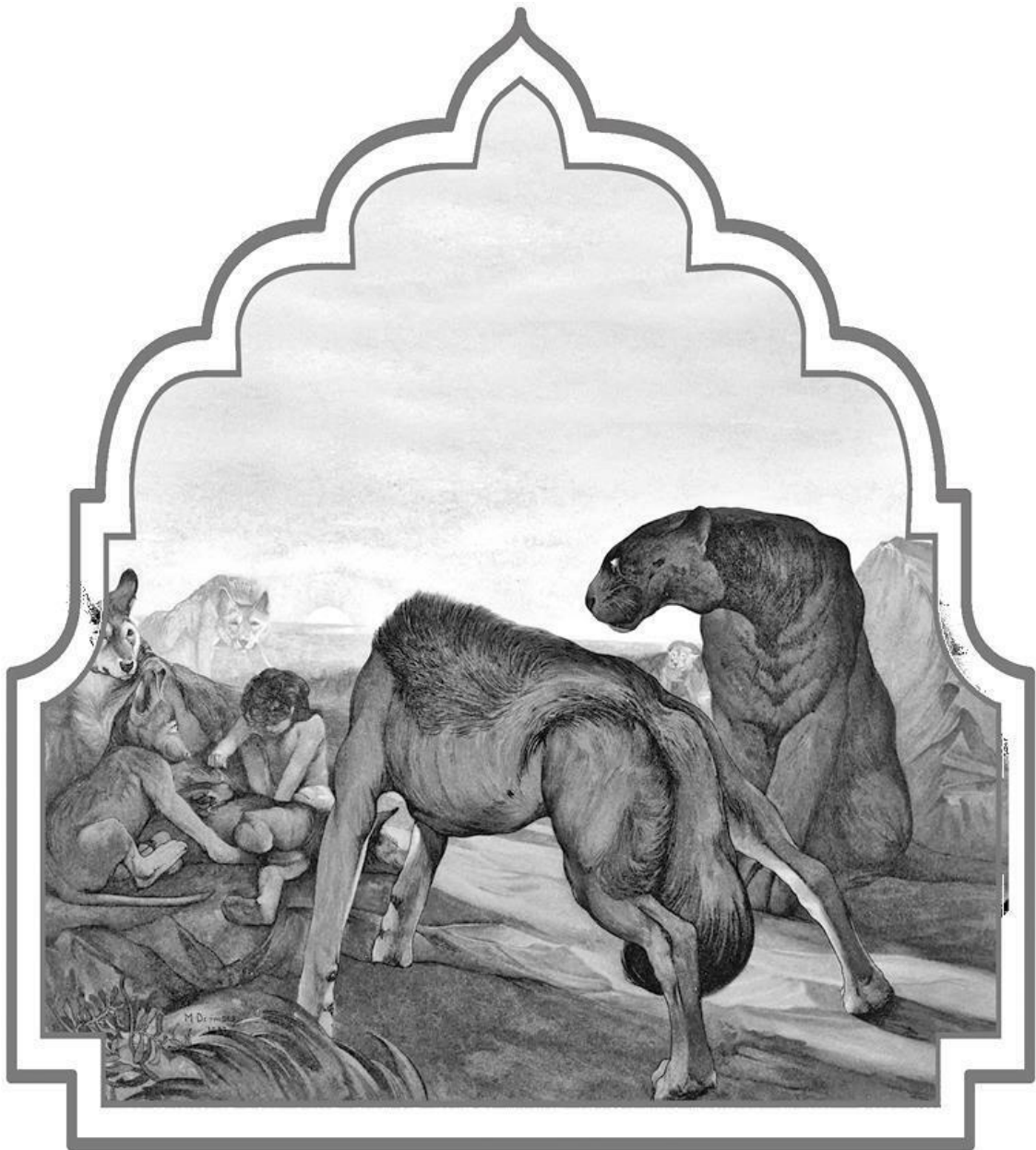
– Хорошо, – сказал Маугли, – иду. Но уверена ли ты, о моя Багира, – он обнял рукой прекрасную шею пантеры и глубоко заглянул в ее большие глаза, – уверена ли ты, что все это дела Шер Хана?

– Клянусь освободившим меня сломанным замком, – уверена, Маленький Брат!

– В таком случае, клянусь купившим меня быком, что я отплачу за все Шер Хану и, может быть, с избытком! – крикнул Маугли и кинулся вперед.

– Да, он человек. Это совершенно по-человечески, – сказала Багира, снова ложась. – О Шер Хан, в мире никогда не бывало такой неудачной охоты, как твоя охота на эту лягушку десять лет тому назад.

Маугли пересекал лес; он бежал быстро; в его груди горело сердце. Когда поднялся вечерний туман, он подошел к родной пещере, перевел дух и посмотрел вниз на деревню. Молодые волки ушли, но Волчица Мать, лежавшая в глубине логовища, по дыханию мальчика угадала, что ее лягушонок чем-то взволнован.

Маугли и одинокий волк.
Художники – Мариус и Эдвард Детмольд. 1912 г.
Убивай для себя и семьи своей:
если голоден, то – убей!
Но не смей убивать,

чтобы злобу унять, и —
Не смей убивать людей!
(Р. Киплинг)

– Что тебя тревожит, сынок? – спросила она.

– Болтовня о Шер Хане, – ответил он. – Сегодня ночью я иду охотиться среди вспаханных полей.

Маугли нырнул в чащу и побежал к реке, протекавшей в глубине долины. Тут он остановился, услышав охотничий вой своей стаи, крик преследуемого самбхура и его фыркание; очевидно, он остановился, собираясь отбиваться. Тотчас же послышался злобный, полный горечи вой молодых волков:

– Акела! Акела! Одинокий Волк, покажи свою силу! Место вожаку стаи! Бросайся!

Вероятно, Одинокий Волк прыгнул и промахнулся: Маугли услышал лязг его зубов и короткий лай, вырвавшийся у него из горла, когда олень опрокинул его передней ногой.

Маугли не стал ждать больше, а побежал; и по мере того, как он углублялся в возделанные поля, где жили люди, позади него вой затихал.

«Багира сказала правду, – задыхаясь, подумал Маугли и угнездился в кормушке для скота близ окна хижины. – Завтра наступит важный день для Акелы и для меня».

Прижимаясь лицом к окну и глядя на пламя очага, мальчик увидел, как жена хозяина дома поднялась и стала в темноте бросать в огонь какие-то черные кусочки; когда же пришло утро, и дымка тумана побелела и сделалась холодной, маленький ребенок взял сплетенную из веток чашку, внутри вымазанную глиной, наполнил ее тлеющими угольями, прикрыл своим одеялом и вышел с нею из хижины, направляясь к коровам в загоне.

– И все? – прошептал Маугли. – Если это может сделать детеныш – нечего бояться!

Он обогнул угол дома, встретил мальчика, вырвал у него из рук чашку и скрылся в тумане. А мальчик громко кричал и плакал от ужаса.

– Они очень похожи на меня, – сказал Маугли, раздувая угли, как при нем это делала женщина. – Эта вещь умрет, если я не покормлю ее, – и он подбавил сухих веток и коры в красные угли.

На половине горного склона Маугли встретил Багиру; капли утренней росы сверкали на ее черной шерсти, как лунные камни.

– Акела промахнулся, – сказала пантера, – его убили бы в эту ночь, но им нужен также ты. Тебя искали на горе.

– Я был среди вспаханных земель. Я готов. Смотри! – Маугли поднял чашку.

– Хорошо. Слушай: я видела, что люди опускают в эту красную вещь сухие ветки и тогда на них расцветает Красный Цветок. Тебе не страшно?

– Нет, чего бояться? Теперь я помню (если это не сон), как раньше, чем я сделался волком, я лежал подле Красного Цветка и мне было так тепло и приятно.

Весь этот день Маугли просидел в пещере, он смотрел за углями, опускал в чашку сухие ветки и наблюдал за ними. Одна ветка особенно понравилась мальчику, и когда вечером в пещеру пришел Табаки и довольно грубо сказал ему, что его требуют на Скалу

Совета, он засмеялся и хохотал так, что Табаки убежал. Все еще смеясь, Маугли пошел к месту собрания стаи.

Акела лежал подле своего бывшего камня в знак того, что место вожака открыто, а Шер Хан со своей свитой волков, питавшихся остатками его пищи, не скрываясь, расхаживал взад и вперед. Ему льстили, и он не боялся. Багира легла подле Маугли, который зажал между своими коленями чашку. Когда все собрались, заговорил Шер Хан; он не осмелился бы сделать этого во времена расцвета силы Акелы.

– Он не имеет права говорить, – прошептала Багира Маугли. – Скажи это. Он собачий сын. Он испугается! – Маугли поднялся на ноги.

– Свободный Народ, – громко прозвучал его голос. – Разве Шер Хан водит стаю? Какое дело тигру до места нашего вожака?

– Ввиду того, что это место еще свободно, а также помня, что меня просили говорить... – начал Шер Хан.

– Кто просил? – сказал Маугли. – Разве мы шакалы и должны прислуживать мяснику, убивающему домашний скот? Вопрос о вожаке стаи касается только стаи.

Раздался визг, вой; голоса кричали:

– Молчи ты, щенок человека!

– Дайте ему говорить. Он хранил наш Закон!

Наконец, прорычали старшие волки:

– Пусть говорит Мертвый Волк.

Когда вожак стаи не убивает намеченной добычи, весь остаток жизни (обыкновенно очень короткий) недавнего предводителя зовут Мертвым Волком.

Усталым движением Акела поднял свою старую голову.

– Свободный Народ и вы, шакалы Шер Хана! Двенадцать лет я водил вас на охоту и с охоты, и за все это время никто, ни один волк не попался в ловушку и не был изувечен. Теперь я упустил добычу. Вам известно, как был выполнен заговор. Вы знаете, что меня привели к крепкому самбхуру, чтобы показать всем мою слабость. Задумали умно! Вы вправе убить меня теперь же на Скале Совета. Поэтому я спрашиваю вас, кто выйдет, чтобы покончить с Одиноким Волком? В силу Закона Джунглей вы должны выходить по одному.

Наступило продолжительное молчание; никто из волков не хотел один на один насмерть бороться с Акелой. Наконец, Шер Хан проревел:

– Ба, какое нам дело до этого беззубого глупца? Он и так скоро умрет. Вот детеныш человека прожил слишком долгое время. Свободный Народ, с первой же минуты его мясо было моим. Отдайте его мне! Мне надоело все это безумие. Десять лет он смущал джунгли. Дайте мне человеческого детеныша. В противном случае я всегда буду охотиться здесь, не оставляя вам ни одной кости. Он человек, человеческое дитя, и я ненавижу его до мозга моих костей.

И более половины стаи завыло:

– Человек! Человек! Человек! Что делать у нас человеку? Пусть уходит откуда пришел.

– И обратит против нас все население окрестных деревень? – прогремел Шер Хан. – Нет, отдайте его мне! Он человек, и никто из нас не может смотреть ему в глаза.

Акела снова поднял голову и сказал:

– Он ел нашу пищу, спал рядом с нами; он загонял для нас дичь. Он не нарушил ни слова из Закона Джунглей.

– И я заплатила за него жизнью быка, когда он был принят. Бык – вещь неважная, но честь Багиры нечто иное, за что она, может быть, будет биться, – самым мягким голосом произнесла черная пантера.

– Бык, внесенный в виде платы десять лет тому назад? – слышались в стае ворчащие голоса. – Какое нам дело до костей, которым минуло десять лет?

– Или до честного слова? – сказала Багира, оскалив белые зубы. – Правильно вас зовут Свободным Народом!

– Человеческий детеныш не имеет права охотиться с жителями джунглей, – провыл Шер Хан. – Дайте его мне!

– Он наш брат по всему, кроме рождения, – продолжал Акела, – А вы хотите его убить! Действительно, я прожил слишком долго. Некоторые из вас поедают домашний скот, другие же, наученные Шер Ханом, пробираются в темные ночи в деревни и уносят детей с порогов хижин. Благодаря этому, я знаю, что вы трусы, и с трусами я говорю. Конечно, я должен уме-

реть, и моя жизнь не имеет цены, не то я предложил бы ее за жизнь человеческого детеныша. Но во имя чести стаи (вы забыли об этом маленьком обстоятельстве, так как долго были без вожака) обещаю вам: если вы отпустите человеческого детеныша домой, я умру, не обнажив против вас ни одного зуба. Я умру без борьбы. Благодаря этому в стае сохранится, по крайней мере, три жизни. Больше я ничего не могу сделать; однако, если вы согласны, я спасу вас от позорного убийства брата, за которым нет вины, брата, принятого в стаю по Закону Джунглей после подачи за него двух голосов и уплаты за его жизнь.

– Он человек, человек, человек! – выли волки, и большая их часть столпилась около Шер Хана, который начал размахивать хвостом.

– Теперь дело в твоих руках, – сказала Багира Маугли. – Нам остается только биться.

Маугли держал чашку с углями; он вытянул руки и зевнул перед лицом Совета, но его переполняли ярость и печаль, потому что, по своему обыкновению, волки до сих пор не говорили ему, как они его ненавидят.

– Слушайте вы, – закричал он, – зачем вам тявкать по-собачьи? В эту ночь вы столько раз называли меня человеком (а я так охотно до конца жизни пробыл бы волком среди волков), что теперь чувствую истину ваших слов. Итак, я больше не называю вас моими братьями; для меня вы – собаки, как для человека. Не вам говорить, что вы сделаете, чего не сделаете. За вас буду решать я, и чтобы вы могли видеть это яснее, я, человек, принес сюда частицу Красного Цветка, которого вы, собаки, боитесь!

Он бросил на землю чашку; горящие угли подожгли клочки сухого мха; мох вспыхнул. Весь Совет отступил в ужасе перед запрыгавшим пламенем.

Маугли опустил сухую ветвь в огонь, и ее мелкие веточки с треском загорелись. Стоя посреди дрожавших волков, он крутил над своей головой пылающий сук.

– Ты – господин, – тихим голосом сказала ему Багира. – Спаси Акелу от смерти. Он всегда был твоим другом.

Акела, суровый старый волк, никогда в жизни не просивший пощады, жалобно взглянул на Маугли, который, весь обнаженный, с длинными черными волосами, рассыпавшимися по его плечам, стоял, освещенный горячей ветвью, а повсюду кругом тени трепетали, дрожали и прыгали.

– Хорошо, – сказал Маугли, медленно осматриваясь. – Я вижу, что вы собаки, и ухожу от вас к моим родичам... если они мои родичи. Джунгли для меня закрыты, и я должен забыть вашу речь и ваше общество, но я буду милосерднее вас. Только по крови я не был вашим братом, а потому обещаю вам, что, сделавшись человеком между людьми, я вас не предаю, как вы предали меня. – Маугли толкнул ногой горящий мох, и над ним взвились искры. – Между нами и стаей не будет войны, но перед уходом я должен заплатить один долг.

Маугли подошел к Шер Хану, который сидел, глупо мигая от света, и схватил тигра за пучок шерсти под его подбородком. Багира на всякий случай подкралась к своему любимцу.

– Встань, собака, – приказал Маугли Шер Хану. – Встань, когда с тобой говорит человек, не то я подожгу твою шерсть.

Уши Шер Хана совсем прижались к голове, и он закрыл глаза, потому что пылающая ветка пододвинулась к нему.

– Этот убийца домашнего скота сказал, что он убьет меня на Совете, так как ему не удалось покончить со мной, когда я был маленьким детенышем. Вот же тебе, вот! Так мы, люди, бьем наших собак. Пошевели хоть усом, и Красный Цветок попадет тебе в глотку.

Он бил веткой по голове Шер Хана, и в агонии страха тигр визжал и стонал.

– Фу, уходи теперь прочь, заклеянная кошка джунглей! Только знай: когда я снова приду к Скале Совета, на моей голове будет шкура Шер Хана. Дальше: Акела может жить, где и как ему угодно. Вы его не убьете, потому что я не желаю этого. И думается мне, что недолго

будете вы сидеть здесь, болтая языком, точно вы важные особы, а не собаки, которых я гоню. Вот так!

Конец большой ветки ярко горел. Маугли бил ею вправо и влево; когда искры попадали на шерсть волков, сидевших кольцом, они с воплем убегали. Наконец, подле Скалы Совета остались Акела, Багира и около десятка волков, которые приняли сторону Маугли. И вот в своей груди Маугли почувствовал такую боль, какой не испытал еще никогда в жизни. У него перехватило дыхание; он всхлипнул, и слезы потекли по его лицу.

– Что это, что это? – спросил он. – Я не хочу уходить из джунглей и не понимаю, что со мной. Я умираю, Багира?

– Нет, Маленький Брат. Это только слезы, такие слезы бывают у людей, – сказала Багира. – Да, теперь я вижу, что ты взрослый человек, а не человеческий детеныш. Отныне джунгли, действительно, закрыты для тебя. Пусть они льются, Маугли; это только слезы!

Так Маугли сидел и плакал, точно его сердце разбилось. Раньше он не знал слез.

– Теперь, – сказал, наконец, мальчик, – я уйду к людям, но прежде попрощаюсь с моей матерью.

Он пошел в ту пещеру, в которой жил с семьей Отца Волка, и так плакал, прижимаясь к меху волчица, что четыре молодых волка жалобно завывали.

– Вы меня не забудете? – спросил их Маугли.

– Не забудем, пока у нас хватит сил бегать по следам. Когда ты сделаешься человеком, приходи к подножию холма, мы будем с тобой разговаривать и по ночам станем выбегать в поля, чтобы играть с тобой.

– Возвращайся скорее, – сказал Волк Отец, – возвращайся скорее, о мудрая лягушечка, потому что мы, твоя мать и я, уже стары.

– Скорее приходи, – повторила Волчица Мать, – мой маленький бесшерстый сынок, потому что знай, дитя людей, я любила тебя больше, чем кого-нибудь из моих волчат.

– Конечно, приду, – ответил Маугли, – и приду для того, чтобы положить на Скалу Совета шкуру Шер Хана. Не забывайте меня. Скажите в джунглях, чтобы меня там не забывали.

Начала загораться заря; Маугли спускался с горного откоса; он, молчаливый и одинокий, шел к таинственным существам, которых зовут людьми.

Охота питона Каа

Все рассказанное здесь случилось задолго до того, как Маугли был изгнан из сионийской волчьей стаи, раньше, чем он отомстил Шер Хану, тигру, словом, и происходило в те дни, когда Балу учил его Закону Джунглей. Большой серьезный бурый медведь радовался понятливости своего ученика, потому что молодые волки стараются узнать только ту часть Закона Джунглей, которая касается их собственной стаи и их племени, и убегают, едва заучив наизусть одну строфу из Стихотворения Охотников: «Ноги, ступающие бесшумно; глаза, видящие в темноте; уши, слышащие ветры в их приютах, и острые белые зубы, – вот отличительные черты наших братьев; исключаются только шакал Табаки и гиены, которых мы ненавидим». Маугли же был детенышем человека, и потому ему приходилось узнавать больше. Иногда черная пантера Багира приходила через джунгли посмотреть, как подвигаются дела у ее любимца и, потирая голову о дерево, мурлыкала, пока Маугли отвечал Балу заданный ему на этот день урок. Мальчик взбирался на деревья почти так же хорошо, как плавал, а плавал почти так же хорошо, как бегал. Поэтому Балу, учитель Закона, преподавал ему Законы Леса и Законы Вод: объяснял, как отличать подгнившую ветвь от здоровой; как вежливо разговаривать с дикими пчелами, проходя под их сотами, висящими на пятьдесят футов выше его головы; как извиниться перед нетопырем Мангом, потревожив его в полдень среди ветвей, или как предупреждать водяных змей в естественных лесных прудах, готовясь кинуться к ним в воду. Никто из населения джунглей не любит, чтобы его тревожили, и все готовы броситься на незваного гостя. Узнал Маугли и Охотничий Крик Пришельцев. В том случае, когда охотник преследует дичь не на своей территории, этот призыв следует громко повторять, пока не услышишь на него ответа. В переводе он значит: «Позвольте мне охотиться здесь, потому что я голоден»; отвечают же на него так: «В таком случае охоться ради пищи, но не для удовольствия».

Все это должно вам показать, до чего многое Маугли приходилось заучивать наизусть, и, повторяя одно и то же больше ста раз, он очень уставал. Однако, как Балу сказал Багире в тот день, когда Маугли был побит и, рассерженный, убежал от него:

– Человеческий детеныш и есть человеческий детеныш, а потому он должен знать весь Закон Джунглей.

– Но подумай, какой он маленький, – возразила черная пантера, которая, конечно, избаловала бы мальчика, если бы Балу не мешал ей. – Как все эти слова могут уместиться в его маленькой голове?

– Разве в джунглях есть что-нибудь настолько маленькое, чтобы звери его не трогали? Нет. Вот потому-то я и учу детеныша; потому-то я и бью его, правда, очень нежно, когда он забывает мои слова.

– Нежно! Что ты знаешь о нежности, Железные Лапы? – проворчала Багира – Сегодня у него все лицо разбито из-за твоей... нежности. Гр!

– Пусть лучше я, любящий детеныша, покрою его ссадинами с головы до ног, чем он, по невежеству, попадет в беду, – с жаром ответил бурый медведь. – Теперь я учу его Великим Словам Джунглей, которые послужат для него защитой среди населения – птиц, змей и всех существ, охотящихся на четырех ногах, помимо его собственной стаи. Если только детеныш запомнит слова, он получит возможность требовать покровительства от всех созданий, живущих в джунглях. Разве ради этого не стоило слегка побить его?

– Пожалуй; только смотри, не убей детеныша. Он же не древесный пень для оттачивания твоих тупых когтей. Но, что это за Великие Слова? Конечно, гораздо вероятнее, что я окажу кому-нибудь помощь, нежели попрошу ее, – сказала Багира, вытянув одну из своих передних лап и любясь как бы изваянными резцом когтями синевато-стального цвета, которые украшали ее пальцы. – А все же мне хотелось бы узнать эти слова.

– Я позову Маугли, и он скажет их тебе... если захочет. Иди сюда, Маленький Брат!

– У меня в голове шумит, как в дупле с пчелиным роем, – послышался мрачный голосок над их головами; Маугли скользнул по стволу дерева и, ступив на землю, рассерженный и негодующий, прибавил: – Я пришел для тебя, Багира, а совсем не для тебя, жирный, старый Балю.

– Мне это все равно, – ответил Балю, хотя он был обижен и огорчен. – В таком случае, скажи Багире Великие Слова Джунглей, которым я учил тебя сегодня.

– Великие Слова какого народа? – спросил Маугли, довольный возможностью показать свою ученость. – В джунглях много наречий, я знаю их все.

– Ты знаешь далеко не все. Видишь, о Багира, они никогда не благодарят своего учителя. Ни один волчонок не возвращался, чтобы поблагодарить старого Балю за его уроки. Ну, ты, великий ученый, скажи Слова Народа Охотников.

– Мы одной крови, вы и я, – сказал Маугли, с акцентом медведя, как это делают все Охотники.

– Хорошо. Теперь Великие Слова Птиц.

Маугли повторил ту же фразу, закончив ее свистом коршуна.

– Теперь Слова змей, – сказала Багира

В ответ послышалось совершенно неопишное шипение; потом Маугли брыкнул ногами, захлопал в ладоши, все в виде одобрения себе и прыгнул на спину Багиры. Тут он уселся, свесив ноги в одну сторону, барабанил пятками по блестящей шкуре пантеры и строя самые ужасные гримасы бурому медведю:

– Так, так; из-за этого стоило получить несколько синяков, – нежно проговорил медведь. – Когда-нибудь ты вспомнишь меня.

После этого Балю повернулся в сторону и сказал Багире, что он упрямил Хати, дикого слона, который знает все подобные вещи, сказать ему Великие Слова; что Хати отвел Маугли к болоту, чтобы услышать Змеиные Слова от водяной змеи, так как Балю не мог их произнести, и прибавил, что теперь человеческий детеныш защищен от всех случайностей в джунглях, потому что ни змея, ни птица или четвероногое животное не посмеют сделать ему вреда.

– Ему некого бояться, – в заключение сказал Балю, с гордостью похлопывая себя по огромному пушистому брюшку.

– Кроме его собственного племени, – сказала про себя Багира, и вслух прибавила, обращаясь к Маугли:

– Пожалей мои ребра, Маленький Брат. Что это за танцы взад и вперед?

Маугли старался обратить на себя внимание Багиры, дергая ее за шерсть на плече и колотя ее ногами. Когда пантера и медведь стали его слушать, он закричал во весь голос:

– Таким образом, у меня будет собственная стая, и я стану весь день водить их между ветвями.

– Это еще что за новое безумие, маленький сновидец? – спросила Багира.

– И я буду бросать ветки и грязь в старого Балю, – продолжал Маугли. – Они обещали мне это. А?

– Буф, – громадная лапа Балю сбросила Маугли со спины Багиры, и мальчик, лежавший теперь между его огромными передними лапами, понял, что медведь сердится.

– Маугли, – сказал Балю, – ты разговаривал с Бандар-логом, с Обезьяньим Народом?

Маугли посмотрел на Багиру, желая видеть, не сердится ли также и пантера: ее глаза были жестки, как яшмовые камни.

– Ты был с серыми обезьянами, с существами без Закона, с поедателями всякой дряни. Это великий позор.

– Когда Балю ударил меня по голове, – сказал Маугли (он все еще лежал на спине), – я убежал; с деревьев соскочили серые обезьяны и пожалели меня. Никому больше не было до меня дела. – И мальчик слегка втянул ноздрями воздух.

– Жалость Обезьяньего Народа! – Балу фыркнул. – Молчание горного потока! Прохлада летнего солнца! А что дальше, человеческий детеныш?

– Потом... Потом обезьяны дали мне орехов и разных вкусных вещей и... и... отнесли меня на вершины деревьев, а там сказали, что по крови я их брат, что я отличаюсь от обезьян только отсутствием хвоста и что со временем я сделаюсь их вожаком.

– У них не бывает вожаков, – сказала Багира. – Они лгут и всегда лгали.

– Они обходились со мной очень ласково и звали меня опять к ним. Почему меня никогда не водили к Обезьяньему Народу? Серые обезьяны стоят, как я, на задних лапах, не дерутся жесткими лапами, а играют целый день. Пустите меня на деревья. Злой Балу, пусти меня наверх. Я опять поиграю с ними.

– Послушай, детеныш человека, – сказал медведь, и его голос прогремел, точно раскат грома в знойную ночь. – Я учил тебя Закону Джунглей, касающемуся всего нашего населения, за исключением Обезьяньего Народа, живущего среди ветвей. У них нет закона. Обезьяны – отверженные. У них нет собственного наречия; они пользуются украденными словами, которые подслушивают, когда подглядывают за нами, прячась в ветвях. У них не наши обычаи. Они живут без вожаков. У них нет памяти. Они хвастаются, болтают, уверяют, будто они великий народ, готовый совершать великие дела в джунглях, но падает орех, им делается смешно, и они все забывают. Мы, жители джунглей, не имеем с ними дела; не пьем там, где пьют обезьяны; не двигаемся по их дорогам; не охотимся там, где они охотятся; не умираем, где умирают они. Слыхал ли ты, чтобы я когда-нибудь до сегодняшнего дня говорил о Бандарлоге?

– Нет, – шепотом произнес Маугли, потому что теперь, когда Балу перестал говорить, в лесу стало тихо.

– Народ джунглей изгнал их из своей памяти и не берет в рот их мяса. Обезьян очень много; они злы, грязны, не имеют стыда, и если у них есть какое-нибудь определенное желание, то именно стремление, чтобы в джунглях заметили их. Но мы не обращаем на них внимания, даже когда они бросают нам на голову грязь и орехи.

Едва медведь договорил, как с деревьев посыпался град орехов и обломков веток; послышался кашель, вой; и там, наверху, между тонкими ветвями, почувствовались гневные прыжки.

– Для населения джунглей обезьяны – народ отверженный. Помни это.

– Отверженный, – сказала Багира, – тем не менее, мне кажется, ты, Балу, должен был предупредить его.

– Предупредить? Я? Мог ли я угадать, что он станет возиться с такой грязью? Бандарлог! Фу!

На их головы снова посыпался град из орехов и веток, и медведь с пантерой убежали, взяв с собой Маугли. Балу сказал правду. Обезьяны живут на вершинах деревьев, и так как обитатели лесов редко смотрят вверх, они редко сталкиваются с Бандарлогом. Зато при виде больного волка, раненого тигра или медведя обезьяны сходят на землю, мучают их ради забавы; в надежде обратить на себя внимание зверей они постоянно кидают в них ветки и орехи. Кроме того, они воют, выкрикивают бессмысленные песни, приглашают Народ Джунглей взобраться к ним и вступить с ними в бой; или без всякого повода затевают между собой ожесточенные драки и бросают мертвых обезьян туда, где население зарослей может увидеть эти трупы. Они все собираются избрать себе вожака, составить собственные законы, придумать собственные обычаи, но никогда не выполняют задуманного, потому что их памяти не хватает до следующего дня. В оправдание себе обезьяны сочинили поговорку: «То, о чем Бандарлог думает теперь, джунгли подумают позже», – и это сильно ободряет их. Ни один из зверей не может добраться до Бандарлога; с другой стороны, никто из зверей не желает замечать этого племени; вот потому-то обезьянам и было так приятно, когда Маугли пришел играть с ними, а Балу рассердился.

У обезьян не было какого-либо определенного намерения (Бандарлог вообще никогда не имеет намерений), однако в голове одной из обезьян явилась, как ей показалось, блестящая мысль, и она сказала остальным, что им было бы полезно держать у себя Маугли, потому что он умел свивать ветки для защиты от ветра, и, если бы они поймали его, он, вероятно, научил бы и их своему искусству. Понятно, Маугли, сын дровосека, унаследовал от своего отца множество инстинктов; между прочим, строил хижинки из хвороста, не думая о том, почему он делает это. Наблюдая за ним с деревьев, Бандарлог находил эту игру удивительной. Теперь, как говорили обезьяны, у них действительно появится вождь, и они сделаются самым мудрым народом в джунглях, таким мудрым, что все остальные будут замечать их и завидовать им. Они побежали вслед за Балу, Багирой и Маугли, и держались совершенно тихо до времени полуденного отдыха, когда пристыженный Маугли заснул между пантерой и медведем, решив больше не иметь дела с Обезьяньим Народом.

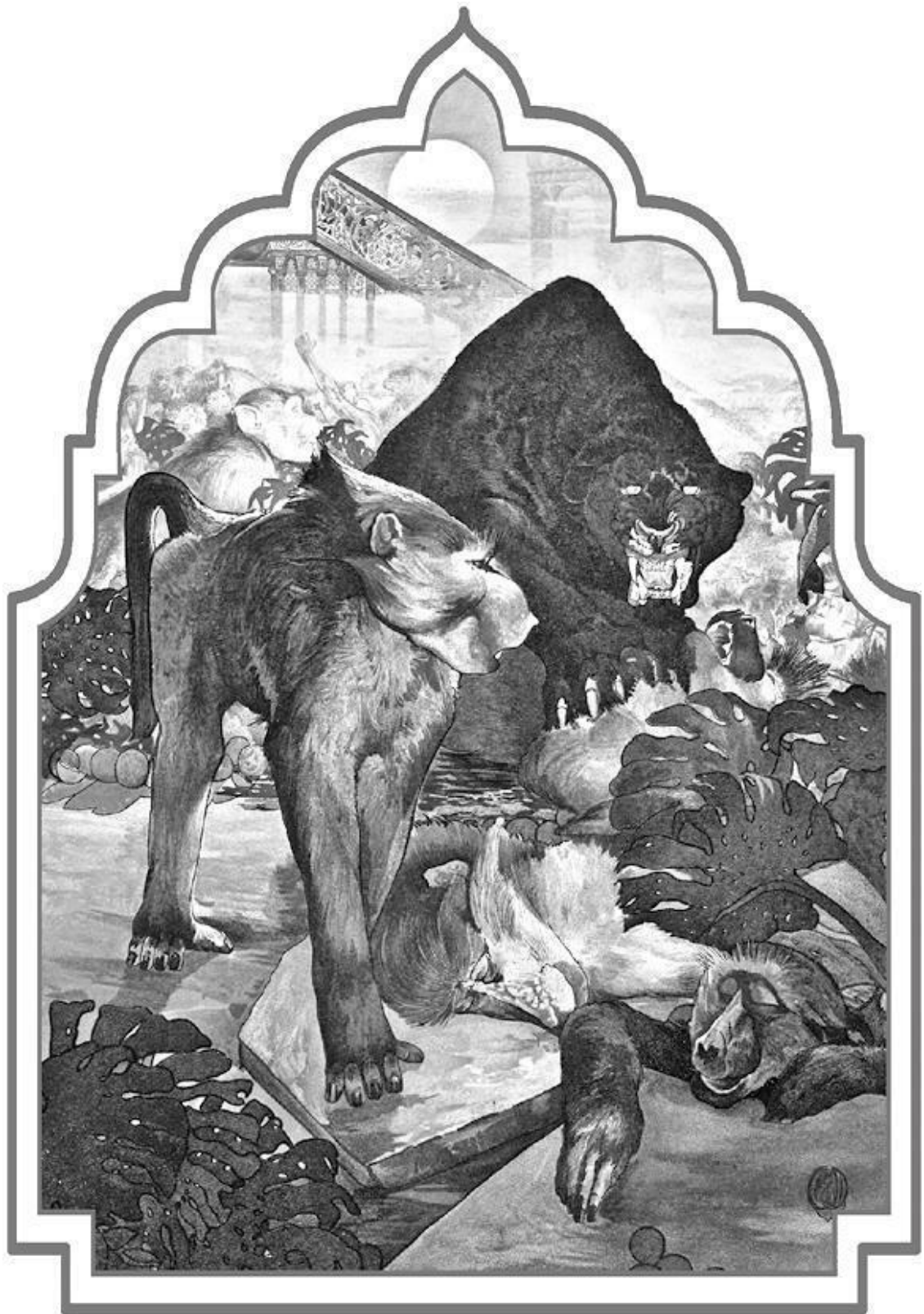
Следующее, что он впоследствии помнил, было прикосновение жестких, сильных маленьких рук, схвативших его за плечи и за ноги; потом – удары веток по лицу. Через несколько мгновений мальчик уже смотрел вниз, в просветы между качающимися ветвями. В ту же секунду Балу пробудил джунгли своим громким глубоким голосом, а Багира, показывая все свои зубы, поднялась на дерево. Обезьяны завывали от восторга, взбираясь на верхние ветки, куда пантера не могла кинуться за ними, и закричали:

– Она заметила нас? Багира заметила нас! Все население джунглей восхищается нашей ловкостью и нашей хитростью!

Началось бегство, а бегства Обезьяньего Народа по вершинам деревьев никто не может описать. У них есть определенные дороги, перекрестки, подъемы и спуски, все на высоте от пятидесяти до семидесяти или ста футов над землей, и они могут двигаться по этим тропам, в случае нужды, даже ночью. Две самые сильные обезьяны схватили Маугли под мышки и вместе с ним понеслись с одного дерева на другое, делая прыжки в двадцать футов. Без него они могли бы бежать вдвое быстрее; тяжесть мальчика замедляла их движение.

Хотя у Маугли кружилась голова, он невольно наслаждался этой дикой скачкой, однако, видя землю так далеко под собой, он очень боялся, а страшные толчки в конце каждого полета через воздушные бездны заставляли его сердце замирать. Провожатые мальчика иногда поднимались с ним на вершину дерева до того высоко, что он чувствовал, как самые верхние ветви с треском сгибались под ними, потом с криком, похожим на кашель, и с гуканьем снова бросались вниз, хватались передними или задними лапами за более низкие суки следующего дерева и снова двигались вверх. Иногда Маугли видел много миль зеленых зарослей, как человек с вершины мачты осматривает многие мили окружающего его моря; но после этого ветки и листья хлестали Маугли по лицу, и он вместе со своими двумя спутниками снова приближался почти к самой земле. Таким образом, прыгая, ломая ветви, с цоканьем и воем племя Бандарлог несло по дорогам, тянувшимся через вершины деревьев, и увлекало с собою своего пленника, Маугли.

Сперва он боялся, что обезьяны кинут его вниз; потом рассердился, однако благоразумно не боролся; наконец, начал рассуждать. Прежде всего ему следовало дать о себе знать Балу и Багире. Он знал, что благодаря скорости бега обезьян его друзья останутся далеко позади. Смотреть вниз не стоило; ведь он мог видеть только верхние части ветвей, а потому мальчик поднял взгляд к небу и далеко в лазури разглядел коршуна Ранна, который то неподвижно висел в воздухе, то описывал круги, наблюдая за джунглями в надежде заметить какое-нибудь близкое к смерти создание. Ранн понял, что обезьяны несут что-то и спустился на несколько сотен ярдов, желая узнать, годна ли их ноша для еды. Увидев, что обезьяны тащили Маугли на вершину дерева, он засвистел от изумления и в ту же секунду услышал призыв: «Мы одной крови, ты и я». Волны ветвей сомкнулись над мальчиком, но Ранн повис над следующим деревом как раз вовремя, чтобы увидеть вынырнувшее черное личико.

Охота на обезьян.

Художники – Мариус и Эдвард Детмольд. 1912 г.

– Жалость Обезьяньего Народа! – фыкнул Балу. – Спокойствие горного потока! Прохлада летнего зноя! <...> Слушай, детеныш! – сказал медведь, и голос его прогремел, как гром

в жаркую ночь. – Я научил тебя Закону Джунглей – общему для всех народов джунглей, кроме Обезьяньего Народа, который живет на деревьях. У них нет Закона...

(Р. Киплинг)

– Заметь мой путь, – закричал Маугли. – Скажи обо мне Балу из сионийской стаи и Багире со Скалы Совета!

– От чьего имени, брат? – Ранн до сих пор никогда не видел Маугли, хотя, конечно, слышал о нем.

– Я Маугли-лягушка. Меня зовут человеческим детенышем... Заметь мой пу-у-уть!

Мальчик выкрикнул последние слова в то мгновение, когда его подбросили в воздух, но Ранн кивнул головой и стал подниматься вверх, пока не превратился в пылинку. На этой высоте он парил, наблюдая глазами, зоркими, как телескоп, за тем, как качались верхушки деревьев там, где проносился эскорт Маугли.

– Они не уйдут далеко, – посмеиваясь, сказал коршун. – Они никогда не делают того, что решили. Бандарлог вечно бросается на новое. Если только я способен предвидеть события, обезьяны навлекли на себя неприятности, потому что Балу не слабое существо, и, насколько мне известно, Багира умеет убивать не только оленей.

Ранн покачивался на крыльях и ждал.

Между тем Балу и Багира не помнили себя от гнева и печали. Багира взобралась так высоко на дерево, как никогда прежде, но тонкие ветви сломались под ее тяжестью, и она соскользнула на землю с полными коры когтями.

– Почему ты не предостерег человеческого детеныша? – прогремела она бедному Балу, который пустился бежать неуклюжей рысью в надежде догнать обезьян. – Стоило бить его до полусмерти, если ты не предупредил его!

– Скорее, скорее! Мы... Мы еще можем нагнать их, – задыхаясь, проговорил Балу.

– Таким-то шагом? Этот бег не утомил бы даже раненой коровы. Учитель Закона, избиватель детенышей, если ты прокачаешься так с милю, ты лопнешь. Садись и думай. Придумай план. Незачем гнаться. Если мы слишком близко подойдем к ним, они еще, пожалуй, бросят его.

– Эррула! Ву! Если обезьянам надоело тащить детеныша, они уже бросили его. Кто может верить Бандарлогу? Брось мертвых нетопырей на мою голову! Дай мне глотать почерневшие кости! Катай меня в сотах диких пчел, чтобы они до смерти искусали меня, и похорони мое тело вместе с гиеной, потому что я самый несчастный медведь в мире! Эрорулала! Вахуа! О, Маугли, Маугли! Зачем я ломал тебе голову, а не предостерег тебя от Обезьяньего Народа? Может быть, я выбил из его ума заданный ему на сегодня урок, и он останется в джунглях один, забыв Великие Слова!

Балу прижал лапы к ушам и со стоном покачивался взад и вперед.

– Во всяком случае, некоторое время тому назад он правильно сказал мне их, – нетерпеливо заметила Багира. – Балу, у тебя нет ни памяти, ни чувства собственного достоинства. Что подумали бы джунгли, если бы я, черная пантера, свернулась, как дикобраз Икки, и принялась выть?

– Какое мне дело до того, что обо мне думают в джунглях? Может быть, он уже умер.

– Если только обезьяны не бросят его ради потехи или не убьют из лени, я не опасаюсь за человеческого детеныша. Он умен, хорошо обучен, главное же, все в джунглях боятся его глаз. Однако (и это очень дурно) он во власти Бандарлога, а это племя не страшится никого из нас, так как оно живет на деревьях. – Багира задумчиво полизала одну из своих передних лап.

– Как я глуп! О, толстый, бурый, вырывающий корни, дурак! – внезапно распрямляясь, сказал Балу. – Правду говорит дикий слон Хати: «На каждого свой страх». Бандарлог боится

питона скал Каа. Он не хуже их поднимается на деревья и ночью крадет молодых обезьян. При звуке его имени, хотя бы произнесенном шепотом, у них холодеют хвосты. Идем к Каа.

– Ну что он сделает для нас? Он безногий, значит, не принадлежит к нашему племени, и у него такие дурные глаза, – сказала Багира.

– Он очень стар и очень хитер, главное же, постоянно голоден, – ответил Балу. – Обещай дать ему несколько коз.

– Насытившийся Каа спит целый месяц. Может быть, питон и теперь спит, но даже если и не спит, так он, пожалуй, сам захочет убить для себя козу – Плохо знавшая Каа Багира, понятно, сомневалась.

– В таком случае, мы с тобой, старая охотница, заставим его послушаться нас.

Тут Балу потерся своим побелевшим бурым плечом о пантеру, и они вместе отправились отыскивать Каа, питона скал.

Они застали его на скалистой, нагретой солнцем площадке; растянувшись, он любовался своей прекрасной новой кожей. Последние десять дней питон провел в уединении, так как менял кожу и теперь был великолепен. Каа вытягивал свою огромную голову с тупым носом, изгибал свое тридцатифутовое тело, свивался в фантастические узлы и кольца, в то же время облизывая губы при мысли о будущем обеде.

– Он еще не ел, – сказал Балу и, увидав красивую, покрытую прекрасными коричневыми пятнами новую желтую одежду змеи, проворчал: – Осторожнее, Багира. После перемены кожи он подслеповат и спешит наносить удары.

Каа не был ядовит; он даже презирал ядовитых змей, считая их трусами; вся сила питона зависела от его величины, и когда он охватывал своими огромными кольцами какое-нибудь создание, для того наступал конец.

– Хорошей охоты, – закричал Балу, оседая на задние лапы.

Как все змеи этого рода, Каа был глуховат: он не сразу услышал приветствие медведя и на всякий случай свернулся, опустив голову.

– Хорошей охоты всем нам, – ответил питон. – Ого, Балу, что ты здесь делаешь? Хорошей охоты, Багира! По крайней мере, одному из нас нужна пища. Слышно ли что-нибудь о дичи поблизости? Нет ли молодого олененка или хотя бы молодого козла? Внутри меня пусто, как в сухом колодце.

– Мы охотимся, – небрежно заметил Балу. Медведь знал, что Каа не следует торопить: он слишком велик.

– Позвольте мне отправиться с вами, – сказал Каа. – Одной добычей больше или меньше, не важно для тебя, Багира, или для тебя, Балу. Мне же приходится несколько дней подряд караулить на лесной тропинке или целую ночь подниматься то на одно, то на другое дерево, ради возможности поймать молодую обезьяну. Пшшшш! Теперь уже не такие ветки, как во времена моей юности. Все погнившие, сухие!

– Может быть, это зависит от твоей тяжести, – сказал Балу.

– Да, я длинен, достаточно длинен, – с оттенком гордости ответил Каа. – Однако молодые деревья действительно хрупки, ломки. Недавно на охоте я чуть не упал; да, чуть не упал, скользя вниз и не обвив достаточно крепко хвостом дерево; этот шум разбудил обезьян, и они стали бранить меня самыми скверными словами.

– Безногий, желтый дождевой червь, – прошептала Багира, как бы стараясь вспомнить что-то.

– Сссс! Они называли меня так? – спросил Каа.

– Во время прошлой луны обезьяны кричали нам что-то в этом роде, но ведь мы не замечаем их. Пусть они говорят, что им угодно, даже будто ты потерял все зубы и боишься каждого существа крупнее козленка, так как (Бандарлог совершенно бессовестное племя!) тебя устрашают рога козла, – сладким голосом заметила Багира.

Надо сказать, что змея, в особенности осторожный старый питон, редко выказывает гнев; тем не менее Балу и Багира заметили, что глотательные мышцы по обеим сторонам горла Каа сморщились и вздулись.

– Обезьяны переменили место своей стоянки, – спокойно сказал питон. – Когда сегодня я выполз на солнце, до меня донеслось их гуканье в вершинах деревьев.

– Теперь мы идем вслед за Бандарлогом, – проговорил Балу, но слова застряли у него в горле; ведь он не помнил, чтобы кто-нибудь в джунглях сознавался, что его интересуют поступки обезьян.

– Без сомнения, немаловажное обстоятельство заставляет двоих таких охотников – вожаков у себя в джунглях – идти по следу Бандарлога, – вежливо ответил Каа, весь надуваясь от любопытства.

– В сущности, – начал Балу, – я просто старый, порой очень неумный, преподаватель Закона сионийским волчатам, а Багира...

– Багира и есть Багира, – перебила его черная пантера, и, щелкнув зубами, закрыла рот; она считала смирение вещь ненужной.

– Вот в чем дело, Каа. Эти воры орехов и подбиратели пальмовых листьев украли нашего человеческого детеныша, о котором ты, вероятно, слышал.

– Икки (длинные иглы на его спине делают это существо самонадеянным) болтал, будто человек был принят в волчью стаю, но я не поверил ему. Икки вечно повторяет то, о чем он слышал вполуха, и повторяет очень плохо.

– Но он сказал правду. Никогда в мире не было такого человеческого детеныша, – проговорил Балу. – Он самый лучший, самый умный, самый смелый из человеческих детенышей; это мой ученик, который прославит имя Балу во всех джунглях; кроме того, я... мы... любим его, Каа.

– Тсс! Тсс! – сказал Каа, покачивая головой из стороны в сторону. – Я тоже когда-то знал, что значит любовь. Я мог бы рассказать вам историю, которую...

– Которую мы хорошо оценим, только когда, сытые, будем отдыхать в светлую ночь, слушая тебя, – быстро перебила его Багира. – Теперь же наш человеческий детеныш в руках Бандарлога, а мы знаем, что Обезьяний Народ боится одного Каа.

– Они боятся одного меня. И вполне основательно, – произнес Каа. – Глупые, болтающие, тщеславные создания, тщеславные, глупые, болтающие – вот каковы эти обезьяны! Но человеческому существу плохо в их руках. Им надоедают подобранные ими орехи, и они швыряют их на землю. Они шесть часов таскают ветку, намереваясь с ее помощью совершить великие дела, потом ломают ее пополам. Нельзя позавидовать этому человеческому существу. И обезьяны назвали меня желтой рыбой? Ведь так?

– Червем, червем, дождевым червяком, – сказала Багира, – и говорили про тебя еще многое, что мне стыдно повторять.

– Следует научить обезьян хорошо отзываться об их господине. Эээ-ссш! Поможем им собрать их блуждающие воспоминания. Ну а куда убежали они с детенышем?

– Это известно только джунглям. Кажется, в сторону заката солнца, – сказал Балу. – Мы думали, что ты знаешь, Каа.

– Я? Каким образом? Я беру их, когда они попадают на моей дороге, но не охочусь на Бандарлога, или на лягушек, или на зеленую пену в водяных ямах.

– Вверх, вверх! Вверх, вверх! Хилло! Илло! Илло! Смотри вверх, Балу из сионийской волчьей стаи!

Балу поднял голову, чтобы посмотреть, откуда звучал голос. В воздухе парил коршун Ранн; он парил, опускаясь вниз, и солнце блестело на его крыльях. Подходило время, в которое Ранн устраивался на ночлег; он осмотрел все джунгли, отыскивая медведя, но не разглядел его в густой листве.

– Что там? – спросил Балу.

– Я видел Маугли среди обезьян. Он просил меня сказать тебе об этом. Я следил. Они увели его за реку, в город обезьян, в Холодные Логовища. Может быть, они останутся там на ночь, пробудут десять ночей или только часть ночи. Я просил летучих мышей наблюдать за ними в темное время. Я исполнил данное мне поручение. Хорошей охоты всем вам, там внизу!

– Полный зоб и глубокий сон тебе, Ранн! – крикнула Багира – Во время моей следующей охоты я не забуду о тебе и отложу голову для одного тебя, о лучший из коршунов.

– Полно, полно. Мальчик сказал Великие Слова Птиц, да еще в то время, когда его тащили через деревья.

– Слова были крепко вбиты в его голову, – заметила Багира. – Но я горжусь им. А теперь мы должны отправиться к Холодным Логовищам.

Все они знали, где помещалось это место, но немногие из обитателей джунглей заходили туда, потому что Холодными Логовищами звери называли древний, покинутый город, затерянный и погребенный в зарослях, а дикие создания редко селятся там, где прежде жили люди. Это делает кабан, охотничьи же племена – нет. Кроме того, в Холодных Логовищах жили обезьяны (если можно было сказать, что они жили где-нибудь), и потому уважающие себя животные заглядывали в развалины только во время засухи, когда в полуразрушенных водоемах и желобах старинного города еще сохранялось немного воды.

– Туда придется идти половину ночи, – сказала Багира, и Балу стал очень серьезен.

– Я побегу, как можно быстрее, – тревожно сказал он.

– Мы не можем ждать тебя. Спешите за нами, Балу. Нам с Каа придется спешить.

– Есть у меня ноги или нет их, я не отстану от тебя, Багира, несмотря на все твои четыре лапы, – сухо заметил Каа.

Балу спешил, но задыхался, и ему скоро пришлось сесть на землю; его спутники предоставили ему возможность догонять их, и Багира быстрыми легкими скачками пантеры двинулась вперед. Каа ничего не говорил, но, как ни старалась опередить его Багира, огромный питон скал не отставал от нее. Когда перед ними оказался горный поток, Багира выиграла несколько ярдов, так как перескочила через него, питон же поплыл, выставив из воды голову и фута два шеи. Зато на ровной местности он поравнялся с черной пантерой.

– Клянусь сломанным замком, освободившим меня, – сказала Багира, когда на землю спустился полумрак, – ты двигаешься быстро.

– Я голоден, – ответил Каа. – Кроме того, они назвали меня пятнистой лягушкой.

– Червем, дождевым червем, да еще желтым.

– Это одно и то же. Вперед! – И Каа, казалось, струился по земле; своими неподвижными глазами он отыскивал кратчайший путь и направлялся по нему.

А в Холодных Логовищах обезьяны совсем не думали о друзьях Маугли. Они принесли мальчика в затерянный город и временно были очень довольны собой. Маугли никогда еще не видывал индусских городов и, хотя перед ним громоздились развалины, Холодные Логовища показались ему изумительными и великолепными. Когда-то, очень давно, король построил город на холме. Можно было видеть остатки каменных дорог, которые вели к разрушенным воротам, где последние обломки дощатых створок еще висели на изношенных, заржавленных петлях. В стены корнями вросли деревья; укрепления расшатались и обвалились; из окон стенных башен косматыми прядями свешивались густые лианы.

Холм увенчивал большой, лишенный крыши дворец; мрамор, выстилавший его дворы и фонтаны, треснул, покрылся красными и зелеными пятнами; даже гранитные плиты, устилавшие тот двор, где прежде жили королевские слоны, раздвинулись и приподнялись, благодаря пробившейся между ними траве и там и сям выросшим молодым деревьям. Из дворца можно было видеть ряды домов без крыш, которые придавали городу вид опустошенных сотов, полных черных теней; бесформенную каменную глыбу – остатки идола, на той площади, где

пересекались четыре дороги; углубления и ямы на углах улиц, там, где прежде помещались общественные колодцы, и разрушившиеся купола храмов с дикими фиговыми деревьями, зеленеющими по их краям. Обезьяны называли это место своим городом и выказывали притворное презрение к населению джунглей за то, что оно жило в лесу. А между тем они не знали назначения строений и не умели пользоваться ими. Обезьяны часто садились кружками в зале совета короля, чесались, отыскивая блох, и притворялись людьми. Иногда же то вбегали в дома без крыш, то выбегали из них, складывали куда-нибудь в угол куски штукатурки и старые кирпичи, тотчас же забывали, куда спрятали их, дрались и кричали во время схваток, внезапно затевали игры, носясь вверх и вниз по террасам королевского сада, раскачивали там кусты роз и апельсиновые деревья, забавляясь тем, как с них падают цветы и плоды.

Они исследовали все проходы, все темные коридоры дворца, многие сотни его маленьких затененных комнат, но не помнили, что видели, чего нет. Так по двое и поодиночке или толпами обезьяны шатались, постоянно уверяя друг друга, что они держатся совершенно, как люди. Они пили в водоемах, мутили воду и дрались из-за этого, но сейчас же все неслись куда-нибудь толпой, крича: «В джунглях нет никого такого умного, ловкого, сильного и благородного, как Бандарлог!» И все начиналось сызнова, пока им не надоедал город, и они возвращались на вершины деревьев в надежде, что население джунглей заметит их.

Воспитанному в правилах Закона Джунглей Маугли этот образ жизни не нравился, и он не понимал его. Обезьяны притащили его в Холодные Логовища к вечеру, но не легли спать, как сделал бы мальчик после долгого пути; напротив, взяв друг друга за руки, они принялись танцевать и петь свои нелепые песни. Одна из обезьян произнесла речь, сказав своим товарищам, что со дня плена Маугли начнется новая история Бандарлога, так как человеческий детеныш научит их свивать между собой ветки и тростники для защиты от дождя и холода. Маугли собрал несколько лиан и принялся продевать их одну через другую, обезьяны попробовали подражать ему, но через несколько минут им это надоело; они принялись дергать своих друзей за хвосты, или, кашляя, прыгать вверх и вниз.

– Я голоден, – сказал Маугли, – и не знаю этой части джунглей. Покормите меня или позвольте отправиться на охоту.

Обезьян двадцать-тридцать кинулось в разные стороны, чтобы принести ему орехов или дикого имбиря, но по дороге затеяли драку, и скоро решили, что возвращаться с остатками плодов не стоит. Маугли не только был голоден, он еще сердился и чувствовал огорчение. Наконец, мальчик пошел бродить по опустевшему городу, время от времени громко выкрикивая Охотничий Зов Пришельцев. Никто ему не ответил, и он понял, что попал в очень опасное место. «Все, что говорил Балу о Бандарлоге, – правда, – подумал Маугли. – У них нет ни закона, ни охотничьего призыва, ни вожаков, нет ничего, кроме глупых слов и маленьких, щиплющих, воровских рук. Если я умру здесь с голоду и буду убит, это случится по моей вине. Однако мне следует постараться вернуться в мои родные джунгли. Конечно, Балу приберет меня, но это лучше глупой ловли розовых лепестков среди Бандарлога».

Едва Маугли дошел до городской стены, как обезьяны потащили его обратно, твердя ему, что он не знает, какое счастье выпало на его долю. И они щипали его, чтобы он выказал им благодарность. Маугли крепко сжал губы и, ничего не говоря, шел вместе с кричащими обезьянами на террасу, которая была выше наполовину наполненных дождевой водой резервуаров из красного песчаника. Посередине террасы стояла белая мраморная беседка, выстроенная для принцесс, умерших за сто лет перед тем. Половина куполообразной крыши красного строения обвалилась внутрь его и засыпала подземный коридор, по которому принцессы, бывало, проходили из дворца в беседку; стены ее были сделаны из мраморных плит, прелестных молочно-белых резных панелей, в которые были вкраплены куски агата, корналина, яшмы и ляпислазури; когда из-за холма вставала луна, ее лучи светили сквозь кружевную резьбу, и на землю ложились тени, похожие на черную бархатную вышивку. Как ни был огорчен и голоден Маугли,

как ни было ему грустно, он невольно засмеялся, когда сразу двадцать обезьян принялись рассказывать ему, до чего они мудры, сильны и кротки, и как безумен он, желая расстаться с ними. «Мы велики. Мы свободны. Мы изумительны. Мы самое изумительное племя во всех джунглях, – кричали они. – Ты впервые слышишь о нас и можешь передать наши слова населению джунглей, чтобы оно в будущем замечало нас, а потому мы сообщим тебе все о таких удивительных и превосходных существах, как мы». Маугли не возражал; сотни обезьян собрались на террасе, чтобы слушать своих же товарок, воспевавших хвалы Бандарлогу; когда ораторша умолкала, желая перевести дыхание, все остальные обезьяны кричали: «Это правда; мы все говорили то же самое». Маугли утвердительно кивал головой, мигал и говорил: «Да», – в ответ на их вопросы, чувствуя головокружение от шума. «Вероятно, шакал Табаки перекусал их всех, – думал он, – и теперь они все сошли с ума. Конечно, “дивани”, безумие овладело ими. Разве они никогда не спят? Вот подходит облако; оно закроет луну. Если бы эта тучка оказалась достаточно велика, я мог бы попытаться убежать в темноте. Но я так устал».

За тем же облаком наблюдали два друга мальчика, скрываясь во рве под городской стеной; Багира и Каа хорошо знали, как опасен Обезьяний Народ, когда он нападает большой толпой, и не хотели подвергать себя риску. Бандарлог вступает в драку только в том случае, если на одного врага приходится по сотне обезьян, и немногие из жителей джунглей решаются на такую борьбу.

– Я отправлюсь к западной стене, – прошипел Каа, – и быстро спущусь; покатая местность поможет мне. Обезьяны не кинутся сотнями на «мою» спину, но...

– Я знаю, – сказала Багира – Жаль, что здесь Балу нет; но сделаем все возможное. Когда облако закроет луну, я поднимусь на террасу. По-видимому, они о чем-то советуются по поводу мальчика.

– Удачной охоты, – мрачно сказал Каа и скользнул к западной стене. Оказалось, что в этом месте вал был поврежден меньше, чем где бы то ни было, и большая змея нашла возможность подняться на камни.

Облако закрыло луну, Маугли спросил себя: «Что делать?», – и в то же время мгновенно услышал звук легких шагов Багиры. Черная пантера быстро, почти бесшумно поднялась по откосу и теперь была обезьян, сидевших вокруг Маугли кольцом в пятьдесят-шестьдесят рядов; Багира знала, что лучше бить обезьян лапами, чем тратить время, кусая их. Послышался вопль ужаса и бешенства, и когда Багира двинулась, шагая по валявшимся, вздрагивающим телам, одна обезьяна закричала: «Здесь только она! Смерть ей! Смерть!» Над пантерой сомкнулась масса обезьян, они кусали ее, царапали, рвали ее кожу, дергали и толкали; шестеро обезьян схватили Маугли, подняли его на стену беседки и толкнули вниз сквозь пролом в куполе. Мальчик, воспитанный людьми, жестоко разбился бы; беседка имела добрых пятнадцать футов высоты, но Маугли упал так, как его учил Балу, и опустился на ноги.

– Оставайся здесь, – закричали ему обезьяны, – подожди; мы убьем твоих друзей и придем играть с тобой, если Ядовитый Народ оставит тебя в живых.

– Мы одной крови, вы и я, – быстро произнес Маугли, закончив эту фразу призывом для змей. Около себя в мусоре он слышал шорох, шипение и для полной безопасности повторил Змеиные Великие Слова.

– Хорош-ш-шо! Опустите капюшоны, – прозвучало с полдюжины тихих голосов (рано или поздно каждая развалина в Индии делается приютом змей, и старая беседка кишела кобрами). – Не двигайся, Маленький Брат, твои ноги могут повредить нам.

Маугли стоял по возможности спокойно, глядя через резной мрамор и прислушиваясь к дикому гулу борьбы вокруг черной пантеры. Слышался вой, цоканье, шарканье ног, глубокий, хриплый, похожий на кашель, крик Багиры, которая отступала, выгибала спину, поворачивалась и ныряла под стаю своих врагов. В первый раз за всю свою жизнь Багира защищалась от смерти.

«Вероятно, Балу близко; Багира не пришла бы одна», – подумал Маугли и громко закричал:

– К водоему, Багира! Скатись к водоему. Скатись и нырни! В воду!

Багира услышала; и восклицание, показавшее пантере, что Маугли в безопасности, придало ей нового мужества. Она отчаянно, дюйм за дюймом, пробивалась к резервуарам, молча нанося удары. Вот со стороны ближайшей к зарослям разрушенной стены донесся раскатистый боевой клич Балу. Старый медведь торопился изо всех сил, но раньше не мог подоспеть.

– Багира, – кричал он, – я здесь! Я лезу! Я тороплюсь! Эхвора! Камни выкатываются из-под моих ступней. погоди ты, о бесчестный Бандарлог!

Бурый медведь, задыхаясь, поднялся на террасу и тотчас же исчез под хлынувшей на него волной обезьян, но резко осел на задние ноги и, вытянув передние лапы, прижал к себе столько своих врагов, сколько мог захватить, потом принялся колотить их; стук, стук, стук, слышалось что-то вроде мерного звука мельничного колеса. Хруст ветвей и всплеск воды дали понять Маугли, что Багира пробилась к водоему, в который обезьяны не могли броситься за ней. Пантера лежала в бассейне, хватая ртом воздух, выставив из воды одну голову; обезьяны же толпились на красных ступенях, от злости прыгая по ним взад и вперед и готовясь броситься на пантеру, едва она выйдет из бассейна, чтобы бежать помогать Балу. Вот тогда-то Багира и подняла свой подбородок, с которого капала вода, и в отчаянии произнесла Змеиный Призыв:

– Мы одной крови, ты и я.

Ей представилось, будто в последнюю минуту Каа повернул обратно. Хотя Балу задыхался под грудой обезьян на краю террасы, он невольно усмехнулся, услышав, что черная пантера просит помощи.

Каа только что перебрался через западную стену, изогнув свое тело с такой силой, что замковый камень скатился в ров. Питон не желал потерять выгоду своего положения и два раза свился в кольца и распрямился, с целью удостовериться, что каждый фут его длинного тела в полном порядке. Бой с Балу продолжался, и обезьяны выли кругом Багиры, а Манг, нетопырь, летая взад и вперед, рассказывал о великой борьбе всем джунглям, так что даже Хати, дикий слон, затрубил в свой хобот, и отдаленные стаи Обезьяньего Народа помчались по древесным дорогам на помощь своим товарищам в Холодных Логовищах. Шум сражения разбудил также всех дневных птиц на много миль вокруг. Тогда Каа двинулся прямо, быстро, стремясь убивать. Боевая мощь питона заключается в ударе его головы, которой двигает тяжесть его огромного тела. Если вы можете представить себе копьё или таран, или молоток, весящие около полутонны и направляемые хладнокровным спокойным умом, живущим в рукоятке одной из этих вещей, вы более или менее поймете, во что превращался Каа во время боя. Питон, длинной в четыре или пять футов, сбивает с ног человека, ударив его прямо в грудь, а, как вам известно, Каа имел тридцать футов длины. Первый удар он нанес в самую середину толпы, окружавшей Балу; он сделал это молча, закрыв рот; повторения не понадобилось. Обезьяны рассеялись, крича:

– Каа! Это Каа! Бегите! Бегите!

Многие поколения юных обезьян смирялись и начинали вести себя хорошо, когда старшие пугали их рассказами о Каа, ночном воре, который мог проскользнуть между ветвями так же беззвучно, как растёт мох, и унести с собой самую сильную обезьяну в мире; о старом Каа, который умел делаться до того похожим на засохший сук или сгнивший кусок дерева, что даже самые мудрые обманывались, и тогда ветвь хватала их. Обезьяны боялись в джунглях только Каа, потому что ни одна из них не знала пределов его могущества; ни одна не выдерживала его взгляда; ни одна не вышла живой из его объятий. Итак, теперь они, бормоча от ужаса, кинулись к стенам и к домам, и Балу вздохнул с облегчением.

Его мех был гораздо гуще шерсти Багиры; тем не менее он жестоко пострадал во время схватки. Вот Каа в первый раз открыл свой рот; произнес длинное, шипящее слово, и обезьяны,

спешившие под защиту Холодных Логовищ, остановились; они, дрожа, прижались к ветвям, которые согнулись и затрещали под их тяжестью. Обезьяны на стенах и на пустых домах замолчали, и в тишине, спустившейся на город, Маугли услышал, как Багира отряхивалась, покинув водоем. В эту минуту снова поднялся шум. Обезьяны стали взбираться выше на стены; многие прижались к шеям больших каменных идолов; многие с визгом побежали по укреплениям. Маугли же, прыгая в беседке, прижал один глаз к резьбе и, пропустив дыхание между передними зубами, ухнул по-совиному, желая показать Бандарлогу, что он презирает его и смеется над ним.

– Вытащите человеческого детеныша из этой ловушки. Я ничего больше не в силах сделать, – задыхаясь произнесла Багира. – Возьмем его и уйдем. Обезьяны могут возобновить нападение.

– Они не двинутся, пока я не прикажу им. Стойте так; тиш-ш-ше! – прошипел Каа, и город снова затих. – Я не мог взобраться раньше, но, кажется, ты меня звала? – это было сказано Багире.

– Я... я... может быть, закричала что-нибудь во время боя, – ответила Багира. – Ты ранен, Балугу?

– Я не уверен, что обезьяны не разорвали меня на части, сделав из моей шкуры сотню медвежат, – серьезно сказал Балугу, потрясая попеременно каждой лапой. – Вуф! Мне больно. Каа, мы, Багира и я, обязаны тебе нашим спасением!

– Неважно. Где человек?

– Здесь, в ловушке; я не могу вылезти! – закричал Маугли. Над его головой изгибалась часть сломанного купола.

– Возьмите его отсюда. Он прыгает, как Мао, павлин, и может передавить всех наших детей, – прозвучали изнутри голоса кобр.

– Хаххх, – усмехаясь, прошипел Каа: – у этого человечка повсюду друзья. Отступи, человек, а вы, Ядовитый Народ, спрячьтесь. Я разобью стенку.

Каа внимательно осмотрел стены беседки и нашел в мраморе выцветшую трещину, которая говорила о слабом месте резьбы; раза два или три питон слегка стукнул головой, чтобы сообразить необходимое для удара расстояние; наконец, подняв над землей шесть футов своего тела, изо всей силы нанес около шести ударов носом. Резьба сломалась и упала среди облака пыли и осколков. Маугли выскочил через образовавшееся отверстие и остановился между Балугу и Багирой, обняв могучие шеи своих друзей.

Питон Каа.

Художники – Мариус и Эдвард Детмольд. 1912 г.

«... Каа выполз на середину террасы, сомкнул пасть, звучно щелкнув челюстями, и все обезьяны устремили глаза на него.

– Луна заходит, – сказал он. – Довольно ли света, хорошо ли вам видно?

По стенам пронесся стон, словно вздох ветра в вершинах деревьев:

– Мы видим, о Каа!

– Хорошо! Начнем же пляску Каа – Пляску Голода. Сидите смирно и смотрите!»

(Р. Киплинг)

– Ты ранен? – спросил Балу, нежно лаская его.

– Мне грустно, я голоден и сильно ушибся; но, мои друзья, они ужасно измучили вас; вы в крови!

– В крови не одни мы, – ответила Багира, облизывая губы и окидывая взглядом мертвых обезьян на террасе и около водоема.

– Это ничего, все ничего, только бы ты был цел, о моя гордость, лучшая лягушечка в мире, – проворчал Балу.

– Об этом мы поговорим позже, – заметила Багира таким сухим тоном, который не понравился Маугли. – Но с нами Каа; мы обязаны ему победой, а ты – сохранением жизни. Поблагодари его согласно нашим обычаям, Маугли.

Маугли повернулся и увидел, что большая голова питона покачивается на целый фут выше его собственной макушки.

– Так это человек? – сказал Каа. – У него очень нежная кожа и нельзя сказать, чтобы он совсем не походил на обезьян. Берегись, человек! Смотри, чтобы после перемены кожи я в сумерки не принял тебя за кого-нибудь из Бандарлога.

– Мы одной крови, ты и я, – ответил Маугли. – Сегодня ты дал мне жизнь. Моя добыча всегда будет твоей, когда ты почувствуешь голод, о Каа.

– Благодарю тебя, Маленький Брат, – сказал питон, хотя в его глазах продолжал мерцать свет. – А что может убивать такой храбрый охотник? Спрашиваю это, чтобы идти за тобой, когда в следующий раз ты отправишься на ловлю.

– Я ничего не убиваю, так как еще слишком мал; но я загоняю оленей для тех, кому они могут пригодиться.

Когда ты почувствуешь, что у тебя внутри пусто, явись ко мне и посмотри, говорю ли я правду. У меня есть некоторая ловкость в них, – он поднял свои руки, – и если ты когда-нибудь попадешься в ловушку, я отплачу тебе добром за добро. С сегодняшнего вечера я в долгу перед тобой, перед Багирой и Балу. Удачной охоты всем вам, мои владыки.

– Хорошо сказано, – проворчал Балу, потому что мальчик, действительно, очень мило выразил свою благодарность. На минуту голова питона легла на плечо Маугли.

– Храброе сердце и вежливый язык, – сказал он. – Ты должен далеко пойти в джунглях, человек. Теперь же поскорее уходи отсюда вместе со своими друзьями. Уйди и засни; луна садится, и тебе нехорошо видеть то, что произойдет здесь.

Луна опускалась за горы; ряды дрожащих, жавшихся друг к другу обезьян на стенах и укреплениях казались какими-то трепещущими разорванными косматыми лоскутами. Балу спустился к бассейну, чтобы напиться; Багира принялась приводить в порядок свой мех, питон же Каа скользнул к центру террасы и закрыл свои челюсти с таким сухим стуком, что глаза всех обезьян обратились к нему.

– Луна заходит, – сказал он, – достаточно ли света, чтобы видеть?

Со стен пронесся стон, похожий на звук ветров в вершинах деревьев:

– Мы видим, о Каа.

– Хорошо. Теперь начинается танец, танец голода Каа. Сидите и смотрите.

Раза два или три он прополз, делая большие круги и покачивая головой то вправо, то влево; потом стал свивать свое мягкое тело в петли, восьмерки, тупые треугольники, которые превращались в квадраты и пятиугольники; свертывался в виде холмика, и все время двигался без отдыха, без торопливости. В то же время слышалась его тихая, непрерывная жужжащая песнь. Воздух темнел; наконец, мрак скрыл скользкие изменчивые кольца змеи; слышался только шелест ее чешуи.

Балу и Багира стояли, как каменные, с легким ворчанием, ошестинившись, а Маугли смотрел на все и удивлялся.

– Бандарлоги, – наконец прозвучал голос Каа, – может ли кто-нибудь из вас без моего приказанья пошевелить рукой или ногой? Отвечайте.

– Без твоего приказанья мы не можем шевельнуть ни ногой, ни рукой, о Каа.

– Хорошо. Сделайте один шаг ко мне.

Ряды обезьян беспомощно колыхнулись вперед; вместе с ними, как деревянные, шагнули Балу и Багира.

– Ближе, – прошипел Каа.

И все снова подвинулись.

Маугли положил свои руки на Балу и на Багиру, чтобы увести их, и два больших зверя вздрогнули, точно внезапно разбуженные ото сна.

– Не снимай руки с моего плеча, – прошептала Багира. – Держи меня, не то я вернусь к Каа. Ах!

– Да ведь старый Каа просто делает круги на пыльной земле, – сказал Маугли. – Уйдем! Все трое проскользнули через пролом в стене и очутились в джунглях.

– Вуф, – произнес Баллу, когда он снова остановился под неподвижными деревьями. – Никогда больше я не возьму Каа в союзники, – и он встряхнулся.

– Он знает больше нас, – с дрожью проговорила Багира. – Еще немножко, и я кинулась бы к нему в пасть.

– Многие пройдут по этой дороге, раньше нового восхода луны, – заметил Баллу. – Он хорошо поохотится сегодня... по-своему...

– Но что же все это значит? – спросил Маугли, не знавший о притягательной силе взгляда питона, – пока не стемнело, я видел только большую змею, которая делала какие-то глупые фигуры и круги. И у Каа весь нос разбит! Хо! Хо!

– Маугли, – сердито остановила мальчика Багира, – его нос разбит по твоей милости, так же как мои уши, бока и лапы, шея и плечи Баллу исцусаны из-за тебя же. Много дней ни Баллу, ни Багира не будут в состоянии и с удовольствием охотиться.

– Не беда, – сказал Баллу, – с нами опять человеческий детеныш!

– Это правда, но вместо того, чтобы поохотиться, мы дорого заплатили за него – ранами, шерстью (у меня выщипана половина меха на спине) и, наконец, честью. Помни, Маугли, я – черная пантера, была принуждена просить защиты у Каа, и мы с Баллу стали глупы, как маленькие птички, при виде этой пляски голода. Вот, человеческий детеныш, что произошло из-за твоих игр с Бандарлогом.

– Правда, все это правда, – печально проговорил Маугли. – Я дрянной человеческий детеныш и теперь чувствую, как во мне тоскует желудок.

– Мф! Что говорит Закон Джунглей, Баллу?

Баллу не хотелось навлекать на Маугли новых неприятностей, но шутить с Законом он не желал, а потому тихо проворчал:

– Печаль не избавляет от наказания. Только помни, Багира, он очень маленький.

– Я не забуду этого, но он был причиной беды и его нужно побить. Маугли, ты можешь что-нибудь сказать?

– Ничего, я виноват. Баллу и ты ранены. Справедливо наказать меня.

Багира раз шесть любовно ударила его, с точки зрения пантеры очень легко; эти толчки вряд ли разбудили бы ее детеныша, но для семилетнего мальчика они были жестокими побоями и в годы Маугли каждый мог бы пожелать избежать их. Когда все было окончено, мальчик чихнул, и, не говоря ни слова, поднялся на ноги.

– Теперь, – сказала Багира, – прыгай ко мне на спину, Маленький Брат, мы отправимся домой. Одна из прелестей Закона Джунглей состоит в том, что наказание уничтожает старые счеты; все оканчивается, и никто не хмурится.

Маугли положил голову на спину Багиры и заснул так глубоко, что не проснулся даже, когда она опустила его в пещере подле Волчицы Матери.

Тигр! Тигр!

Теперь мы должны вернуться к первому рассказу. Когда после боя со стаей около Скалы Совета Маугли вышел из волчьей пещеры, он направился к ближайшим обработанным полям, подле которых жили земледельцы, однако не захотел остаться там, его джунгли подходили слишком близко к этому поселку, а он знал, что теперь в зарослях у него был, по крайней мере, один злостный враг, участник Совета. Итак, мальчик пошел дальше, держась дороги, грубо проделанной вдоль долины, и миль двадцать бежал по ней ровной рысью; наконец, увидел незнакомую местность. Долина выходила на широкую низменность, усеянную камнями и прорезанную рвами. В одном ее конце помещалось маленькое селение, к другому отлого спускались густые заросли и останавливались, как бы отсеченные топором. По всей долине паслись коровы с телятами и быками и буйволы с буйволицами. Увидав Маугли, пастушки закричали и разбежались, а желтые собаки парии, всегда бродящие вокруг каждого поселения в Индии, залаяли.

Подойдя к деревенским воротам, Маугли заметил, что большая колючая плетенка, которой в сумерки загораживали дорогу, теперь была отодвинута.

– Уф! – сказал он. Отыскивая по ночам пищу, мальчик, бывало, нередко перебирался через подобные баррикады. – Итак, люди и здесь боятся населения джунглей?

Он сел подле ворот, и когда какой-то человек вышел на дорогу, поднялся, открыл свой рот и пальцем показал в него, стараясь объяснить, что ему хочется есть. Встретивший Маугли индус посмотрел на него и побежал обратно по улице деревни, призывая жреца, большого толстого человека в белой одежде с красным и желтым знаком на лбу. Жрец подошел к воротам; с ним явилось еще, по крайней мере, сто человек. Все смотрели на Маугли, говорили, кричали и указывали на него пальцами.

«У этих людей нет порядочных манер, – подумал Маугли, – так могли бы держаться только серые обезьяны».

Мальчик откинул от лица свои длинные волосы и, глядя на толпу, нахмурил брови.

– Чего же бояться? – сказал жрец. – Посмотрите на рубцы на его руках и ногах. Это следы волчьих зубов. Он просто приемный волков, убежавший из джунглей.

Понятно, во время совместных игр волчата часто покусывали Маугли сильнее, чем намеревались, и на его руках и ногах белело множество шрамов. Однако он ни за что не назвал бы их следами укусов; он знал, как по-настоящему кусаются волки.

– Арре, арре, – сказала несколько женщин. – Бедный ребенок, искушенный волками! Какой красивый мальчик. Его глаза точно красное пламя. Право, Мессуа, он походит на твоего сына, унесенного тигром.

– Дай-ка посмотреть, – сказала женщина с тяжелыми медными кольцами на руках и щиколотках и, прикрыв ладонью глаза, вгляделась в Маугли. – Нет, не он. Этот гораздо худощавее, но у него выражение лица моего мальчика.

Жрец был очень умен; он знал, что Мессуа – жена самого богатого человека в этой деревне, а потому с минуту смотрел на небо и, наконец, торжественно произнес:

– Что джунгли взяли, они и отдали. Отведи мальчика к себе в дом, сестра моя, и не забудь почтить жреца, который читает в жизнях людей.

«Клянусь купившим меня быком, – мысленно сказал Маугли, – все эти разговоры похожи на новый осмотр волчьей стаи. Ну, если я человек, я должен сделаться человеком».

Женщина знаком позвала Маугли к себе в дом; толпа разошлась. Внутри хижины были красная лакированная кровать, большой глиняный ящик для зерна со странным выпуклым рисунком, с полдюжины медных кастрюль; в маленьком алькове стояло изображение индус-

ского божества, а на стене висело настоящее зеркало, из тех, которые продаются на деревенских ярмарках.

Мессуа дала Маугли молока, покормила его хлебом, потом положила руку на его голову и заглянула ему в глаза. Ей думалось, что, может быть, он действительно ее сын, пришедший из джунглей, в которые его унес тигр. Она сказала:

– Нату, о Нату! – Маугли ничем не выказал, что ему известно это имя. – Ты не помнишь, как я тебе подарила новые башмаки? – Она дотронулась до его ноги, которая была жестка, почти как рог. – Нет, – печально проговорила Мессуа, – эти ноги никогда не носили башмаков, но ты очень похож на моего Нату и отныне будешь моим сыном.

Маугли чувствовал себя очень неловко, так как никогда еще не бывал в домах; однако, взглянув на настилку крыши, мальчик увидел, что он в любую минуту сорвет ее, если пожелает уйти, а также, что на окнах нет затворов.

«Стоит ли быть человеком, – мысленно сказал он себе, – если не понимаешь человеческой речи? Здесь я так же глуп и нем, как был бы человек у нас, в джунглях. Мне нужно научиться их говору».

Далеко не для забавы Маугли, живя с волками, научился подражать призыву оленей и хрюканью кабанят.

Поэтому, едва Мессуа произносила какое-нибудь слово, Маугли тотчас, почти в совершенстве, подражал звукам ее речи и еще до наступления темноты заучил названия многих вещей в хижине.

Когда пришло время ложиться в постель, возникли затруднения. Маугли не желал спать в месте, так сильно походившем на ловушку для пантер, как хижина, и когда люди закрыли дверь, выскочил через окно.

– Не принуждай его, – сказал Мессуа ее муж. – Может быть, он еще никогда не спал в постели, помни это. Если он действительно прислан к нам вместо нашего сына, он не убежит.

Итак, Маугли растянулся в высокой густой траве на краю поля и не успел закрыть глаз, как мягкая серая морда толкнула его в подбородок.

– Фу! – сказал Серый Брат (это был старший из сыновей Матери Волчицы). – Какая награда за то, что я прошел за тобою двадцать миль! От тебя пахнет дымом и коровой; ты совсем как человек. Просыпайся, Маленький Брат, я принес тебе новости.

– Все ли хорошо в джунглях? – спросил Маугли, крепко обнимая его.

– Всем хорошо, кроме обожженных Красным Цветком волков. Теперь слушай: Шер Хан ушел и будет охотиться далеко от нас, пока его шкура не зарастет, потому что он страшно опален. Но он клянется, что по возвращении кинет в Венгунгу твои кости.

– Это еще посмотри; ведь я тоже дал одно маленькое обещание, тем не менее узнавать новости всегда полезно. Я очень устал, очень устал от всего непривычного, Серый Брат. Однако прошу тебя, приноси мне вести.

– Ты не забудешь, что ты волк? Люди не заставят тебя забыть об этом? – тревожно спросил мальчика Серый Брат.

– Никогда! Я вечно буду помнить, что люблю тебя и всех в нашей пещере, но не забуду также, что меня исключили из стаи.

– И что тебя могут прогнать из другой стаи? Люди – только люди, Маленький Брат, и их речь походит на говор лягушек в болоте. В следующий раз я буду ждать тебя среди бамбуков на краю пастбища.

Три месяца после этой ночи Маугли почти не выходил из деревенской ограды: он усиленно изучал обычаи и нравы людей. Прежде всего ему пришлось надевать на себя платье, и это сильно стесняло его. Потом ему нужно было уразуметь значение денег, которого он совсем не понимал, и приучиться пахать землю, хотя не видел в этом пользы. Вдобавок ко всему деревенские дети сердили мальчика. К счастью, Закон Джунглей научил его сдержанности: ведь в

джунглях жизнь и пропитание зависят от умения владеть собой. Однако, когда деревенские мальчики насмеялись над ним за то, что он не играл ни в какие игры, не пускал змеев, или за то, что он плохо произносил некоторые слова, только сознание, что убивать безволосых детенышей недостойно охотника, удерживало его от желания схватить их и разорвать пополам.

Своей собственной силы он не сознавал. В джунглях Маугли понимал, что в сравнении с животными он слаб; в деревне же люди говорили, что он силен, как бык.

У Маугли не было также ни малейшего понятия о различии, которое каста полагает между одним человеком и другим. Когда однажды осел горшечника соскользнул в глиняную яму, Маугли вытащил оттуда животное за хвост и помог гончару нагрузить осла товаром, который торговец вез в Кханхивару. Поступок мальчика возмутил поселян: горшечник принадлежит к низшей касте людей, а его осел был и еще того хуже. Жрец стал бранить Маугли; когда же тот пригрозил толстяку положить и его на осла, жрец посоветовал мужу Мессуа как можно скорее послать Маугли на работу. На следующий же день староста деревни приказал мальчику уйти с буйволами и сторожить их, пока они будут пастись. Маугли был более чем доволен. С этой минуты он считал себя на службе у деревни и в сумерки вошел в кружок, по вечерам собиравшийся на каменной платформе под большим фиговым деревом. Это был сельский клуб; там сходились, чтобы вместе покурить: староста, сторож, цирюльник, знавший все деревенские сплетни, и старый Бульдео, деревенский охотник, обладатель мушкета. На верхних ветвях дерева сидели обезьяны и болтали; под платформой было отверстие, в котором жила кобра, и ей каждый вечер ставили блюдечко с молоком – она считалась священной. Старики сидели вокруг дерева, до поздней ночи разговаривали, тянули дым из больших хукасов (курительных трубок с водой) и рассказывали удивительные истории о богах, людях, привидениях и еще более удивительные вещи о зверях в джунглях и их привычках. Обыкновенно они говорили так долго, что наконец глаза детей, сидевших с внешней стороны круга взрослых, казалось, бывали готовы выскочить из орбит. Больше всего говорилось о животных, так как джунгли подходили вплотную к деревне; олень и кабан поедали их всходы, а время от времени, в сумерках, от самых деревенских ворот тигр уносил человека.

Маугли, понятно, знавший кое-что о предмете их бесед, закрыл лицо руками, стараясь не показать, что он смеется. Пока Бульдео, положив мушкет поперек колен, переходил от одной изумительной истории к другой, плечи Маугли тряслись от хохота.

Бульдео объяснил, что тигр, который унес сына Мессуа, был тигром-призраком и что в его теле жил дух дурного старика-ростовщика, умершего за несколько лет перед тем.

– Я знаю, что это правда, – сказал он, – потому что ростовщик Пурун Дас хромал со времени той схватки, когда были сожжены его отчетные книги; тигр же, упомянутый мною, тоже хромает: это видно, потому что от его лап остаются неодинаково глубокие следы.

– Правильно, правильно, это, конечно, правда, – подтвердили седобородые люди, одновременно покачивая головами.

– Не похожи ли такие рассказы на бред? – сказал Маугли. – Этот тигр, как все знают, хромает потому, что он родился хромым. Только дети могут верить, будто душа ростовщика живет в животном, у которого нет даже мужества шакала.

На секунду Бульдео от изумления онемел, а староста широко открыл глаза.

– Ого! Это говорит бродяга из джунглей? – сказал Бульдео. – Если уж ты так умен, лучше принеси кожу тигра в Кханхивару, потому что правительство оценило его жизнь во сто рупий. А еще лучше не болтай, когда говорят старшие.

Маугли поднялся, чтобы уйти.

– Весь вечер я слушал, – бросил он через плечо, – и за исключением двух-трех раз, Бульдео не сказал ни слова правды о джунглях, которые подходят к самым его дверям. Могу ли я после этого верить в рассказы о призраках, божествах и лесных духах, которых, по его словам, он видел?

– Этому мальчику давно пора начать пасти стада, – проворчал староста; Бульдео же, рассерженный дерзостью Маугли, отодвинулся и фыркнул.

В силу обычая большей части индусских деревень, несколько мальчиков должны ранним утром выгонять коров, быков и буйволов пастись и вечером приводить стадо обратно; и те самые быки, коровы и буйволы, которые до смерти затоптали бы белого, позволяют себя бить и бранить детям, ростом не выше их носов. Пока мальчики не отходят от стада, им не грозит ни малейшая опасность, потому что даже тигр не решается нападать на стадо скота. Когда же они отходят в сторону, чтобы набрать цветов или погоняться за ящерицами, их иногда уносят звери. На заре Маугли проехал по деревенской улице, сидя на спине большого буйвола по имени Рама. Аспидно-синеватые животные со своими длинными загнутыми назад рогами и свирепыми глазами один за другим поднимались с подстилок и двигались за ним. Маугли сразу ясно показал, что он господин. Он бил буйволов длинной гладкой бамбуковой тростью и приказал Камайе, одному из мальчиков-пастухов, пасти коров, прибавив, что сам он отправится с буйволами. В конце речи Маугли запретил ему и остальным детям отходить от стада.

Индусское пастбище состоит из камней, порослей кустов, кочек и маленьких рвов, среди которых рассеиваются и скрываются стада. Буйволы обыкновенно держатся подле топких мест, ложатся в болото, валяются или купаются в горячем иле по целым часам. Маугли прогнал их к окраине равнины к тому месту, где река Венгунга выходит из джунглей; здесь он соскочил с шеи буйвола: Маугли подбежал к бамбуковым зарослям, где встретил Серого Брата.

– А, – сказал волк, – я много дней поджидал тебя. Почему ты пасешь стадо? Что это значит?

– Мне дано приказание, – ответил Маугли. – Некоторое время я буду деревенским пастухом. Какие вести о Шер Хане?

– Он вернулся и долго ждал тебя. Теперь же снова ушел, так как дичи мало. Однако он твердо решил тебя убить.

– Отлично, – сказал Маугли. – согласишься ли ты или кто-нибудь из моих четырех братьев в его отсутствие каждый день приходить сюда и садиться на этой скале, чтобы я мог из деревни видеть вас? Когда же тигр вернется, дождись меня в лощине подле дерева дхак, в центре изменности. Нам незачем идти прямо в зубы Шер Хана.

После этого разговора Маугли выбрал тенистое место, разлегся и заснул; буйволы паслись вокруг него. В Индии пасти стадо – самое спокойное дело в мире. Скот двигается, жует, ложится, опять встает и даже не мычит, а только фыркает; буйволы очень редко говорят что-нибудь; они один за другим спускаются к топким лужам, ложатся так, чтобы ил покрыл все их тело, и на виду оставались только их морды и неподвижные, фарфорово-синие глаза; так они лежат точно колоды. Под лучами знойного солнца кажется, будто камни колышутся, и пастушата слышат, как коршун (всегда только один) свистит над их головами, почти невидный в лазури; дети знают, что если бы умерли они или умерла корова, этот коршун быстро спустился бы вниз, а второй его собрат, отдаленный от него на несколько миль, заметил бы, как он упал с высоты, и последовал бы его примеру; потом еще и еще; и чуть ли не раньше мгновения смерти умирающего создания неизвестно откуда явилось бы штук двадцать голодных коршунов. Пастушки спят и просыпаются, и опять засыпают; из сухой травы они плетут маленькие корзиночки и сажают в них кузнечиков или ловят двух богомолков и заставляют их драться; делают ожерелья, нанизывая на нити красные и черные орехи джунглей, или наблюдают, как ящерица трется на камне или как близ болота змея охотится за лягушкой. Потом они поют длинные-длинные песни со странными туземными вскрикиваниями в конце. И день кажется им длиннее целой жизни многих людей, лошадей и буйволов; в руки глиняных человечков вставляют тростинки, считая, что это короли, остальные же – фигурки их армии; или что это божества, которым надо поклоняться. Наступает вечер; дети кричат; буйволы неуклюже, с шумом, похожим на ружейные выстрелы, поднимаются из клейкого ила, один за дру-

гим выходят из болота и вереницей тянутся через посеревшую равнину к мерцающим огням деревни. День изо дня Маугли водил буйволов к болотам; день изо дня он замечал волка в полутора миле от себя на другой окраине долины, таким образом узнавая, что Шер Хан еще не вернулся, и день изо дня лежал, прислушиваясь к звукам в траве и грезя старой жизнью в джунглях. Если бы хромая лапа Шер Хана сделала неверный шаг в зарослях близ Венгунги, Маугли услышал бы его в тишине этих долгих беззвучных утр.

Наконец наступил день, в который он не увидел Серого Брата на условном месте, засмеялся и отвел буйволов к ложине подле дерева дхак, залитого золотисто-красными цветами. Там сидел Серый Брат с ошетилившейся спиной.

– Он прятался целый месяц, чтобы ты перестал остерегаться; прошлой ночью он пришел сюда с Табаки и рассматривал твой след, – задыхаясь, сказал волк.

Маугли нахмурился.

– Я не боюсь Шер Хана, но Табаки очень хитер.

– Не бойся, – слегка облизывая губы, сказал Серый Брат. – На заре я встретил Табаки. Теперь он передает свою мудрость коршунам, но раньше, чем я переломил ему спину, сказал мне решительно все. Шер Хан решил сегодня вечером подстеречь тебя подле деревенских ворот. Он пришел именно ради тебя и до поры до времени лежит в большом сухом рве.

– Он ел сегодня или охотится с пустым желудком? – тревожно спросил Маугли, потому что от ответа волка зависела его жизнь или смерть.

– На заре он убил кабана, а также пил. Вспомни: ведь Шер Хан никогда не мог голодать, даже ради мести.

– О, глупец, глупец! Что за щенок щенка! Он ел, пил и воображает, что я буду ждать, пока он выпится? Где он лежит? Если бы нас было десятеро, мы могли бы покончить с ним... Эти буйволы не нападут на него, пока не почуют; а к несчастью, я не умею говорить на их наречии! Можем ли мы пойти по его следам так, чтобы они его почуяли?

– Он нарочно переплыл через Венгунгу далеко, чтобы этого не случилось, – ответил Серый Брат.

– Я знаю, это совет Табаки; сам Лунгри никогда не додумался бы до такой вещи. – Маугли стоял и думал, положив палец в рот. – Большой ров? Он выходит на равнину меньше чем в полумиле отсюда. Я могу прогнать стадо через джунгли к верхней точке рва, потом повернуть вниз, однако он ускользнет с нижней стороны.

Нам нужно закрыть и этот конец. Серый Брат, не можешь ли ты разделить для меня стадо на две половины?

– Может быть, один я не смог бы помочь тебе, но я привел с собой умного друга

Серый Брат отбежал немного и соскочил в выбоину. В ту же минуту оттуда поднялась большая серая, хорошо знакомая Маугли голова, и горячий воздух наполнился самым унылым криком в джунглях – воем волка, который охотится в полдень.

– Акела, Акела! – сказал Маугли, хлопая в ладоши. – Я должен был знать, что ты не забудешь меня! Нам предстоит важная задача. Разбей стадо надвое, Акела. Держи буйволов и телят вместе, быков же и буйволов собери в отдельное стадо.

Два волка побежали, как бы делая фигуру танца «дамский шен», то углубляясь в стадо, то выскакивая из него; рогатые животные фыркали, поднимали головы и скоро разделились на две части. В одной стояли буйволицы с телятами в центре; они смотрели пылающими глазами, рыли копытами землю, готовые броситься на волка и затоптать его до смерти, если он остановится на минуту. Другую часть составляли быки; молодые буйволы фыркали и топали ногами, однако, хотя они имели более внушительный вид, в сущности, это стадо было менее опасно; здесь не нужно было защищать телят. Шестеро человек не могли бы так ловко разделить огромное количество этих животных.

– Что прикажешь еще? – задыхаясь, спросил Акела. Маугли вскочил на спину Рамы.

– Гони быков влево, Акела, а ты, Серый Брат, когда мы отделимся, держи буйволиц вместе и отгеси их к нижнему концу рва

– Как далеко загнать? – спросил Серый Брат, задыхаясь и щелкая зубами.

– Гони по рву, пока его края не станут так высоки, чтобы Шер Хан не мог сделать на них прыжка, – прокричал Маугли. – Держи их там, пока мы не спустимся к тебе.

Быки двинулись, слыша голос Акелы; Серый Брат стал перед коровами. Они кинулись на него; он бежал перед ними к нижнему концу рва, пока Акела гнал быков далеко в левую сторону.

– Хорошо сделано! Еще одно нападение, и они зайдут достаточно далеко. Осторожнее, осторожнее теперь, Акела! Если ты щелкнешь зубами лишний раз, быки бросятся. Худжах! Это опаснее, чем загонять черных оленей. Думал ли ты, что эти создания могут двигаться так быстро? – спросил Маугли.

– Я... я и за ними охотился в свое время, – задыхаясь от пыли, произнес Акела. – Загнать их в джунгли?

Шер Хан в джунглях.

Художники – Мариус и Эдвард Детмольд. 1912 г.

«Откуда взяться мудрости, если в сердце злоба?»

(Р. Киплинг)

– Да, поверни их! Быстро поверни их! Рама обезумел от ярости. О, если бы только я мог ему сказать, что сегодня требую от него.

Буйволы были повернуты на этот раз вправо и вломились в чащу. Остальные пастушата, сторожившие домашний скот, со всех ног кинулись в деревню, крича, что буйволы взбесились и убежали.

У Маугли был довольно простой план. Он желал только описать на взгорье большой круг, придвинуться к верхней части рва, потом повести буйволов-быков вниз так, чтобы Шер Хан очутился между ними и их коровами; мальчик отлично знал, что, поев и налившись воды, Шер Хан не будет в состоянии драться или вскарабкаться на одну из стен рва. Теперь Маугли голосом успокаивал буйволов; Акела же бежал позади и всего раза два слегка повизжал, чтобы подогнать отставших животных.

Они описывали большой, большой круг, не желая подойти ко рву слишком близко и таким образом предупредить Шер Хана. Наконец Маугли собрал испуганное стадо близ верхнего конца ложбины на травянистом, круто спускающемся в ров откосе. С этой высоты можно было через вершины деревьев видеть равнину внизу; но Маугли занимали только края рва, и, осмотрев их, он с большим удовольствием заметил, что эти стены почти отвесны; лозы же и лианы, которые свешивались с них, не могли послужить опорой для тигра, желающего подняться.

– Дай им передохнуть, Акела, – сказал он, поднимая руки. – Они еще не почуяли его. Дай им нюхать. Я должен сказать Шер Хану, кто приближается к нему. Он в ловушке!

Приставив обе ладони ко рту, Маугли закричал в ров (это было все равно, что кричать в туннель), и отзвуки стали передаваться от одной скалы к другой.

Очень нескоро послышался продолжительный сонный вой наевшегося и только что проснувшегося тигра.

– Кто там? – спросил Шер Хан, и великолепный фазан вылетел с криком из лощины.

– Я Маугли! Вор домашнего скота, пора нам идти к Скале Совета! Вниз, скорей гони их вниз, Акела, вниз, Рама, вниз!

Буйволы на мгновение остановились на краю склона, но пронесся громкий охотничий вой Акелы, и они понеслись, обгоняя друг друга, – так пароходы проносятся через быстрины, – песок и камни разлетались во все стороны. Раз буйволы двинулись, их уже нельзя остановить. Раньше, чем они углубились в ложе сухого рва, Рама почуял Шер Хана и замычал.

– Ха, ха, – закричал Маугли, сидевший на его спине, – теперь ты знаешь! – и поток черных рогов, пенящихся морд, неподвижных глаз помчался по рву, точно камни во время наводнения; более слабые буйволы были отеснены к стенам и прорывались через завесу лиан. Они знали, какое дело предстояло им – страшное нападение стада буйволов, нападение, которому ни один тигр не может надеяться противостоять. Шер Хан услышал грохот копыт, поднялся и, хромя, тяжело побежал, глядя по сторонам и отыскивая средство спасения; но с обеих сторон рва поднимались отвесные скалы. Отяжелевший от еды и питья тигр был готов на все, только бы избежать борьбы. Стадо пробежало, расплескивая лужу, от которой Шер Хан только что отошел. От рева буйволов камни звенели. Маугли услышал с нижнего конца рва ответное мычание и увидел, что Шер Хан повернулся. Тигр знал, что раз уже случилось самое худшее, ему лучше встретить буйволов, чем коров с телятами. Рама несколько раз ударил в землю копытами, споткнулся и двинулся дальше, ступая по чему-то мягкому. За ним неслись остальные буйволы, и все врезались во встречное стадо; от силы столкновения более слабые буйволы были подняты над землей. Вот все они и буйволицы с телятами выбежали из рва на равнину, животные мычали, топали ногами, фыркали. Маугли подождал немного, наконец соскользнул с шеи Рама и принялся палкой колотить вправо и влево.

– Скорее, Акела! Разбей их! Разбей, не то они будут драться между собой. Гони их, Акела! Хай, Рама! Хай, хай, хай, детки! Тише! Тише! Все прошло!

Акела и Серый Брат бегали взад и вперед, слегка покусывая передними зубами ноги буйволов и, хотя стадо было готово снова кинуться вдоль рва, Маугли удалось повернуть Раму, и все остальные пошли за своим вожаком к илистым лужам.

Больше бить Шер Хана копытами не пришлось. Он умер, и коршуны уже спускались к нему.

– Братья, это была собачья смерть, – сказал Маугли, ощупью отыскивая нож в ножнах, который он всегда носил на шее с тех пор, как жил с людьми. – Но он не стал бы драться, и на Скале Совета его кожа будет иметь хороший вид. Нам нужно быстро приняться за работу.

Мальчик, воспитанный среди людей, даже не попытался бы один снять шкуру с десяти-футового тигра, но Маугли лучше всех знал, как прикрепляется к телу животного его шкура и как ее можно содрать. Тем не менее это было трудное дело, и Маугли резал, рвал и ворчал целый час, волки смотрели, высунув языки, или подходили к нему и дергали кожу там, где он приказывал.

Вот на плечо мальчика упала рука и, подняв глаза, он увидел Бульдео с его ружьем. Дети рассказали в деревне о бегстве буйволов, и рассерженный Бульдео вышел за ворота, торопясь наказать Маугли за то, что он плохо заботится о стаде. Заметив человека, волки скрылись из виду.

– Это что за безумие? – сердито начал Бульдео. – Ты думаешь, что один можешь снять кожу с тигра? Где его убили буйволы? Это хромой тигр, и его голова была оценена во сто рупий. Ну, ну, мы не обратим внимание на то, что ты упустил стадо, и, может быть, я дам тебе одну рупию из награды, когда отнесу кожу в Кханивару. – Он пошарил в своей одежде, вынул оттуда кремь и огниво и нагнулся, чтобы подпалить белые бакенбарды Шер Хана. По большей части, туземные охотники подпаливают бакенбарды тигра, чтобы его призрак не являлся им.

– Гм, – скорее обращаясь к себе, чем к Бульдео, произнес Маугли и содрал кожу с передней лапы Шер Хана. – Значит, ты хочешь отнести шкуру в Кханивару, получить награду и, может быть, дашь мне одну рупию? А вот, мне кажется, что кожа нужна мне самому. Эй, старик, убери этот огонь.

– Что это за обращение с главным охотником деревни? Счастье и глупость твоих буйволов помогли тебе убить зверя; тигр только что поел, не то он бы убежал за двадцать миль. Ты даже не можешь как следует снять с него кожу, нищенское отродье, и еще смеешь мне, Бульдео, говорить, чтобы я не палил его шерсти? Маугли, ты не получишь ни одной анны из награды; тебе достанутся только побои. Брось убитого тигра!

– Клянусь быком, который купил меня, – сказал Маугли, старавшийся добраться до плеча тигра, – неужели я должен целый день болтать со старой обезьяной? Сюда, Акела, этот человек надоедает мне!

Все еще наклонившийся над головой Шер Хана Бульдео внезапно очутился на траве; серый волк стоял над ним, а Маугли продолжал снимать кожу с тигра, точно в целой Индии был только он один.

– Да-а-а, – сказал он сквозь зубы. – Ты совершенно прав, Бульдео. Ты не дашь мне ни одной анны из награды. Между этим хромым тигром и мной шла война, очень долгая война, и я победил.

Следует отдать Бульдео справедливость: будь он на десять лет моложе, при встрече с Акелой в лесу он вступил бы в борьбу с ним, однако волк, который слушался приказаний мальчика, имевшего свои счеты с тиграми-людоедами, не казался ему обыкновенным животным. По мнению Бульдео, в дело замешалось колдовство худшего рода, и он спрашивал себя, послужит ли для него охраной амулет, висевший на его шее? Он лежал совсем-совсем тихо, ежеминутно ожидая, что Маугли тоже обернется тигром.

– Магараджа! Великий король! – хриплым шепотом произнес он наконец.

– Ну? – не поворачивая головы и слегка посмеиваясь, сказал Маугли.

– Я – старик и не знал, что ты не простой пастушонок. Позволишь ли ты мне подняться и уйти, или твой слуга разорвет меня на части?

– Иди, и да будет с тобою мир. Только, смотри, в другой раз не трогай моей добычи. Отпусти его, Акела.

Бульдео, торопливо заковылял к деревне, оглядываясь через плечо, чтобы увидеть, не превратится ли Маугли во что-нибудь ужасное. Придя в деревню, он наговорил столько о магии, чарах и колдовстве, что лицо жреца стало очень серьезно.

Маугли продолжал свою работу, но уже наступали сумерки, когда он и волки содрали большую яркую шкуру с тела тигра

– Теперь мы должны ее спрятать и отвести буйволов домой. Помогите мне собрать их, Акела.

В туманном сумраке стадо собралось, и, подходя с животными к деревне, Маугли увидел свет и услышал трубный звук раковин храма и звон колоколов. Около половины деревни собралось у ворот, ожидая его.

«Это потому, что я убил Шер Хана», – мысленно сказал себе мальчик.

Но около его ушей просвистел град камней, и жители деревни закричали:

– Колдун! Волчье отродье! Демон джунглей! Уходи! Скорее убирайся отсюда, или наш жрец опять превратит тебя в волка! Стреляй, Бульдео.

Старый мушкет с громом выстрелил, молодой буйвол замычал от боли.

– Новое колдовство! – закричали они. – Он отводит пули в сторону. Бульдео, это был твой буйвол.

– Что же это? – спросил ошеломленный Маугли, когда град камней стал еще гуще.

– Они походят на стаю, эти твои братья, – сказал Акела, спокойно садясь на землю. – Мне приходит в голову, что, если пули что-нибудь значат, они тебя выгонят.

– Волк! Волчонок! Уходи! – закричал жрец, размахивая веткой священного растения тульци.

– Опять? Тогда меня гнали за то, что я человек; теперь меня гонят за то, что я волк? Уйдем, Акела.

Женщина – это была Мессуа – побежала к стаду с криком:

– О мой сын, мой сын! Они говорят, что ты колдун и можешь по желанию превращаться в зверей. Не верю им, но уходи, или они убьют тебя. Бульдео уверяет, что ты волшебник, я же знаю, что ты отомстил за смерть моего Нату.

– Назад, Мессуа! – закричала толпа – Назад, или мы побьем тебя камнями!

Маугли засмеялся отрывистым, недобрим смехом, потому что один камень попал ему в лицо.

– Беги назад, Мессуа. Это одна из глупых историй, которые они рассказывают в темноте, под большим деревом. Я наконец заплатил за жизнь твоего сына. Прощай. Беги быстро, потому что я пошлю в деревню стадо, а оно движется быстрее, чем летят осколки их кирпичей. Я не колдун, Мессуа. Прощай!.. Еще раз, Акела, – крикнул он, – гони стадо в ворота!

Буйволам самим очень хотелось вернуться в деревню. Вой Акелы вряд ли был нужен им. Они вихрем понеслись через ворота, рассеивая толпу людей вправо и влево.

– Сосчитайте их, – презрительно крикнул Маугли, – может быть, я украл одного буйвола! Считайте, я не буду больше пасти стадо. Будьте здоровы, дети людей, и поблагодарите Мессуа за то, что я с моими волками не войду в деревню и не стану гонять вас взад и вперед по вашей улице.

Маугли повернулся и пошел прочь с Одиноким Волком. Взглянув на звезды, он почувствовал себя счастливым.

– Мне не придется больше спать в ловушках, Акела. Возьмем шкуру Шер Хана и уйдем. Нет, мы не причиним вреда деревне, потому что Мессуа была добра ко мне.

Поднялась луна, и долина стала молочно-белой; жители деревни с ужасом увидели, как Маугли, в сопровождении двух волков и с каким-то свертком на голове, бежал спокойной волчьей рысью; бег этот своей быстротой напоминает движение огня, и позади бегущего таким шагом скоро остается одна миля за другой.

Они стали звонить в колокола храма и трубить в крупные раковины еще громче обыкновенного; Мессуа плакала, а Бульдео все украшал и украшал рассказ о своих приключениях в джунглях так, что, наконец, по его словам, Акела стоял перед ним на задних лапах и говорил с ним, как человек.

Луна заходила, когда Маугли и два волка пришли на холм Скалы Совета и остановились подле пещеры Матери Волчицы.

– Меня выгнали из людской стаи, мать, – крикнул Маугли, – но я пришел со шкурой Шер Хана и сдержал данное слово!

Волчица Мать, взволнованная, вышла из пещеры, за ней появились ее дети: при виде шкуры глаза Ракши загорелись.

– В тот день, когда он просунул свою голову и плечи в эту пещеру, охотясь за тобой, Лягушечка, я сказала ему, что охотник делается дичью. Хорошо сделано!

– Хорошо сделано, Маленький Брат, – послышался глубокий голос в чаще. – Нам было скучно в джунглях без тебя, – и Багира подбежала и склонилась к босым ногам Маугли.

Они вместе поднялись на Скалу Совета, и Маугли разостлал тигровую шкуру на том плоском камне, где, бывало, сидел Акела, прикрепив ее четырьмя заостренными осколками бамбука. Тогда Акела лег на шкуру с обычным старинным призывом к Совету: «Смотрите, смотрите, хорошенько, о волки!» Совершенно также взывал он, когда в это место впервые привели Маугли.

С тех самых пор, как был смещен Акела, стая оставалась без вожака, и волки охотились или дрались, когда им вздумается. Однако они по привычке пришли на призыв; некоторые из них хромали, ушибленные капканами, в которые они попадали; некоторые ковыляли, раненные пулями; некоторые исхудали от дурной пищи; многих совсем не было; тем не менее, уцелевшие собрались к Скале Совета, увидели полосатую шкуру Шер Хана на камне и его огромные когти на концах пустых лап. Вот тогда-то Маугли сочинил песню без рифм, песню, которая как-то сама собой подступила к его горлу. Он громко выкрикивал ее, прыгая взад и вперед по слегка стучавшей шкуре и отбивая ритм пятками; мальчик плясал, пока не задохнулся от усталости; между одной строфой и другой Серый Брат и Акела выли.

– Смотрите хорошенько, о волки! Сдержал ли я свое слово? – сказал Маугли, окончив песню; и волки пролаяли: «Да!» А один лохматый провыл:

– Будь нашим вожаком опять, о Акела! Будь нашим вожаком опять, о детеныш человека, потому что нам надоело беззаконие и мы хотели бы снова сделаться Свободным Народом.

– Нет, – промурлыкала Багира. – Этого не должно быть. Когда вы наедитесь, безумие снова может овладеть вами. Недаром зовут вас Свободным Народом! Вы боролись за свободу и достигли ее. Питайтесь ею, о волки.

– Стая людей и волчья стая выгнали меня, – заметил Маугли. – Теперь я буду один охотиться в джунглях.

– И мы будем охотиться с тобой, – сказали четыре сына Матери Волчицы.

Итак, Маугли ушел и с этого дня охотился с четырьмя детьми Матери Волчицы. Однако он не всегда был одинок, потому что через много лет сделался вполне взрослым человеком и женился.

Но это рассказ для взрослых людей.

Белый котик

Все это случилось много лет тому назад на о-ве св. Павла, в месте, которое называется Северо-Восточный Мыс, далеко-далеко в Беринговом море. Зимний королек Лиммершин рассказал мне эту историю, когда ветер прибил его к оснастке шедшего в Японию парохода, и я отнес его в каюту, согрел и несколько дней кормил, так что наконец он мог опять улететь на о-в св. Павла. Лиммершин – странная птичка, но он умеет говорить правду.

Северо-Восточный Мыс посещают исключительно по делам, а настоящее дело там бывает только у котиков, и в летние месяцы они сотнями и сотнями тысяч приплывают к его берегам из холодного северного моря. Для котиков нигде в море нет таких удобств, как у берегов Северо-Восточного Мыса.

Морской Ловец отлично знал это и с наступлением весны несся к берегам Северо-Восточного Мыса и целый месяц бился там со своими товарищами за хорошее место на берегу, поближе к морю. Ему уже минуло пятнадцать лет; это был крупный серый зверь с мехом, образовавшим почти гриву на его плечах, и с длинными злобными клыками. Поднимаясь на своих передних лапах, он возвышался больше чем на четыре фута над землей, а если бы кто-нибудь решился его взвесить, он потянул бы почти семьсот фунтов. Все тело этого котика покрывали шрамы, следы жестоких боев, но он всегда бывал готов снова драться. Морской Ловец склонял голову набок, точно боясь взглянуть в глаза своему врагу, потом, как молния, кидался на него. Когда крупные зубы Морского Ловца впивались в шею его противника, тот, конечно, мог вырваться, если находил в себе на то силы, только Морской-то Ловец не помогал ему в этом отношении.

Зато Морской Ловец никогда не преследовал побежденного: это было против правил Берега. Он только желал получить место подле моря для своей «детской». Однако, ввиду того что сорок или пятьдесят тысяч котиков каждую весну стремились к тому же, визг, плеск, рев, вой и шум на берегу сливались во что-то страшное.

С небольшого холма, называемого Холмом Гутчин-сона, вы могли бы видеть пространство в три с половиной мили, все покрытое дерущимися; волны прибоя усеивали головы котиков, спешивших к земле тоже ради борьбы. Они дрались среди прибрежных камней; дрались на песке; дрались на истертых гладких базальтовых камнях «детских», потому что были так же тупы и несговорчивы, как люди. Их жены являлись только в последних числах мая или в начале июня; они не желали быть растерзаны. Молодые двух-, трех- и четырехлетние котики, которые еще не обзавелись хозяйством, миновали ряды дерущихся, около полумили проходили в глубь острова и целыми легионами принимались играть на песчаных дюнах, уничтожая все зеленое, что только вырастало из земли. Их называли холостяками, и, может быть, на одном Северо-Восточном Мысе собиралось около двухсот или трехсот тысяч таких молодых котиков.

Однажды весной Морской Ловец только что закончил свой сорок пятый бой, когда Матка, его нежная жена с кроткими глазами, вышла из моря, а он схватил ее за шиворот, опустил на свой участок и ворчливо сказал:

– Как всегда опоздала! Где ты была?

В течение тех четырех месяцев, которые Морской Ловец оставался на отмелях, он ничего не ел, а потому бывал обыкновенно в дурном настроении. Матка знала, что ему не нужно отвечать. Она огляделась кругом и нежно промурлыкала:

– Как ты заботлив. Ты опять занял прежнее место!

– Я думаю – занял! – сказал Морской Ловец. – Посмотри на меня.

Он был весь исцарапан; из его тела кровь сочилась местах в двадцати; один его глаз почти совсем закрылся, а бока были в лохмотьях.

– Ох вы, мужчины, мужчины, – сказала Матка, обвевая себя задним ластом. – Почему это вы не можете быть благоразумны и спокойно занимать места? Право, можно думать, что ты дрался с касаткой Убийцей Китов.

– С половины мая я только и делал, что дрался. В нынешнем году берег наполнен до противности. Я встретил, по крайней мере, сотню котиков с Луканноннской отмели, которые отыскивали пристанище. Почему это никто не хочет оставаться в своих собственных областях?

– Я часто думала, что мы были бы гораздо счастливее, если бы устроились на острове Выдры, а не оставались в этом густонаселенном месте, – заметила Матка.

– Ба, на остров Выдры плавают только молодежь. Если бы мы отправились туда, все подумали бы, что мы боимся. Нам необходимо заботиться о сохранении приличий, моя милая.

Морской Ловец гордо втянул голову в плечи и несколько минут притворялся, будто он спит, а между тем все время наблюдал, нельзя ли подрасть. Теперь, когда на земле уже собрались все котики и их жены, вы могли бы за несколько миль от берега услышать в море их шум, покрывавший громкий прибой волн. На берегу было более миллиона котиков: старые котики, маленькие котики, их матери и холостяки. Они дрались, ссорились, кричали, ползали и играли; уплывали в море; толпами и полками возвращались к суше; лежали на каждом футе берега, насколько мог видеть глаз; бригадами шныряли, пронизывая туман. Здесь почти всегда туманно, за исключением тех дней, в которые на короткое время выходит солнце и всему придает цвет жемчуга или радуги.

Детеныш Матки, Котик, родился в разгар смятения; он весь состоял из головы и плеч и смотрел бледными, водянисто-голубыми глазами; все, как подобало новорожденному детенышу. Тем не менее в его шерстке было что-то, что заставило Матку очень внимательно приглядеться к нему.

– Морской Ловец, – сказала она, помолчав, – наш маленький будет белый.

– Пустые прибрежные раковины и сухие водоросли! – фыркнул Морской Ловец. – В мире никогда не бывало белого котика.

– Я не виновата, – сказала Матка, – но теперь будет, – и она запела тихую воркующую песенку, которую все матери поют своим детенышам-котикам: «Не плавай, пока тебе не минет шести недель, не то твоя голова погрузится в воду» и т. д.

Конечно, сперва маленькое существо не понимало ее слов. Котик возился и играл подле своей матери и научился быстро уходить прочь, когда его отец дрался с другим котиком и бойцы с громким ревом катались по скользким камням. Матка отправлялась за едой в море и кормила детеныша только через день; но тогда он жадно бросался на пищу и ел столько, сколько мог съесть.

Раз Котик прошел подальше, в глубь острова, и встретил там десятки тысяч своих сверстников. Они играли, как щенята; засыпали на чистом песке, просыпались, снова начинали возиться. Взрослые не обращали на них внимания; холостяки держались на своем участке, а потому у малюток было много времени для забав.

Возвращаясь с рыбной ловли в глубоком море, Матка прямо направлялась к месту их игр и принималась звать Котика голосом овцы, призывающей своего ягненка, и ждала, чтобы он откликнулся. Едва услышав его блеяние, она напрямик двигалась в его направлении, сильно ударяя о землю своими передними лапами и расталкивая головой малышей, которые падали вправо и влево от нее. Несколько сотен матерей всегда отыскивало своих маленьких в месте их игр, и юным котикам порядочно доставалось от них; но Матка справедливо говорила Котику:

– Пока ты не лежишь в грязной воде и не хуdeerшь, пока жесткие песчинки не попадают в царапины или порезы на твоём теле, пока ты не плаваешь в бурю, с тобой ничего не случится.

Маленькие котики плавают не лучше маленьких детей. Когда Котик в первый раз пошел в море, волна унесла его на такую глубину, где он мог утонуть; его большая голова погрузилась

в воду; его маленькие задние лапы поднялись вверх совершенно так, как Матка говорила ему в колыбельной песне, и если бы следующая волна не кинула его обратно, он утонул бы.

После этого он научился так лежать в луже на отмели, чтобы набегающие волны покрывали его и поднимали, в это время он загребал воду лапами и смотрел, не подходят ли большие волны, которые могли бы ему повредить. Две недели учился он работать своими лапами и все это время то входил в воду, то выходил из нее; с криком, похожим на кашель, или хрюканьем выползал на берег повыше и спал, как кошечка, на песке; потом опять отправлялся в мора и наконец понял, что его настоящая стихия – вода.

Теперь вы можете представить себе, как он веселился со своими товарищами, то ныряя под морские валы, то поднимаясь на гребень водяной гряды, то выходя на землю среди шипения воды и разлетающихся брызг, когда большой вал, крутясь, набегал на отмель. Порой, стоя на хвосте, и он почесывал голову, совершенно как старые котики, или играл в игру «Я – король замка» на осклизлых, покрытых водорослями скалах, едва выдававшихся из воды. Время от времени Котик замечал подплывающий к берегу тонкий плавник, похожий на перо крупной акулы, и знал, что это Убийца Китов (касатка), который поедает молодых котиков, когда может добраться до них. И Котик, как стрела, мчался к отмели, а плавник медленно удалялся.

В конце октября целые семьи и стаи котиков стали покидать о-в св. Павла, направляясь в открытое море; бои из-за места прекратились, и холостяки теперь играли, где им вздумается.

– В будущем году, – сказала Котику его мать, – ты будешь холостяком; а пока тебе нужно научиться ловить рыбу.

Они вместе пустились по Тихому океану, Матка показала Котику, как надо спать на спине, прижав плавники к бокам и выставив носик из воды. В мире нет колыбели спокойнее длинных, гладких качающихся валов Тихого океана. Когда Котик почувствовал легкий зуд во всей коже, Матка сказала ему, что он начинает понимать воду; что этот зуд и покалывание предвещают наступление дурной погоды, и что значит ему нужно плыть во всю силу и уйти подальше.

– Скоро, – сказала она, – ты будешь также понимать, куда именно надо плыть; до поры же до времени следи за Морской Свиньей, дельфином – он очень умен.

Целая толпа дельфинов ныряла и неслась, разрезая воду, и маленький Котик помчался за ними.

– Почему вы знаете, куда надо плыть? – задыхаясь спросил он. Вожак выпучил свои белесоватые глаза и нырнул в глубину.

– У меня зуд в хвосте, малыш, – сказал он, – а это обозначает, что позади меня буря. Вперед! Когда ты будешь южнее Стоячей Воды (он подразумевал экватор), и у тебя поднимется зуд в хвосте, знай, что перед тобой буря, и поворачивай на север. Вперед! Я чувствую, что вода здесь очень опасна.

Это одна из тех вещей, которые узнал Котик, а он постоянно учился. Матка сказала, что ему следует плыть за треской и палтусом вдоль подводных мелей, научиться обследовать обломки судов, лежащие на сотню саженей под водой; проскальзывать, точно ружейная пуля, в один иллюминатор затонувшего корабля и вылетать из другого, как это делают рыбы; танцевать на гребнях волн, когда молния бороздит небо, и вежливо махать одним своим ластом летящим по ветру короткохвостому альбатросу и морскому соколу; выскакивать из воды на три или четыре фута, как дельфин, прижимая к бокам лапы и изгибая хвост; не трогать летучих рыб, потому что они состоят из одних костей; на полном ходу и на глубине десяти саженей отрывать зубами лакомый кусочек спинки трески; никогда не останавливаться и не смотреть на лодку или на корабль, особенно же на гребную шлюпку. Через шесть месяцев Котик не знал о рыбной ловле в открытом море только того, чего и знать не стоило; и все это время ни разу не вышел на сушу.

Но однажды, когда Котик дремал, лежа в теплой воде где-то невдалеке от о-ва Хуана Фернандеса, он почувствовал лень, какую ощущают люди, когда весна забирается в их тело; в то же время ему вспомнились славные твердые берега Северо-Восточного Мыса за семь тысяч миль от него, игры его товарищей; запах морской травы и рев котиков во время боя. В ту же самую минуту он повернул к северу, торопливо поплыл в этом направлении и скоро встретил десятки своих товарищей, которые все спешили туда же. Они сказали:

– Здравствуй, Котик! В этом году мы, холостяки, можем протанцевать «огненный танец» среди прибрежных камней Луканнона и поиграть на молодой траве. Но откуда взял ты такой мех?

Теперь у Котика была почти совершенно белая шкура, и, хотя он гордился ею, но ответил только:

– Плывите быстрее. Мои кости тоскуют по земле.

Наконец все они вернулись к родным отмелям и услышали, как старые котики дрались между собой в клубах тумана

В первую ночь Котик протанцевал «огненный танец» со своими сверстниками. В летние ночи все пространство моря от Северо-Восточного Мыса до Луканнона полно огня, и каждый котик оставляет позади себя след, похожий на полосу горящего масла; когда он прыгает, поднимается пламенный всплеск. А от волн, набегающих на берег, несутся огненные струи и крутящиеся блестящие воронки.

Маугли в деревне.

Художники – Мариус и Эдвард Детмольд, 1912 г.

«Выбор взрослых бывает таким же случайным, как выбор игрушек детьми»
(Р. Киплинг)

Потом молодые холостяки отправились дальше на свои участки и катались взад и вперед в молодой зелени, рассказывая друг другу о том, что они делали, когда были в море. Они говорили о Тихом океане, как мальчики говорят о чаще леса, в которой собирали орехи, и если бы кто-нибудь понял речь котиков, он начертил бы такую карту океана, какой еще никогда не бывало.

Трех- и четырехлетние холостяки понеслись с Холма Гутчинсона, крича:

– Прочь с дороги, молодежь! Море глубоко, и вы не знаете всего, что в нем есть. Погодите, раньше обогните Горн. Эй ты, одногодка, где ты взял эту белую шубу?

– Нигде не взял, – ответил Котик, – она выросла!

Как раз в ту минуту, когда он хотел опрокинуть говорившего, из-за песчаной дюны вышло двое черноволосых людей с плоскими красными лицами, и Котик, еще никогда не выдавший человека, сердито кашлянул и опустил голову. В нескольких ярдах от людей холостяки сгруппировались, глупо глядя на них. Пришедшие были важные личности: Керик Бутерин, глава охотников на этом острове, и Паталамон, его сын. Они пришли из маленькой деревни, стоявшей меньше чем в полумиле от «детских», и теперь толковали, каких котиков следует прогнать к бойням (котиков гоняли совсем как овец) с тем, чтобы позже их шкуры были превращены в куртки.

– Хе, – сказал Паталамон, – посмотри-ка! Белый котик!

Лицо Керика Бутерина побелело, несмотря на слой сала и копоти, покрывавший всю его кожу (он был алеут, алеуты же очень неопрятны).

И охотник забормотал молитву.

– Не трогай его, Паталамон. Белых котиков не бывало с тех пор... с тех пор, как я родился. Может быть это дух старика Захарова. В прошлом году он исчез во время большой бури.

– Я не подойду к нему, – сказал Паталамон. – Он принесет мне несчастье. А ты действительно думаешь, что это Захаров? Я остался ему должен за несколько яиц чайки.

– Не смотри на него, – сказал Керик. – Поверни-ка вот это стадо четырехлеток. Сегодня работники обязаны содрать шкуры с двух сотен. Охотничье время только что начинается, и они еще не привыкли к работе. Достаточно сотни. Скорее!

Паталамон затрещал перед стайей холостяков высушенными котиковыми плечевыми костями, и звери остановились, фыркая и отдуваясь. Потом он подошел к ним, и они двинулись; Керик направил холостяков от берега, и они даже не постарались вернуться к своим. Сотни и сотни тысяч других котиков смотрели, как гонят их товарищей, и продолжали играть. Один Котик задавал вопросы, но никто не мог ничего сказать ему; холостяки знали только, что в течение шести недель или двух месяцев, люди ежегодно угоняли котиков.

– Я пойду за ними, – сказал Котик, и его глаза чуть не выскочили из орбит, когда он пополз по следам стада.

– За нами идет белый котик, – закричал Паталамон. – В первый раз зверь сам собой идет к месту бойни!

– Тшш! Не смотри, не оборачивайся, – ответил Керик, – это призрак Захарова. Я должен поговорить о нем с шаманом.

Место бойни было всего в полумиле от обыкновенной арены игр холостяков, но Керику пришлось потратить на передвижение целый час, так как он знал, что если котики пойдут слишком скоро, они разгорячатся и, когда он станет сдирать с них шкуры, они будут сходить клочками. Так они очень медленно миновали перешеек Морского Льва, дом Вебстера, наконец дошли до Соленого Дома и скрылись из виду котиков, бывших на отмели. Котик шел позади них, задыхался, изумлялся. Ему казалось, что он на краю света, но гул «детских» звучал с силой грохота поезда в туннеле.

Вот Керик сел на мох, вынул тяжелые оловянные часы и позволил котикам отдыхать минут тридцать. Котик слышал, как капли сгустившегося тумана падали с капюшона охотника. Но скоро показалось человек десять-двенадцать, каждый принес окованную железом дубину фута в три-четыре длины. Керик указал на двух или трех котиков из стада, которые были укушены своими товарищами или слишком разгорячены, и пришедшие люди откинули их в сторону своими ногами, обутыми в тяжелые сапоги из моржовой кожи. Тогда Керик сказал: «Начинайте!», и пришедшие стали колотить котиков...

Через десять минут маленький Котик не мог узнать никого из своих друзей: их шкуры были разрезаны от носа до задних лап, содраны и грудой брошены на землю.

Этого было довольно! Котик повернулся и поскакал галопом (небольшое пространство котик может пройти очень быстрым галопом); он двигался обратно к морю, и его маленькие молодые усы топорщились от ужаса. На перешейке Морского Льва, где крупные морские львы

сидят на кромке прибоя, он закинул лапы на голову, бросился в прохладную воду и стал качаться, с трудом переводя дыхание.

– Что такое? – сердито сказал морской лев; они обыкновенно держатся особняком.

– Скучно, очень скучно, – сказал Котик. – Убивают всех холостяков на всех отмелях.

Морской лев посмотрел в сторону суши.

– Пустяки, – сказал он, – твои друзья, по обыкновению, шумят из-за вздора. Ты, вероятно, видел, как старый Керик перебил стадо? Вот уже тридцать лет он угоняет котиков.

– Да ведь это ужасно! – сказал Котик.

Его накрыла волна; он же винтовым ударом своих лап поднялся стоймя и остановился в трех дюймах от зазубренного утеса.

– Недурно для одногодка, – заметил морской лев, который умел ценить хорошего пловца – Вероятно, с твоей точки зрения, происходит ужасная вещь, но раз вы, котики, год из года возвращаетесь в одно и то же место, немудрено, что люди узнали об этом. Если вы не отыщете для себя острова, на котором никогда не бывает людей, вас всегда будут угонять.

– Нет ли такого острова на свете? – спросил Котик.

– Двадцать лет я охочусь на палтуса и не могу сказать, чтобы уже нашел его. Но послушай, по-видимому, ты любишь разговаривать с существами, которые умнее и лучше тебя; что, если бы ты отправился к островку моржей и поговорил с Морским Волшебником? Может быть, он что-нибудь знает? Да не прыгай так. Нужно проплыть шесть миль, и на твоём месте, мальш, я прежде вздремнул бы.

Котик нашел, что это хороший совет, поплыл к своей собственной отмели, выбрался на берег, заснул и проспал полчаса, весь подергиваясь, как это делают все его родичи. Позже он направился к острову моржей, лежащему к северо-востоку от Северо-Восточного Мыса. Остров этот состоял из каменных площадок и гнезд чаек. Там стадами отдыхали моржи.

Котик пристал близ старого Морского Волшебника, огромного некрасивого, пятнистого, морщинистого моржа северного Тихого океана, зверя с толстой шеей и с длинными бивнями, который вежлив, только когда он спит. Морской Волшебник спал в эту минуту, и его задние лапы до половины уходили в волны.

– Просыпайся! – громко тьякнул Котик, потому что чайки подняли сильный шум.

– Ай! Хо! Гм! Что это? – спросил морж, ударил клыками своего соседа и разбудил его; тот, в свою очередь, ударил следующего, и пошло, и пошло, пока все они не проснулись и не принялись осматриваться по сторонам, только Котика никто не замечал.

– Эй! Это я, – сказал Котик, качаясь, как поплавок, в волнах прибоя и похожий на маленький белый комок.

– Хорошо! Ну, пусть меня... обдерут! – сказал морж, и все посмотрели на Котика, как посмотрели бы старые дремлющие джентльмены на зашедшего в их клуб маленького мальчика. Котику в эту минуту совсем не хотелось слушать о сдирании кож; он достаточно насмотрелся на это, а потому закричал:

– Нет ли в мире такого места, в которое никогда не приходят люди?

– Ищи сам, – ответил Морской Волшебник, закрывая глаза. – Плыви. Мы заняты!

Котик сделал свой дельфиний прыжок в воздухе и закричал еще громче прежнего:

– Поедатель травы, поедатель ракушек!

Он знал, что Морской Волшебник никогда в жизни не поймал ни одной рыбы, а вечно вырывал раковины, морской мох и морские травы, хоть любил казаться ужасным существом. Понятно, маевки, большие поморники, белые чайки и глупыши, всегда желающие найти случай сказать кому-нибудь грубость, повторили его восклицание, и (так передавал мне Лиммершин) минут пять вы не могли бы услышать ружейного выстрела на островке моржей. Все его население кричало и взвизгивало:

– Поедатель травы! Старик!

А старый морж ворочался с боку на бок, похрюкивал и кашлял.

– Ну, ты теперь скажешь? – спросил Котик, совсем задыхаясь.

– Спроси у морской коровы, – ответил морж, – если она еще жива; она в состоянии сказать тебе.

– Она – единственное существо, которое безобразнее Морского Волшебника! – крикнул большой поморник, пролетая под самым носом моржа. – Она еще безобразнее и еще невежливее. Старик!

Котик предоставил чайкам кричать, а сам поплыл к своему берегу. Тут он узнал, что никто не поддерживает его намерение открыть новое, спокойное место. Ему сказали, что люди всегда угоняли десятки молодых холостяков, что это давно вошло в обычай и что, если ему не нравится смотреть на неприятные вещи, он не должен ходить к месту бойни. Ведь никто раньше не видал, как убивают их родичей, и в этом заключалось различие между Котиком и его друзьями. Кроме того, у Котика была белая шерсть.

– Вон что! – сказал Морской Ловец, выслушав рассказ сына о его приключениях. – Вырасти, сделайся таким же крупным котиком, как твой отец, заведи собственную семью, и тогда тебя оставят в покое. Через пять лет ты будешь в состоянии защищаться.

Даже кроткая Матка сказала:

– Тебе не удастся прекратить эту бойню. Иди, играй в море, Котик.

И Котик уплыл и протанцевал «огненный танец», но с большой тяжестью на сердечке.

В эту осень он очень рано покинул берег и совсем один пустился в путь; в его голове засела одна неотвязная мысль. Он отыщет морскую корову, если только в море окажется такое существо, и найдет спокойный остров с хорошим, твердым берегом, где люди не могли бы добраться до котиков. И он стал осматривать весь Тихий океан от севера до юга, проплывая в сутки около трехсот миль. С ним случилось больше приключений, чем можно рассказать; он чуть не попался в зубы пятнистой акуле и молоту-рыбе (род акулы), встретил всех невероятных злодеев, снующих по морям, тяжелую лощеную рыбу, раковину-гребенку с багровыми пятнами, которая прикрепляется к одному месту на сотни лет и гордится этим, но ни разу не видел морской коровы и не нашел островка, о котором так он мечтал.

Если берег оказывался хорошим, твердым, с отлогой покатостью для игр, на горизонте всегда виднелся дым китоловной лодки, и Котик знал, что это обозначало. Иногда он видел на острове следы пребывания котиков, понимал, что они были перебиты, и говорил себе, что туда, где люди побывали раз, они, конечно, вернуться снова.

Однажды Котик беседовал со старым широкохвостым альбатросом, и тот сказал ему, что в смысле покоя и тишины в мире нет места лучше и спокойнее острова Кергулена.

Котик поплыл к указанному месту, и буря с градом, молнией и громом вынесла его там на черные злобные утесы, о которые он чуть было не разбился вдребезги. Тем не менее, отплывая, Котик заметил, что даже на этом угрюмом острове когда-то была «детская». То же повторялось на всех островах, на которых он побывал.

Лиммершин дал мне длинный список этих островов; по его словам, Котик потратил пять лет на поиски, ежегодно отдыхая по четыре месяца у себя на родине; в это время холостяки насмеялись над ним и над его воображаемыми островами. Он побывал на Галапагосе, в ужасном сухом месте на экваторе, и чуть до смерти не спекся там, плавал к о-вам С в. Георгия, к Оркнейским, к Изумрудному острову, к Малому острову Нахтигалья, к острову Буве, к о-ву С в. Креста, даже к крошечному кусочку земли, южнее мыса Доброй Надежды. Но мирское население повсеместно говорило ему одно и то же. В прежние времена котики приходили к этим островам, но люди убивали их. Даже когда Котик отплыл на несколько тысяч миль от Тихого океана и попал в место, называемое Кап-Кориентес, раз он наткнулся на несколько сотен исхудалых котиков, и они сказали ему, что люди являлись и к ним.

Сердце Котика чуть не разбилось, и, обогнув мыс Горн, он направился к родным отмелям; по пути на север вышел на землю, на остров, покрытый зелеными деревьями, и застал на нем умирающего, старого-престарого котика; Котик поймал для него рыбы, поведал ему о своих горестях и сказал:

– Теперь я возвращаюсь к Северо-Восточному Мысу и, если меня прогонят вместе с моими товарищами к месту бойни, мне будет все равно.

Старый котик ответил:

– Попробуй еще. Я последний из последнего выводка Масафуера, и в те дни, когда люди убивали нас целыми сотнями тысяч, на наших отмелях рассказывали, что со временем с севера явится белый котик и уведет Котиковый Народ в спокойное место. Я стар, и мне не суждено дожить до такого дня; другие же доживут. Сделай еще попытку.

И Котик поднял свои усы (они были прелестны) и произнес:

– Я единственный белый котик, когда-либо рожденный на берегу, и только я один, черный ли, белый ли, решил искать новые острова.

Эта встреча сильно ободрила его. Когда летом Котик вернулся домой, Матка попросила его жениться и завести хозяйство, так как он сделался взрослым крупным котиком с волнистой белой гривой на плечах, таким же тяжелым, большим и свирепым, как Морской Ловец.

– Дай мне еще один год, – сказал он ей, – вспомни, матушка, ведь именно седьмая волна забегает на отмель дальше всех остальных

Удивительная вещь: одна из юных невест тоже решила не выходить в этом году замуж, и ночью, перед своим последним отправлением на поиски, Котик проплясал с ней «огненный танец» вдоль Луканнонской отмели.

На этот раз он направился к западу, так как напал на след огромного стада палтусов, а ему нужно было съесть, по крайней мере, сто фунтов рыбы в день, чтобы сохранять полную силу. Котик преследовал палтусов, пока не устал, потом свернулся и заснул во впадине близ холма на Медном острове. Он отлично знал берег, поэтому, когда около полуночи почувствовал, что его постель из трав слегка колыхается, мысленно сказал:

– Гм, сегодня сильный прилив.

Повернувшись под водой, он открыл глаза, потянулся и, заметив какие-то огромные фигуры, которые шарили носами в мелкой воде и щипали тяжелые бахромы водорослей, подскочил по-кошачьи.

– Клянусь волнами Магелланова пролива, – прошептал он себе в усы. – Кто же это?

Странные животные не походили ни на моржей, ни на морских львов, ни на котиков, ни на медведей, ни на китов, ни на рыб, ни на каракатиц, ни на раковины гребенки, словом, ни на одно создание, которое когда-либо видал Котик. Они имели от двадцати до тридцати футов длины, были без задних лап, с одними лопатообразными хвостами, как бы выдавленными из влажной кожи, а их невероятно нелепые головы поразили бы вас своим видом. Вот они перестали есть, поднялись почти вертикально, закачались, важно кланяясь друг другу и помахивая своими лапами, как толстый человек помахивает своими руками.

– Эхем, – сказал Котик. – Хорошая охота?

Большие животные ответили ему поклонами и помахали своими лапами; потом начали снова есть, и Котик заметил, что у каждого из них верхняя губа была разделена на две части, странное существо могло вытягивать обе ее половины врозь, приблизительно на фут; потом оно сближало эти лопасти, и в разрезе между ними оказывался целый пук морской травы. Забрав пищу в рот, чудовище принималось торжественно жевать ее.

– Странный способ питания, – сказал Котик. Они снова поклонились ему, и Котик начал терять терпение.

– Очень хорошо, – продолжал он. – Если у вас в передних лапах имеется лишний сустав, вам незачем все время показывать его. Я вижу – вы кланяетесь очень грациозно, но мне хотелось бы знать, как вас зовут.

Расщепленные губы зашевелились, искривились; водянистые зеленые глаза уставились на Котика, но ответа не последовало.

– Ну, – сказал Котик, – однако, вы безобразнее Морского Волшебника и обладаете еще худшими манерами!

В эту минуту в нем вспыхнуло воспоминание о том, что прокричал ему большой поморник, когда он, тогда еще юный одногодка, был подле острова моржей. Вспомнив же об этом, Котик ушел под воду: он понял, что наконец встретил морскую корову.

Морские коровы продолжали барахтаться, пастись в травах и жевать их, а Котик принялся задавать им вопросы на всех наречиях, которым научился во время своих странствий.

У Морского Народа их не меньше, чем у людей; однако ни одна морская корова не ответила; дело в том, что морские коровы не в состоянии говорить, у них в шее всего шесть позвонков вместо семи, и морские жители уверяют, что это мешает им разговаривать даже между собой. Зато, как нам известно, в передних лапах у них есть по лишнему суставу и, размахивая ими то вверх, то вниз, то в стороны, они делают знаки, которые служат им чем-то вроде неуклюжего телеграфного кода.

К рассвету грива Котика ощетичилась, а его терпение отправилось туда, куда уходят мертвые крабы. В это время морские коровы медленно двинулись к северу; время от времени они останавливались для нелепых совещаний, с вечными поклонами; Котик плыл вслед за ними, говоря себе: такие глупые существа давным-давно были бы перебиты, если бы они не нашли какого-нибудь безопасного острова; а то, что достаточно хорошо для морской коровы, хорошо и для котика. Но все-таки я хотел бы, чтобы они поторопились.

Скучное это было время для Котика. Стадо никогда не делало больше сорока или пятидесяти миль в день; на ночь морские коровы останавливались для еды, во время пути держались близ берега; Котик плавал вокруг них, пронесся над ними, нырял под ними, однако не мог ускорить их хода, хотя бы немного. Когда коровы сильно продвинулись к северу, они принялись устраивать совещания через каждые несколько часов, при этом по-прежнему раскланиваясь, и Котик чуть не обкусал все свои усы от досады; наконец он заметил, что морские коровы двигаются по теплomu течению, и с этих пор начал уважать их.

Раз ночью они погрузились в светлую воду, – утонули как камни, – и в первый раз с тех пор, как Котик узнал их, поплыли быстро. Он пустился вслед за ними, и их скорость изумила его: он никак не думал, чтобы эти неуклюжие животные могли двигаться с такой ловкостью. Вот они направились к прибрежному утесу, который уходил в глубокую воду, и вошли в темное отверстие близ его подножия на двадцать сажень ниже поверхности моря. Долго-долго плыли они по этому темному коридору, и Котику захотелось вдохнуть свежий воздух раньше, чем он вышел из туннеля, через который его вели странные существа.

– Гривка моя! – произнес Котик, когда он, хватая ртом воздух и отдуваясь, очутился по ту сторону подземного хода. – Долго пришлось мне пробыть под водой, но стоило!

Морские коровы рассеялись и лениво пощипывали травы по краям самого прекрасного берега, который когда-либо видел Котик. На целые мили тянулись мягко обточенные водой камни, годные для котиковых «детских»; дальше поднимался отлогий песчаный берег, удобный для игр молодежи; были здесь и прибрежные камни, где холостяки могли танцевать, трава, в которой они могли валяться, и песчаные дюны для лазания по ним вверх и вниз. Но самое лучшее, по запаху воды, который не обманывает котика, Котик понял, что в этом месте никогда не бывали люди.

Прежде всего он удостоверился, что рыбы много; потом проплыл вдоль берега и сосчитал восхитительные низкие песчаные острова, полуприкрытые прекрасным клубящимся туманом.

К северу в море выходил ряд мелей, перекаатов и скал, которые не подпустили бы ни одно судно к берегу ближе, чем на шесть миль; между островами и материком тянулась полоса глубокой воды, подходившей к отвесным утесам, и где-то там, под этими скалами, скрывалось отверстие туннеля.

– Это тот же Северо-Восточный Мыс, только в десять раз лучший, – сказал Котик. – Морские коровы, должно быть, умнее, чем я предполагал. Даже в том случае, если поблизости живут люди, они не сумеют спуститься с обрывистых утесов; со стороны же открытого моря мели разобьют в щепки любое судно. Если только где-нибудь есть безопасное место – оно именно здесь.

Котик вспомнил об ожидавшей его юной невесте, однако как ни хотелось ему поскорее вернуться к родным берегам, он внимательно исследовал новую страну, чтобы ответить на все вопросы своего племени.

Потом Котик нырнул, твердо запомнил, где находится вход в туннель, и пронесся через него к югу. Никто, кроме морской коровы или котика, не мог бы представить себе существование такого коридора, и даже Котик, оглянувшись на утесы, с трудом поверил, что он прошел под ними.

Он плыл быстро, тем не менее на возвращение домой затратил шесть дней; когда же выполз на землю повыше перешейка Морского Льва, прежде всего увидел ожидавшую его невесту. По взгляду его глаз она поняла, что он наконец отыскал желанный остров.

Однако холостяки, Морской Ловец и все другие котики стали над ним насмехаться, когда он рассказал им о месте, которое нашел; один из его ровесников заметил:

– Все это прекрасно, Котик, но, явившись неизвестно откуда, ты не можешь приказывать нам уйти отсюда. Вспомни, мы боролись из-за наших лежек, а ты нет. Ты предпочел шататься по морям.

Остальные засмеялись; молодой же ровесник Котика принялся ворочать головой из стороны в сторону. Он только что женился в этом году и очень важничал.

– Мне нечего бороться из-за лежки, – ответил Котик. – Я хочу только показать вам всем совершенно безопасное место. Зачем драться?

– О, если ты отказываешься, мне, конечно, не о чем больше говорить, – недобро посмеиваясь, сказал молодой котик.

– А ты пойдешь со мной, если я останусь победителем? – спросил Котик, и в его глазах загорелся зеленый огонь; ему совсем не хотелось драться, но вызов рассердил его.

– Отлично, – беспечно ответил молодой котик. – Если ты победишь, я пойду за тобой.

Он не успел переменить намерения, голова Котика вытянулась, и его зубы впились в шею насмешника. Потом Котик присел на задние лапы, потащил своего противника по берегу, потряс его, перевернул на спину и прогремел, обращаясь к остальным:

– Эти пять лет я старался ради вас, нашел для вас остров, где вы будете жить в безопасности, но если не сорвешь голов с ваших глупых шей, вы не поверите. Теперь я поучу вас. Берегитесь!

Лиммершин сказал мне, что никогда в жизни (а Лиммершин ежегодно видит бои десяти тысяч крупных котиков), что никогда в жизни он не наблюдал ни за чем подобным нападению Котика, который кинулся на самого крупного из котиков, схватил его за горло, тряс, колотил, бросал, пока тот не стал похрюкивать, прося пощады; он отшвырнул его и бросился на следующего. Видите ли: Котик никогда не голодал в течение четырех месяцев, как это делают остальные его родичи, а плавание по глубокому морю развило его силы; главное же, до сих пор он никогда не дрался. Его белая грива вздыбилась от гнева, его глаза так и горели, а острые зубы поблескивали. Он был прекрасен.

Старый Морской Ловец видел, как он мелькал мимо него, таская за собой седеющих крупных котиков, точно это были палтусы, и во все стороны разбрасывал холостяков. Морской Ловец заревел и воскликнул:

– Может быть, Котик безумец, но на берегу нет бойца лучше него! Не нападай на меня, сынок, твой отец с тобой заодно!

Пронесся ответный рев Котика, и Морской Ловец запрыгал, подняв усы и отдуваясь, как паровоз; Матка же и невеста Котика свернулись, с восхищением наблюдая за своими бойцами. Происходила блестящая битва, Ловец и Котик боролись, пока оставался хоть один котик, решавшийся поднимать голову. Когда все было кончено, они с громким ревом стали двигаться взад и вперед по берегу.

Ночью, как раз в то время, когда северное сияние, вспыхивая, замигало среди тумана, Котик поднялся на обнаженный утес и посмотрел на разгромленные «детские» и на окровавленных, израненных котиков.

– Теперь, – сказал он, – я дал вам всем урок.

– О, моя грива! – заметил его отец с трудом выпрямляясь, потому что он был страшно истощен. – Сам дельфин-касатка не мог бы хуже искромсать их. Я горжусь тобой, сынок: больше того, я отправляюсь с тобой к твоему острову, если такое место существует.

– Эй вы, толстые морские свиньи, кто идет со мной к туннелю морской коровы? Ответьте, не то я опять примусь учить вас! – прогремел Котик.

Вдоль берега пробежал ропот, напоминающий плеск прилива.

– Мы идем, – сказали тысячи усталых голосов. – Мы пойдем вслед за Котиком, вслед за Белым Котиком!

А Котик втянул голову в плечи и с гордостью закрыл глаза. Он уже не был белым; с головы до хвоста он окрасился в красный цвет. Тем не менее, ему не хотелось ни визжать, ни взглянуть на свои раны, нилизывать их.

Через неделю Котик и его армия (около десяти тысяч холостяков и старых секачей) двинулись на север к туннелю морской коровы. Их вел Котик. Оставшиеся же на старом месте называли уплывших идиотами. Но на следующую весну, когда котики снова встретились на рыболовных отмелях Тихого океана, товарищи Котика порассказали упрямым таким чудес о новых берегах за туннелем морской коровы, что большое число котиков покинуло берег Северо-Восточного Мыса.

Понятно, переселение совершалось постепенно: котику нужно долго обдумывать что бы то ни было, но год от года все большие и большие стада покидали Северо-Восточный Мыс, Луканнон и другие жилища ради спокойных, защищенных берегов, где Котик проводит каждое лето, становясь год от года крупнее, жирнее и сильнее, а холостяки играют вокруг него в море, недоступном для человека.

Рикки-Тикки-Тави

Это рассказ о великой войне, которую Рикки-Тикки-Тави вел в одиночку в ванной комнате просторного бунгало в Сеговлийском военном поселении. Дарси, птица портной, помогал ему, Чучундра, мускусная крыса, которая никогда не выходит на середину комнаты и всегда крадется по стенам, дала ему совет; тем не менее по-настоящему сражался один Рикки-Тикки.

Он был мангуст, мехом и хвостом он походил на кошечку, но его голова и нрав напоминали ласку. Его глаза и кончик беспокойного носа были розовые; любой лапкой, передней или задней, он мог почесывать себя везде, где угодно; мог распушить свой хвост, делая его похожим на щетку для ламповых стекол, а когда он несся через высокую траву, его боевой клич был: рикк-тикк-тикки-тикки-тчк.

Однажды в середине лета ливень вымыл его из норы, в которой он жил со своими отцом и матерью, и унес барахтающегося и цокающего зверька в придорожную канаву. Рикки-Тикки увидел там плывущий комок травы, изо всех сил ухватился за него и наконец потерял сознание. Когда зверек очнулся, он, сильно промокший, лежал на середине садовой дорожки под знойными лучами солнца; над ним стоял маленький мальчик и говорил:

– Вот мертвый мангуст. Устроим ему похороны.

– Нет, – ответила мать мальчика. – Унесем зверька к нам домой и обсушим его. Может быть, он еще жив.

Они внесли его в дом; очень высокий человек взял Рикки-Тикки двумя пальцами и сказал, что зверек не умер, а только почти задохнулся; Рикки-Тикки завернули в вату и согрели; он открыл глаза и чихнул.

– Теперь, – сказал высокий человек (это был англичанин, который только что поселился в бунгало), – не пугайте его и посмотрим, что он станет делать.

Труднее всего в мире испугать мангуста, потому что этого зверька, от его носика до хвоста, поедает любопытство. Девиз каждой семьи мангустов «Беги и узнай», а Рикки-Тикки был истинным мангустом. Он посмотрел на вату, решил, что она не годится для еды, обежал вокруг стола, сел и привел в порядок свою шерстку, почесался и вскочил на плечо мальчика.

Рикки-Тикки-Тави и Нагайна.

Художники – Мариус и Эдвард Детмольд. 1912 г.

«Нет на свете ничего труднее, как испугать мангуста, потому что он от носа до хвоста весь горит любопытством. “Беги Разузнай и Разнюхай” – начертано на семейном гербе у мангустов, а Рикки-Тикки был чистокровный мангуст»

(Р. Киплинг)

– Не бойся, Тедди, – сказал мальчику отец. – Так он знакомится с тобой.

– Ох, щекотно; он забрался под подбородок.

Рикки-Тикки заглянул в пространство между воротником Тедди и его шеей, понюхал его ухо, наконец, сполз на пол, сел и почесал себе нос.

– Боже милостивый, – сказала мать Тедди, – и это дикое создание! Я думаю, он такой ручной, потому что мы были добры к нему.

– Все мангусты такие, – ответил ей муж. – Если Тедди не станет дергать его за хвост, не посадит в клетку, он будет целый день то выбегать из дому, то возвращаться. Покормим его чем-нибудь.

Зверьку дали кусочек сырого мяса. Оно понравилось Рикки-Тикки; поев, мангуст выбежал на веранду, сел на солнце и поднял свою шерсть, чтобы высушить ее до самых корней. И почувствовал себя лучше.

– В этом доме я скоро узнаю гораздо больше, – сказал он себе, – чем все мои родные могли бы узнать за целую жизнь. Конечно, я останусь здесь и все рассмотрю.

Он целый день бегал по дому; чуть не утонул в ванной; засунул носик в чернильницу на письменном столе; обжег его о конец сигары англичанина, когда взобрался на его колени, чтобы посмотреть, как люди едят. Когда наступил вечер, мангуст забежал в детскую Тедди, чтобы видеть, как зажигают керосиновые лампы; когда же Тедди лег в постель, Рикки-Тикки влез за ним и оказался беспокойным товарищем: он ежеминутно вскакивал, прислушивался к каждому шороху и отправлялся узнать, в чем дело. Отец и мать Тедди пришли в детскую посмотреть на своего мальчика; Рикки-Тикки не спал; он сидел на подушке.

– Это мне не нравится, – сказала мать мальчика, – он может укусить Тедди.

– Мангуст не сделает ничего подобного, – возразил ее муж. – Близ этого маленького зверька Тедди в большей безопасности, чем был бы под охраной негрской собаки. Если бы в детскую теперь заползла змея...

Но мать Тедди не хотела и думать о таких ужасных вещах.

Рано утром Рикки-Тикки явился на веранду к первому завтраку, сидя на плече Тедди. Ему дали банан и кусочек вареного яйца. Он посидел поочередно на коленях у каждого, потому что всякий хорошо воспитанный мангуст надеется, со временем, сделаться домашним животным и бегать по всем комнатам; а мать Рикки-Тикки (она жила в доме генерала в Сеговли) старательно объяснила ему, как он должен поступать при встрече с белыми.

После завтрака Рикки-Тикки вышел в сад, чтобы хорошенько осмотреть его. Это был большой, только наполовину возделанный сад, с кустами роз Маршалль Ниель такой высоты, какой они достигают только в оранжереях, с лимонными и апельсиновыми деревьями, с зарослями бамбука и чащами густой, высокой травы. Рикки-Тикки облизнул губы.

– Какой превосходный участок для охоты, – сказал он; от удовольствия его хвост распушился, как щетка для ламповых стекол, и он стал шнырять взад и вперед по саду, нюхая там и сям, и, наконец, среди ветвей терновника услышал очень печальные голоса.

Там сидели Дарси, птица-портной, и его жена. Соединив два листа и сшив их краешки листовыми фибрами, они наполнили пустое пространство между ними ватой и пухом, таким образом устроив прекрасное гнездо. Гнездо покачивалось; птицы сидели на его краю и плакали.

– В чем дело? – спросил Рикки-Тикки.

– Мы очень несчастны, – сказал Дарси. – Один из наших птенцов вчера выпал из гнезда, и Наг съел его.

– Гм, – сказал Рикки-Тикки, – это очень печально, но я здесь недавно. Кто это Наг?

Дарси и его жена вместо ответа притаились в своем гнезде, потому что из-под куста донеслось тихое шипение – ужасный холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить на два фута назад. И вот из травы, дюйм за дюймом, показалась голова, а потом и раздутая шея Нага, большой черной кобры, имевшей пять футов длины от языка до хвоста. Когда Наг поднял треть своего тела, он остановился, покачиваясь взад и вперед, точно колеблемый ветром куст одуванчиков, и посмотрел на Рикки-Тикки злыми змеиными глазами, никогда не изменяющими выражения, о чем бы ни думала змея.

– Кто Наг? – сказал он. – Я – Наг! Великий бог Брама наложил на весь наш род свой знак, когда первая кобра раздула свою шею, чтобы охранять сон божества. Смотри и бойся!

Наг еще больше раздул свою шею, и Рикки-Тикки увидел на ней знак, который так походил на очки и их оправу. На минуту он испугался; но мангуст не может бояться долго; кроме того, хотя Рикки-Тикки никогда не видел живой кобры, его мать приносила ему для еды кобр мертвых, и он отлично знал, что жизненная задача взрослого мангуста – сражаться со змеями и поедать их. Наг тоже знал это, и в глубине его холодного сердца шевелился страх.

– Хорошо, – сказал Рикки-Тикки, и шерсть его хвоста начала подниматься, – все равно: есть на тебе знаки или нет, ты не имеешь права есть птенчиков, выпавших из гнезда.

Наг думал; в то же время он наблюдал за легким движением в траве позади Рикки-Тикки. Он знал, что раз в саду поселятся мангусты, это, рано или поздно, повлечет за собой его смерть и гибель его семьи, и ему хотелось заставить Рикки-Тикки успокоиться. Поэтому он немного опустил голову и наклонил ее на одну сторону.

– Поговорим, – сказал Наг, – ты же ешь яйца. Почему бы мне не есть птиц?

– Позади тебя! Оглянись! – пропел Дарси.

Рикки-Тикки не хотел тратить времени, смотря по сторонам. Он подскочил как можно выше, и как раз под ним со свистом промелькнула голова Нагайны, злой жены Нага. Пока он разговаривал с Нагом, вторая кобра подкрадывалась к нему сзади, чтобы покончить с ним; теперь, когда ее удар пропал даром, Рикки-Тикки услышал злобное шипение. Он опустился на лапки почти поперек спины Нагайны и, будь Рикки-Тикки старым мангустом, он понял бы, что ему следует, куснув ее один раз, сломать ей спину; но он боялся страшного поворота головы кобры. Конечно, Рикки кусал змею, но недостаточно сильно, недостаточно долго и отскочил от ее хлеставшего хвоста, бросив раненую и рассерженную Нагайну.

– Злой, злой Дарси, – сказал Наг, поднимаясь насколько мог по направлению к гнезду на кусте терновника; но Дарси так устроил свое жилище, что оно было недоступно для змей и только слегка покачивалось.

Глаза Рикки-Тикки покраснели, и к ним прилила кровь; (когда глаза мангуста краснеют, это значит, что он сердится); зверек сел на свой хвост и задние лапки, как маленький кенгуру, огляделся кругом и зацокал от бешенства. Наг и Нагайна исчезли в траве. Если змее не удастся нападение, она ничего не говорит и ничем не показывает, что собирается сделать дальше. Рикки-Тикки не стал отыскивать кобр; он не был уверен, удастся ли ему справиться сразу с двумя змеями. Поэтому мангуст пробежал на усыпанную дорожку подле дома, сел и стал думать. Ему предстояло важное дело.

В старинных книгах по естественной истории вы прочитаете, что укушенный змеей мангуст прекращает борьбу, отбегает подальше и съедает какую-то травку, которая исцеляет его. Это неправда. Мангуст одерживает победу только благодаря быстроте своего взгляда и ног; удары змеи состязаются с прыжками мангуста, а так как никакое зрение не в силах уследить за движением головы нападающей змеи, победу зверька можно считать удивительнее всяких волшебных трав. Рикки-Тикки знал, что он молодой мангуст, а потому тем сильнее радовался при мысли о своем спасении от удара, направленного сзади. Все случившееся внушило ему самоуверенность, и когда на дорожке показался бегущий Тедди, Рикки-Тикки был не прочь, чтобы он его приласкал.

Как раз в ту секунду, когда Тедди наклонился к нему, что-то слегка зашевелилось в пыли, и тонкий голос сказал:

– Осторожнее. Я – смерть!

Это была карэт, коричневатая змейка, которая любит лежать в пыли. Ее укус так же опасен, как укус кобры. Но коричневая змейка так мала, что никто о ней не думает, и потому она приносит людям особенно много вреда.

Глаза Рикки-Тикки снова покраснели, и он подскочил к карэт тем особенным покачивающимся движением, которое унаследовал от своих родичей. Это смешная походка, но благодаря ей зверек остается в таком совершенном равновесии, что может кинуться на врага под каким ему угодно углом, а когда дело идет о змеях, – это великое преимущество. Рикки-Тикки не знал, что он решился на более опасную вещь, чем бой с Нагом! Ведь карэт так мала и может поворачиваться так быстро, что если бы Рикки-Тикки не схватил ее подле затылка, она опрокинулась бы и укусила его в глаз или губу. Но Рикки этого не знал; его глаза горели, и он прыгал взад и вперед, отыскивая, где бы лучше захватить карэт. Карэт кинулась. Рикки прыгнул в сторону на всех четырех лапках и попытался кинуться на нее, но маленькая злобная пыльно-

серая голова промелькнула близ самого его плеча; ему пришлось перескочить через тело змеи; ее голова направилась за ним и почти коснулась его.

Тедди повернулся к дому и закричал:

– О, смотрите! Наш мангуст убивает змею!

Почти тотчас же Рикки услышал испуганное восклицание матери Тедди; отец мальчика выбежал в сад с палкой, но к тому времени, когда он подошел к месту боя, карэт слишком вытянулась, Рикки-Тикки сделал прыжок, вскочил на спину змеи и, прижав ее голову своими передними лапами, укусил в спину, как можно ближе к голове, потом отскочил в сторону. Его укус парализовал карэт. Рикки-Тикки уже собирался приняться есть змею, по обычаю своего семейства, начиная с хвоста, как вдруг вспомнил, что сытый мангуст неповоротлив и, что если он желает быть сильным, ловким и проворным, ему необходимо остаться голодным.

Он отошел, чтобы выкупаться в пыли под кустами клещевины. В это время отец Тедди колотил палкой мертвую карэт.

«Зачем? – подумал Рикки-Тикки. – Я же покончил с ней!»

Мать Тедди подняла мангуста из пыли и приласкала его, говоря, что он спас от смерти ее сына; отец Тедди заметил, что мангуст – их счастье, а сам Тедди смотрел на всех широко открытыми испуганными глазами. Эта суэта забавляла Рикки-Тикки, который, понятно, не понимал ее причины. Мать Тедди могла бы с таким же успехом ласкать Тедди за то, что он играл в пыли. Но Рикки-Тикки было весело.

В этот вечер за обедом мангуст расхаживал взад и вперед по столу и мог бы три раза всласть наестся всяких вкусных вещей, но он помнил о Наге и Нагайне, и, хотя ему было очень приятно, когда мать Тедди гладила и ласкала его, хотя ему нравилось сидеть на плече самого Тедди, время от времени, его глазки вспыхивали красным огнем и раздавался его продолжительный боевой крик: Рикк-тикк-тикки-тикки-тчк!

Тедди отнес его к себе в постель и хотел непременно уложить его под своим подбородком. Рикки-Тикки был слишком хорошо воспитан, чтобы укусить или оцарапать мальчика, но едва Тедди заснул, мангуст соскочил на пол, отправился осматривать дом и в темноте натолкнулся на Чучундру, мускусную крысу, которая кралась по стене. Чучундра – маленький зверек с разбитым сердцем. Целую ночь она хныкает и пищит, стараясь заставить себя выбежать на середину комнаты, но никогда не решается на это.

– Не убивай меня, – чуть не плача, попросила Чучундра – Не убивай меня, Рикки-Тикки!

– Разве ты думаешь, что победитель змей убивает мускусных крыс? – презрительно сказал Рикки-Тикки.

– Тот, кто убивает змей, бывает убит змеями, – еще печальнее произнесла Чучундра. – И разве я могу быть уверена, что когда-нибудь в темную ночь Наг не примет меня за тебя?

– Этого нечего бояться, – сказал Рикки-Тикки, – кроме того, Наг в саду, а ты, я знаю, не выходишь туда.

– Моя родственница Чуа, крыса, сказала мне... – начала Чучундра и замолчала

– Что сказала?

– Тсс! Наг повсюду, Рикки-Тикки. Тебе следовало бы поговорить в саду с крысой Чуа.

– Я не говорил с ней, значит, ты должна сказать мне все. Скорее, Чучундра, не то я тебя укушу!

Чучундра села и заплакала; слезы покатались по ее усам.

– Я несчастна, – прорыдала она – У меня нет мужества выбежать на середину комнаты. Тсс! Я не должна ничего тебе говорить. Разве ты сам не слышишь, Рикки-Тикки?

Рикки-Тикки прислушался. В доме было тихо-тихо, однако ему казалось, что он может уловить невероятно слабый «скрип-скрип» – звук не сильнее скрипа лап осы, бродящей по оконному стеклу, – сухой скрип змеиной чешуи по кирпичам.

– Это Наг или Нагайна, – мысленно сказал себе Рикки-Тикки, – и змея ползет в сточный желоб ванной комнаты. Ты права, Чучундра, мне следовало поговорить с крысой Чуа.

Он тихо вошел в ванную комнату Тедди; там не было ничего; потом заглянул в ванную комнату матери мальчика. Здесь в гладкой оштукатуренной стене, внизу, был вынут кирпич для стока воды, и когда Рикки-Тикки крался мимо ванны, вмазанной в пол, он услышал, что за стеной, снаружи, Наг и Нагайна шепчутся при свете месяца.

– Когда дом опустеет, – сказала мужу Нагайна, – ему придется уйти, и тогда мы снова всецело завладеем садом. Тихонько вползи и помни: прежде всего нужно укусить большого человека, который убил карэт. Потом вернись, расскажи мне все, и мы вместе поохотимся на Рикки-Тикки.

– А уверена ли ты, что мы достигнем чего-нибудь, убив людей? – спросил Наг.

– Всего достигнем. Разве в саду были мангусты, когда никто не жил в бунгало? Пока дом пуст, мы в саду король и королева; и помни, едва на грядке с дынями лопнут яйца (а это может случиться завтра), нашим детям понадобится спокойствие и простор.

– Я не подумал об этом, – сказал Наг. – Я вползу, но нам незачем преследовать Рикки-Тикки. Я убью большого человека, его жену и ребенка, если это будет возможно, и вернусь. Бунгало опустеет, и Рикки-Тикки уйдет сам.

Рикки-Тикки весь дрожал от ярости и ненависти, но вот из желоба показалась голова Нага, а потом и пять футов его холодного тела. Как ни был рассержен Рикки-Тикки, но увидав размер громадной кобры, он почувствовал страх. Наг свернулся, поднял свою голову и посмотрел в темную ванную комнату; Рикки заметил, что его глаза блестят.

– Если я убью его здесь, это узнает Нагайна, кроме того, если я буду биться с ним посреди пола, вся выгода окажется на его стороне. Что мне делать? – подумал Рикки-Тикки-Тави.

Наг извивался в разные стороны, и скоро мангуст услышал, что он пьет из самого большого водяного кувшина, которым обыкновенно наполняли ванну.

– Вот что, – сказал Наг, – большой человек убил карэт палкой. Может быть, эта палка все еще у него, но утром он придет купаться без нее. Я дождусь его здесь. Нагайна, ты слышишь? Я до утра буду ждать здесь, в холодке.

Снаружи не послышалось ответа, и Рикки-Тикки понял, что Нагайна уползла. Наг принялся укладываться в большой кувшин, обвивая кольцами своего тела выпуклость на его дне, а Рикки-Тикки сидел тихо, как смерть. Прошел час; мангуст медленно, напрягая одну мышцу за другой, двинулся к кувшину. Наг спал, и глядя на его широкую спину, Рикки спрашивал себя, в каком месте лучше всего схватить кобру зубами. «Если при первом же прыжке я не переломлю ему хребта, – подумал Рикки, – он будет биться, а борьба с Нагом... О Рикки!»

Он измерил взглядом толщину змеиной шеи, но она была слишком широка для него; укусив же кобру подле хвоста, он только привел бы ее в бешенство.

– Лучше всего вцепиться в голову, – мысленно сказал он себе наконец, – в голову повыше капюшона; впустив же в Нага зубы, я не должен разжимать их.

Он прыгнул. Голова змеи слегка выдавалась из водяного кувшина и лежала ниже его горлышка. Как только зубы Рикки сомкнулись, мангуст уперся спиной о выпуклость красного глиняного кувшина, чтобы удержать голову змеи. Это дало ему секунду выгоды, и он хорошо воспользовался ею. Но Наг тотчас же принялся трясти его, как собака трясет крысу; таскал его взад и вперед по полу, вскидывал, опускал, размахивал им, но глаза мангуста горели красным огнем и он не разжимал своих зубов. Змея волочила его по полу; жестяной ковшик, мыльница, тельная щетка – все разлетелось в разные стороны. Рикки ударился о цинковую стенку ванны и сильнее сжимал свои челюсти. Рикки ради чести своей семьи желал, чтобы его нашли с сомкнутыми зубами. Голова у него кружилась. Вдруг раздалось что-то вроде громового удара; ему представилось, будто он разлетается на куски; горячий воздух обдал его, и он лишился чувств; красный огонь опалил его шерстку. Шум разбудил большого человека, и он выстрелил

из обоих стволов своего ружья в голову Нага, выше расширения шеи кобры. Рикки-Тикки не открывал глаз; он был вполне уверен, что его убили; но змеиная голова не двигалась и, подняв зверька, англичанин сказал:

– Это опять мангуст, Элис; малыш спас теперь наши жизни.

Пришла мать Тедди совсем бледная, посмотрела и увидела то, что осталось от Нага. Между тем Рикки-Тикки проковылял в спальню Тедди и половину оставшейся ночи тихонько обследовал себя, чтобы узнать, действительно ли, как ему казалось, его кости переломаны в сорока местах.

Утром он почувствовал утомление во всем теле, но был очень доволен тем, что ему удалось совершить.

– Теперь мне следует разделаться с Нагайной, хотя она будет опаснее пяти Нагов; кроме того, никто не знает, когда лопнут яйца, о которых она упоминала. Да, да, я должен поговорить с Дарси, – сказал себе мангуст.

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки побежал к терновому кусту, где Дарси во весь голос распевал торжествующую песню. Известие о смерти Нага разошлось по саду, потому что уборщик бросил его тело на кучу мусора.

– Ах ты, глупый пучок перьев! – сердито сказал Рикки-Тикки. – Время ли теперь петь?

– Наг умер, умер, умер! – пел Дарси. – Храбрый Рикки-Тикки схватил его за голову и крепко сжал ее. Большой человек принес гремучую палку, и Наг распался на две части. Никогда больше не будет он поедать моих птенцов.

– Все это верно, но где Нагайна? – внимательно осматриваясь, спросил Рикки-Тикки.

– Нагайна приблизилась к отводному желобу ванной комнаты и позвала Нага, – продолжал Дарси. – И Наг показался на конце палки; уборщик проколол его концом палки и бросил на мусорную кучу. Воспоем же великого, красноглазого Рикки-Тикки!

Горлышко Дарси надулось, и он продолжал петь.

– Если бы только я мог добраться до твоего гнезда, я вышвырнул бы оттуда всех твоих детей, – сказал Рикки-Тикки. – Ты не умеешь ничего делать в свое время. В твоём гнезде тебе не грозит опасность, но здесь, внизу, у меня идет война. погоди петь минуту, Дарси.

– Ради великого, ради прекрасного Рикки-Тикки я замолчу, – сказал Дарси. – Что тебе угодно, о победитель страшного Нага?

– Где Нагайна, в третий раз спрашиваю тебя?

– На мусорной груде, подле конюшни; она оплакивает Нага! Великий Рикки-Тикки с белыми зубами!

– Брось ты мои белые зубы. Слышал ли ты, где ее яйца?

– На ближайшем к ограде конце дынной гряды; там, куда почти целый день светит солнце. Несколько недель тому назад она зарыла их в этом месте.

– А ты не подумал сказать мне о них? Так, значит, подле стены?

– Но ты же не съешь ее яйца, Рикки-Тикки?

– Не могу сказать, чтобы я собирался именно съесть их, нет. Дарси, если у тебя есть хоть капля ума в голове, лети к конюшне, притворись, будто у тебя сломано крыло, и пусть Нагайна гонится за тобой вплоть до этого куста. Я должен пройти к дынной гряде, но если я побегу туда теперь, она заметит меня.

Дарси был маленьким созданием с птичьим мозгом, в котором никогда не помещается больше одной мысли сразу; только потому, что дети Нагайны рождались в яйцах, как его собственные, ему показалось, что убивать их нечестно. Зато его жена была благоразумной птичкой и знала, что яйца кобры предвещают появление молодых кобр. Итак, она вылетела из гнезда, предоставив Дарси согреть птенцов и продолжать воспевать смерть Нага. В некоторых отношениях Дарси очень напоминал человека.

Птичка стала перепархивать перед Нагайной подле кучи мусора, крича:

– Ах, мое крыло сломано! Мальчик из дома бросил в меня камнем и перебил его. – И она запорхала еще отчаяннее прежнего. Нагайна подняла голову и прошипела:

– Ты предупредила Рикки-Тикки, когда я могла убить его. Поистине ты выбрала дурное место ковылять. – И, скользя по слою пыли, кобра двинулась к жене Дарси.

– Мальчик камнем перебил мое крыло! – выкрикнула птица Дарси.

– Ну, может быть, для тебя послужит утешением, если я скажу, что когда ты умрешь, я сведу счеты с этим мальчиком. Теперь утро, и мой муж лежит на груде мусора, а раньше, чем наступит ночь, мальчик будет неподвижно лежать в доме. Зачем ты убегаешь? Я все равно тебя поймаю. Дурочка, посмотри на меня.

Но жена Дарси отлично знала, что «этого» делать не нужно, потому что, взглянув в глаза змеи, птица так пугается, что теряет способность двигаться. С грустным писком жена Дарси продолжала трепетать крыльями и убежать, не поднимаясь от земли. Нагайна поползла быстрее.

Рикки-Тикки услышал, что они двигаются по дорожке от конюшни и помчался к ближайшему от ограды концу дынной гряды. Там, на горячем удобрении и очень хитро скрытые между дынями, лежали змеиные яйца, всего двадцать пять штук, размером вроде яиц бентамов (порода кур), но с беловатой кожистой оболочкой, а не в скорлупе.

– Я не пришел раньше времени, – подумал Рикки. Сквозь кожистую оболочку он взглядел внутри яиц свернувшихся детенышей кобры, а ему было известно, что каждый, едва вылупившийся змееныш может убить человека или мангуста. Он как можно быстрее надкусил верхушки яиц, не забыв старательно раздавить маленьких кобр. Время от времени мангуст смотрел, не пропустил ли он хоть одного яйца. Вот осталось только три, и Рикки-Тикки стал уже посмеиваться про себя, как вдруг до него долетел крик жены Дарси!

– Рикки-Тикки, я увела Нагайну к дому, она вползла на веранду... О, скорее, она хочет убивать!

Рикки-Тикки раздавил два яйца, скатился с гряды и, захватив третье в рот, побежал к веранде, очень быстро перебирая ногами. Там за ранним завтраком сидели Тедди, его отец и мать, но Рикки-Тикки сразу увидел, что они ничего не едят. Они не двигались, как каменные, и их лица побелели. На циновке, подле стула Тедди, лежала свернувшаяся Нагайна, и ее голова была на таком расстоянии, что она ежеминутно могла укусить голую ножку мальчика. Кобра покачивалась взад и вперед и пела торжествующую песню.

– Сын большого человека, убившего Нага, – шипела она, – не двигайся! Я еще не готова. Погоди немножко. Не двигайтесь все вы трое. Если вы пошевелитесь, я укушу; если вы не пошевелитесь, я тоже укушу. О, глупые люди, которые убили моего Нага!

Тедди не спускал глаз с отца, а его отец мог только шептать:

– Сиди неподвижно, Тедди. Ты не должен шевелиться. Тедди, не шевелись!

Рикки-Тикки поднялся на веранду:

– Повернись, Нагайна, повернись и начни бой.

– Все в свое время, – ответила кобра, не спуская глаз с Тедди. – Я скоро сведу мои счеты с тобой. Смотри на своих друзей, Рикки-Тикки. Они не двигаются; они совсем белые; они боятся. Пошевелиться люди не смеют, и если ты сделаешь еще один шаг, я укушу.

– Посмотри на твои яйца, – сказал Рикки-Тикки, – там на дынной гряде, подле ограды! Проползи туда и взгляни на них, Нагайна.

Большая змея сделала пол-оборота и увидела свое яйцо на веранде.

– Аа-х! Отдай мне его! – сказала она.

Рикки-Тикки положил яйцо между передними лапами; его глаза были красны, как кровь.

– Сколько дают за змеиное яйцо? За молодую кобру? За молодую королевскую кобру? За последнюю, за самую последнюю из всего выводка? Там, на дынной гряде, муравьи поедают остальных.

Нагайна повернулась совсем; она все забыла ради своего единственного яйца, и Рикки-Тикки увидел, что отец Тедди протянул свою большую руку, схватил Тедди за плечо, протащил его через маленький стол с чайными чашками, так что мальчик очутился в безопасности и вне досягаемости Нагайны.

– Обманута, обманута, обманута, рикки-тчк-тчк! – засмеялся Рикки-тикки. – Мальчик спасен, и это я, я, я ночью поймал Нага в ванной комнате. – И мангуст принялся прыгать на всех своих четырех лапах сразу, опустив голову к полу. – Наг кидал меня во все стороны, но не мог стряхнуть с себя. Он умер раньше, чем большой человек разбил его на две части. Я сделал это. Рикки-тикки, тчк-тчк! Иди же, Нагайна, скорее дерись со мной. Недолго будешь ты вдовой.

Нагайна поняла, что она потеряла удобный случай убить Тедди! К тому же ее яйцо лежало между лапками мангуста

– Отдай мне яйцо, Рикки-Тикки, отдай мне последнее из моих яиц, и я уйду отсюда и никогда не вернусь, – сказала она, и ее шея сузилась.

– Да, ты исчезнешь и никогда не вернешься, потому что отправишься на груды мусора, к Нагу. Дерись, вдова! Большой человек пошел за своим ружьем. Дерись!

Глазки Рикки-Тикки походили на раскаленные угли, и он прыгал кругом Нагайны, держась на таком расстоянии, чтобы она не могла укусить его. Нагайна сжалась и сделала прыжок вперед. Рикки-Тикки подскочил в воздух и отпрянул от нее; кобра кинулась снова, опять и опять. Ее голова каждый раз со стуком падала на маты веранды, и змея свертывалась, как часовая пружина. Наконец, Рикки-Тикки стал, прыгая, описывать круги, в надежде очутиться позади змеи, и Нагайна извивалась, стараясь держать свою голову против его головы, и шорох ее хвоста по циновке походил на шелест сухих листьев, которые гонит ветер.

Мангуст забыл о яйце. Оно все еще лежало на веранде, и Нагайна приближалась и приближалась к нему. И вот, в ту секунду, когда Рикки-Тикки приостановился, чтобы перевести дух, кобра схватила свое яйцо в рот, повернулась к лестнице, спустилась с веранды и, как стрела, полетела по дорожке; Рикки-Тикки помчался за ней. Когда кобра спасает свою жизнь, она двигается, как ремень бича, изгибами падающий на шею лошади.

Рикки-Тикки знал, что он должен поймать ее, так как в противном случае все начнется сызнова. Нагайна направлялась к высокой траве подле терновника и, мчась вслед за нею, Рикки-Тикки услышал, что Дарси все еще распевает свою глупую триумфальную песенку. Жена Дарси была умнее своего мужа. Когда Нагайна пронеслась мимо ее гнезда, она вылетела из него и захлопала крыльями над головой кобры. Если бы Дарси помог своей подруге и Рикки, они могли бы заставить ее повернуться, но теперь Нагайна только сузила шею и скользнула дальше.

Тем не менее короткая остановка дала возможность Рикки подбежать к ней ближе и, когда кобра опустилась в нору, составляющую их жилище с Нагом, его белые зубки схватили ее за хвост, и он вместе с ней спустился под землю, хотя очень немногие мангустаны, даже самые умные и старые, решаются бросаться за змеей в ее дом. В норе было темно, и Рикки-Тикки не знал, где подземный ход может расширяться и дать возможность Нагайне повернуться и укусить его. Он изо всех сил держался за ее хвост, расставляя свои маленькие ножки, чтобы они служили тормозом, упираясь в черный, горячий, влажный земляной откос.

Трава близ входа в нору перестала качаться, и Дарси заметил:

– Для Рикки-Тикки все окончено. Мы должны спеть песню в честь его смерти. Отважный Рикки-Тик-ки умер! Конечно, Нагайна убила его под землей.

И он запел очень печальную песню, которую сложил, вдохновленный данной минутой, но как раз когда певец дошел до самой ее трогательной части, трава снова зашевелилась и показался весь покрытый грязью Рикки-Тикки; шаг за шагом, едва переступая ногами, он вышел из норы и облизнул свои усы. Дарси замолчал с легким восклицанием. Рикки-Тикки стряхнул со своей шерстки часть пыли и чихнул.

– Все кончено, – сказал он. – Вдова никогда больше не выйдет наружу.

Красные муравьи, которые живут между стеблями трав, услышали его замечание, засуетились и один за другим отправились смотреть, правду ли сказал он.

Рикки-Тикки свернулся в траве и заснул. Он спал до конца дня; в этот день мангуст хорошо поработал.

Багира и Каа на охоте.

Художники – Мариус и Эдвард Детмольд. 1912 г.

– Все джунгли твои, – говорила Багира. – Ты можешь охотиться за любой дичью, какая тебе по силам, но ради того буйвола, который выкупил тебя, ты не должен трогать никакую скотину, ни молодую, ни старую. Таков Закон Джунглей

(Р. Киплинг)

– Теперь, – проснувшись проговорил зверек, – я вернусь в дом; ты, Дарси, скажи о случившемся птице Меднику, он же по всему саду разгласит о смерти Нагайны.

Медник – птичка, крик которой напоминает удары маленького молотка по медной чашке; он кричит так потому, что служит глашатаем каждого сада в Индии и сообщает вести всем желающим слушать. Когда Рикки-Тикки двинулся по дорожке, он услышал его крик, обозначающий «внимание», и напоминающий звон крошечного обеденного гонга. После этого раздалось: «Динг-донг-ток! Наг умер! Донг! Нагайна умерла! Динг-донг-ток». И вот все птицы в саду запели, все лягушки принялись квакать; ведь Наг и Нагайна поедали не только птичек, но и лягушек.

Когда Рикки подошел к дому, к нему навстречу вышли Тедди, мать Тедди (она все еще была бледна, так как только что оправилась от обморока) и отец Тедди; они чуть не плакали над мангустом. Вечером он ел все, что ему давали, пока мог есть, и улегся спать на плече Тедди; когда же мать мальчика поздно ночью пришла взглянуть на своего сына, она увидела Рикки.

– Он спас нам жизнь и спас Тедди, – сказала она своему мужу. – Только подумай; он всех нас избавил от смерти.

Рикки-Тикки внезапно проснулся: мангусты спят очень чутким сном.

– О, это вы, – сказал он. – Чего вы хлопочете? Все кобры убиты; а если бы и не так, я здесь.

Рикки-Тикки мог гордиться; однако он не слишком возгордился и охранял сад, как и подобало мангусту, – зубами и прыжками; и ни одна кобра не решалась больше показываться за садовой оградой.

Маленький Тумаи

Кала Наг, – что значит Черный Змей, – сорок семь лет служил индийскому правительству всеми способами, доступными слону. Когда его поймали, ему уже минуло двадцать лет, следовательно, теперь он приближался к семидесяти годам, – зрелый возраст для слона. Кала Наг помнил, как однажды на его лоб наложили большую кожаную подушку, и он вытащил оружие из глубокой грязи; это случилось до афганской войны 1842 года, когда он еще не вошел в полную силу. Мать Кала Нага – Рада-Пиари (Рада Дорогая), – пойманная в одно время с ним, раньше, чем у него выпали маленькие молочные бивни, сказала ему, что слоны, которые чего-либо боятся, неминуемо попадают в беду. И Кала Наг скоро осознал справедливость ее слов, потому что, когда перед ним в первый раз разорвался снаряд, он закричал, отступил, и штыки поранили его мягкую кожу. Итак, не достигнув двадцати пяти лет, он перестал бояться чего бы то ни было, приобрел всеобщую любовь и стал считаться лучшим слоном правительства Индии; за ним ухаживали больше, чем за его собратьями. Работал он много: во время похода в Верхнюю Индию Кала Наг переносил палатки, по двести пудов палаток сразу; однажды его подняли на судно паровым краном, и в течение многих дней везли по воде; в неизвестной ему стране, где-то далеко от Индии, его заставили нести на своей спине мортиру; и там, в Магдале, он видел мертвого императора Теодора, вернулся на пароходе и, как говорили солдаты, получил право носить медаль, выбитую в честь абиссинской войны. Прошло десять лет; Кала Нага отослали в страшную страну, Али-Мушед, где его собратья умирали от голода, холода, падучей болезни и солнечных ударов; позже его послали на несколько тысяч миль южнее, чтобы он таскал и складывал в громадные груды толстые стволы индийского дуба на лесных дворах Моулмена. В этом месте он чуть не убил непокорного молодого слона, отказавшегося выполнить свою долю работы.

Его увели от лесных порубок и поручили ему вместе с несколькими десятками других слонов, выдрессированных специально для того, чтобы помогать людям, ловить диких слонов в горах Наро. Правительство Индии строго охраняет слонов. Существует целый департамент, все дело которого состоит в том, чтобы отыскивать их, ловить, укрощать и рассылать повсюду, где требуется их труд.

Кала Наг имел полных десять футов роста; его клыки были отпилены, так что от них остались только куски в пять футов; концы их оковали пластинками меди, чтобы они не расщеплялись; тем не менее он мог действовать этими обрубками лучше, нежели любой необученный слон своими настоящими, заостренными бивнями.

Неделя за неделей слонов осторожно теснили через горы; наконец сорок или пятьдесят диких чудовищ попадали в последний загон, и большая опускающаяся дверь, сделанная из связанных вместе стволов деревьев, падала позади них. Тогда, по слову команды, Кала Наг входил в этот полный фырканыя и воплей пандемониум (обыкновенно ночью, когда мерцание факелов делало затруднительным правильное определение расстояний), и, выбрав самого крупного, самого дикого обладателя больших бивней, принимался бить его и гонять, пока тот не затихал, люди же, сидевшие на спинах других ручных слонов, накладывали веревки на более мелких животных из стада и связывали их.

В смысле приемов борьбы не было ничего неизвестного Кала Нагу, старому умному Черному Змею, потому что, в свое время, он не раз противостоял нападению раненого тигра. Изогнув вверх свой мягкий хобот, чтобы спасти его от боли, он быстрым серпообразным движением головы, которое придумал сам, откидывал прыгающего зверя так, что тот боком взлетал на воздух; сбив же тигра с ног, прижимал его к земле своими громадными коленями и не поднимался, пока вместе с выдохом и воем из зверя не вылетала жизнь. На земле оставалось только что-то пушистое, что Кала Наг поднимал за хвост.

– Да, – сказал Большой Тумаи, погонщик Кала Нага, сын Черного Тумаи, который возил его в Абиссинию, и внук Слонового Тумаи, видевшего, как Кала Нага поймали, – да, Черный Змей ничего не боится, кроме меня. Три наши поколения кормили его и ухаживали за ним, и он увидит, как это будет делать четвертое.

– Он боится также меня, – сказал одетый в один набедренный лоскут Маленький Тумаи, выпрямляясь во весь свой рост.

Это был десятилетний старший сын Большого Тумаи, и по местному обычаю ему предстояло со временем занять место своего отца на шее Кала Нага и взять в руки тяжелый железный анкас (палка для управления слоном), который стал совсем гладким от рук его отца, деда и прадеда. Он знал, о чем говорит, так как родился в тени Кала Нага; раньше чем научился ходить, играл концом его хобота, а едва стал держаться на ногах, привык водить его к воде. Кала Наг так же мало вздумал бы послушаться пронзительных приказаний мальчика, как не подумал бы убить его в тот день, когда Большой Тумаи принес коричневого крошку под клыки Черного Змея и приказал ему поклониться своему будущему господину.

– Да, – сказал Маленький Тумаи, – он боится меня, – и мальчик большими шагами подошел к Кала Нагу, назвал его толстой старой свиньей и заставил одну за другой поднять ноги.

– Да, – сказал Маленький Тумаи. – ты большой слон, – и он покачал своей пушистой головой, повторяя слова своего отца: – Правительство может платить за слонов, но они принадлежат нам, магутам (погонщикам, карнакам). Когда ты состаришься, Кала Наг, какой-нибудь богатый раджа купит тебя у правительства за твой рост и хорошие манеры и тогда у тебя не будет никакого дела; ты будешь только носить золотые серьги в ушах, золотой ховдах (род седла) на спине и вышитое золотом сукно на боках и ходить во главе шествий короля. Тогда, сидя на твоей шее, о Кала Наг, я стану управлять тобой серебряным анкасом и смотреть, как перед нами бегут люди с золотыми палками, крича: «Дорогу королевскому слону». Хорошо это будет, Кала Наг, а все же не так хорошо, как охота в джунглях.

– Гм, – сказал Большой Тумаи, – ты мальчик дикий, как буйволенок. Это беганье по горам не лучший род службы правительству. Я становлюсь стар и не люблю диких слонов. То ли дело кирпичные сараи для слонов с отдельными стойлами, с большими столбами для привязей, то ли дело плоские широкие дороги, на которых можно обучать животных. Не люблю я передвижных лагерей. Вот бараки в Кавнапуре были мне по душе. Рядом помещался базар, и работа продолжалась всего три часа. Маленький Тумаи помнил кавнапурские слоновьи сараи и промолчал. Ему гораздо больше нравилась лагерная жизнь, и он прямо-таки ненавидел широкие плоские дороги, с ежедневным собиранием травы в фуражных резервных местах и долгие часы, во время которых ему оставалось только наблюдать, как Кала Наг беспокойно двигается в своем стойле.

Маленький Тумаи любил подниматься по узким тропинкам, доступным только слону, углубляться в долины, смотреть, как на расстоянии многих миль от него пасутся дикие слоны, наблюдать, как испуганные свиньи и павлины разбегаются из-под ног Кала Нага, находиться под ослепляющими теплыми дождями, во время которых дымятся все горы и долины, любоваться превосходными туманными утрами, когда никто из охотников не может сказать, где он остановится на ночь, осторожно гнать диких слонов, присутствовать при их безумном метании, видеть яркое пламя и слышать крики во время последнего ночного загона, когда слоны потоком вливаются в огороженное пространство, точно валуны, падающие вместе с лавиной и, понимая, что им не удастся убежать, кидаются на тяжелые врытые столбы, но тотчас же отбегают назад, испуганные криками, пылающими факелами и залпами холостых зарядов.

В таком случае даже маленький мальчик может приносить пользу. Тумаи же был полезен, как три мальчика. Он поднимал свой факел, раскачивал им и кричал изо всех сил. Но по настоящему он веселился, когда слонов начинали выгонять из ограды, когда кеддах (название загона) превращался в картину конца мира, и людям приходилось переговариваться знаками,

потому что их голосов не бывало слышно. Маленький Тумаи взбирался на верхушку одного из дрожащих столбов ограды; его выгоревшие коричневые волосы развевались, падая на плечи, и в свете факелов сам он казался лесным духом. Едва наступало затишье, вы могли бы слышать его звонкие громкие восклицания, предназначенные для Кала Нага и раздававшиеся, несмотря на крики, топот, треск рвущихся веревок, на стоны связанных слонов.

Дравшиеся Кала Наг и дикий слон раскачивались из стороны в сторону, пересекая кеддах, а старые ловцы вытирали пот, попавший им в глаза, находя время кивать головой Маленькому Тумаи, который от радости извивался на верхушке столба

Но не только извивался. Раз Тумаи соскользнул вниз, шмыгнул между слонами и бросил упавший на землю свободный конец веревки загонщику, старавшемуся опутать ноги непокорного слоненка (маленькие слоны всегда доставляют больше хлопот, чем взрослые). Мальчика заметил Кала Наг, поймал его хоботом и передал Большому Тумаи, который тотчас же отшлепал сына и посадил обратно на столб.

Утром отец отругал его и сказал:

– Разве для тебя недостаточно хороших кирпичных слоновых конюшен и палаток, что тебе еще нужно принимать участие в ловле слонов, маленький бездельник? Эти глупые охотники, получающие меньше меня, рассказали о случившемся Петерсену сахибу.

Маленький Тумаи испугался. Немногих белых людей знал он, но Петерсен казался ему самым важным из них. Он был главой всех кеддах; именно он ловил слонов для правительства Индии и лучше всех остальных живых людей знал повадки этих животных.

– А что же... что же случится теперь? – спросил Маленький Тумаи.

– Что случится? Да самое худшее. Петерсен сахиб – сумасшедший. Разве в противном случае он стал бы охотиться на этих диких дьяволов? Ему, пожалуй, вздумается потребовать, чтобы ты стал охотником на слонов, спал бы в полных лихорадкой джунглях и, наконец, чтобы тебя до смерти истоптали слоны в кеддах.

Впрочем, может быть, эта глупость кончится благополучно. На будущей неделе ловля прекратится, и нас, жителей долин, пошлют в наши деревни. Мы будем расхаживать по гладким дорогам и забудем о ловле. Но слушай, сынок, меня сердит, что ты мешаешься в дело грязных ассамских жителей джунглей. Кала Наг слушается только меня, а потому мне приходится вместе с ним входить в кеддах. Дрянной! Злой! Негодный сын мой! Пойди, вымой Кала Нага, позаботься об его ушах; посмотри, чтобы в его ногах не было шипов, не то, конечно, Петерсен сахиб поймает тебя и сделает охотником, заставит ходить по следам ног слонов, и ты по его милости станешь настоящим медведем джунглей. Фу! Стыдно! Пошел прочь!

Маленький Тумаи ушел, не сказав ни слова, но, осматривая ноги Кала Нага, он поведал ему обо всех своих огорчениях.

– Не беда, – сказал Маленький Тумаи, отгибая край огромного правого уха слона, – Петерсен сахибу сказали мое имя и, может быть... может быть... может быть... Кто знает? Ли! Вот какой большой шип я вытащил из твоего уха.

Несколько следующих дней слонов готовили к переходу; собирали их вместе; вновь пойманных диких животных водили взад и вперед, поставив каждого из них между двумя ручными слонами; это делается, чтобы они не доставляли слишком много хлопот во время спуска в долину; в то же время люди собирали войлок, веревки и все, что могло понадобиться в дороге.

Петерсен сахиб приехал на одной из своих умных слоних, Пудмини; он уже распустил охотников из горных лагерей, потому что охотничий сезон подходил к концу. Теперь за столом, под деревом, сидел туземный писец и выдавал жалованье карнакам. Получив плату, каждый погонщик отходил к своему слону и присоединялся к веренице, готовой двинуться в путь. Разведчики, охотники и загонщики, служившие при кеддах и жившие в джунглях, круглый год сидели на спинах собственных слонов Петерсен сахиба или стояли, прислонясь к деревьям,

держа ружья и смеясь над уезжавшими погонщиками; смеялись они также, когда вновь пойманные слоны разрывали цепь и убегали.

Большой Тумаи подошел к писцу вместе с Маленьким Тумаи, державшимся позади него, и при виде мальчика Мачуа Алла, главный охотник, понизив голос сказал своему другу:

– Вот хороший мальчишка. Жаль, что этот молодой петушок джунглей будет прозябать в долинах.

Надо сказать, что у Петерсен сахиба был острый слух, как и подобает человеку, который привык прислушиваться к движению самого бесшумного из всех-живых существ – к шагам дикого слона. Лежа на спине Пудмини, он повернулся и сказал:

– Что такое? Я не слышал, чтобы между карнаками долин был хоть один человек, который сумел бы опутать веревкой хотя бы мертвого слона.

– Это не взрослый, а мальчик. В последний раз он вошел в кеддах и бросил нашему Бармао конец веревки, когда мы старались оттащить слоненка с пятном на плече от его матери.

Мачуа Алла показал пальцем на Маленького Тумаи; Петерсен сахиб посмотрел на него, и Маленький Тумаи поклонился до земли.

– Он кинул веревку? Да ведь он ростом меньше колышка в лагерном загоне. Как тебя зовут, малыш? – спросил мальчика Петерсен сахиб.

Маленький Тумаи так испугался, что не мог говорить, но позади него стоял Кала Наг; по знаку мальчика Черный Змей схватил его своим хоботом и поднял на один уровень со лбом Пудмини. Теперь Тумаи очутился против великого Петерсена сахиба и закрыл лицо руками, потому что, когда дело не касалось слонов, он был так же застенчив и пуглив, как и все другие дети.

– Ого, – улыбаясь в усы, заметил Петерсен сахиб. – А зачем научил ты своего слона этому фокусу? Не для того ли, чтобы он помогал тебе красть зеленый хлеб с крыш домов, на которые раскладывают сушиться колосья?

– Нет, не зеленый хлеб, Покровитель Бедных, а дыни, – ответил Маленький Тумаи, и сидевшие кругом громко расхохотались. Все они в детстве учили своих слонов этой штуке. Маленький Тумаи висел на восемь футов от земли, но желал провалиться на восемь футов под землю.

– Это Тумаи, мой сын, сахиб, – сказал Большой Тумаи и нахмурился. – Он очень дурной мальчик и кончит жизнь в тюрьме, сахиб.

– Сильно сомневаюсь, – возразил Петерсен сахиб. – Мальчик, который в его лета не боится войти в полный кеддах, не окончит жизнь в тюрьме. Смотри, малыш, вот тебе четыре анна; истрать их на сласти, даю их за то, что под большой копной волос у тебя есть голова. Со временем ты, может быть, сделаешься тоже охотником. – Большой Тумаи нахмурился больше прежнего. – Тем не менее помни, что кеддах неподходящее место для детских игр, – прибавил Петерсен сахиб.

– Значит, я не должен входить туда, сахиб? – вздыхая, спросил Маленький Тумаи.

– Да, не должен, пока не увидишь, как танцуют слоны. – Петерсен сахиб снова улыбнулся. – Когда же ты увидишь, как пляшут слоны, приходи ко мне, и я позволю тебе входить во все кеддах.

Раздался новый взрыв хохота; это была обычная шутка охотников на слонов и обозначала – «никогда». В глубине лесов скрываются просторные поляны, которые называются бальными залами слонов; их иногда находят, но никто никогда не видел, как танцуют слоны. Когда карнак хвастается своим искусством и храбростью, его товарищи говорят ему:

– А когда ты видел, как пляшут слоны?

Кала Наг поставил Маленького Тумаи на землю; мальчик снова поклонился до земли и ушел вместе с отцом. Он отдал серебряную монетку в четыре анна своей матери, которая качала его малютку брата; потом всех их посадил на спину Кала Нага, и вереница похрюкива-

ющих и взвизгивающих слонов закачалась по спуску в долину. Это был беспокойный переход: новые слоны подле каждого брода доставляли много хлопот; практически постоянно приходилось то уговаривать их, то бить.

Большой Тумаи сердито молчал и безжалостно колол Кала Нага; в свою очередь, и Маленький Тумаи не мог говорить, но не от досады, а от счастья: Петерсен сахиб заметил его и дал ему денег. Мальчик испытывал то же, что переживал бы рядовой, если бы главнокомандующий вызвал его из рядов и похвалил.

– А что подразумевал Петерсен сахиб под танцами слонов? – наконец тихо спросил он у своей матери. Большой Тумаи услышал и крикнул:

– Он хотел сказать, что ты никогда не сделаешься одним из этих горных буйволов, охотников, вот что! Эй вы, передние! Кто там загородил нам дорогу?

Один карнак, ассамец, бывший впереди Тумаи на два слона, сердито повернулся и закричал:

– Выведи вперед Кала Нага и заставь моего молодого слона вести себя прилично. Зачем Петерсен сахиб именно меня послал с вами, ослы с топких рисовых полей! Поставь своего слона рядом с моим, Тумаи, пусть бы он ударил его клыками. Клянусь всеми богами гор, эти молодые дураки одержимы дьяволом или чувят в джунглях своих товарищей.

Кала Наг ударил слоненка под ребра так сильно, что тот на мгновение перестал дышать, а Большой Тумаи сказал:

– В последний раз мы очистили все горы от диких слонов. Пойманные животные беспокоятся просто потому, что ты небрежно управляешь ими. Не хочешь ли, чтобы я один держал в порядке всю вереницу?

– Право, стоит послушать его! – сказал ассамец. – Мы очистили горы! Хадо! Мудры вы, жители низин. Всякому, кроме никогда не видавшего джунглей глупца, известно, что слоны знают об окончании охоты этого года... Вот поэтому сегодня ночью их дикие товарищи будут... Но зачем мне тратить умные речи, разговаривая с простой речной черепахой?

– Что они будут делать? – крикнул Маленький Тумаи.

– Оэ! Малыш! Ты здесь? Хорошо, я скажу тебе; у тебя свежая голова. Они стали бы плясать и недурно, если бы твой отец, который очистил «все» горы от «всех» слонов, приготовил сегодня двойные цепи.

– Это что за глупости? – сказал Большой Тумаи. – Вот уже сорок лет мы смотрим за слонами, но до сих пор никогда не слыхивали сказок об их плясках.

– Да, но житель долины, живущий в хижине, знает только четыре стены своего дома. Хорошо, не привязывай сегодня своих слонов, и ты увидишь, что случится; что же касается их танцев, я видел место, где... О, что это? Проклятье! Сколько же извилин делает река Диганга? Опять брод, и нам придется заставить детенышей плыть. Стойте вы там, сзади!

Таким-то образом, разговаривая, перебраниваясь, с шумом переправляясь через реки, они сделали первый переход, который окончился близ временного кеддаха, приготовленного для вновь пойманных животных; однако, задолго до стоянки, погонщики совсем измучились и потеряли терпение.

Наконец, слонов привязали за задние ноги к большим столбам; вновь пойманных спутали дополнительными веревками и перед всеми положили груды корма. Погонщики с гор, пользуясь вечерним светом, отправились обратно к Петерсен сахибу, на прощанье посоветовав карнакам с низин усиленно смотреть в эту ночь за слонами; когда же те спрашивали их почему – только смеялись в ответ.

Маленький Тумаи позаботился об ужине для Кала Нага, а когда наступил вечер, невыразимо счастливый отправился бродить по лагерю в поисках там-тама. Когда сердце мальчика-индуса переполнено, он не бежит куда придется, не шумит без смысла; он молча упивается своим счастьем. А ведь с Маленьким Тумаи разговаривал сам Петерсен сахиб! И если бы

мальчик не нашел того инструмента, который он искал, я думаю, его сердце разорвалось бы. Продавец сладкого мяса дал ему на время свой маленький тамтам (барабан, в который бьют ладонью), и когда звезды начали появляться на небе, Тумаи, скрестив ноги, уселся перед Кала Нагом, положив там-там к себе на колени, и стал ударять по нему рукой, и чем больше думал он об оказанной ему великой чести, тем усерднее бил по там-таму, одиноко сидя посреди корма для слонов. В музыке этой не было ни мелодии, ни слов, но ее звуки делали мальчика невыразимо счастливым.

Вновь пойманные слоны натянули свои веревки; время от времени они взвизгивали и трубили. Тумаи слышал, как его мать баюкала в прохладной хижине его маленького братишку, усыпляя ребенка старой-старой песней о великом боге Шиве, который однажды указал всем животным, чем каждое из них должно питаться. Это очень успокоительная колыбельная песня, она начинается словами: «Шива, который рождает жатву и заставляет дуть ветры, однажды, очень, очень давно, сидел у порога дня; он каждому дал свою долю пищи, работы и судьбы» и т. д.

В конце строфы Маленький Тумаи ударял по барабану; наконец ему захотелось спать, и он растянулся рядом с Кала Нагом.

Вот, наконец, слоны начали, по своему обыкновению, ложиться один за другим; легли все, только Кала Наг остался стоять в правом конце ряда; он медленно раскачивался из стороны в сторону, растопырив уши, чтобы прислушиваться к ночному ветру, который дул, проносясь между горами. Воздух наполняли ночные шумы, которые, слитые вместе, образуют глубокую тишину: звон одного ствола бамбука о другой; шорох чего-то живого в кустах; царапанье и легкий писк полупроснувшейся птицы (птицы гораздо чаще просыпаются ночью, чем мы воображаем) и отдаленное журчанье падающей воды. Маленький Тумаи проспал некоторое время, когда же он снова открыл глаза, луна светила ярко, а Кала Наг стоял, по-прежнему насторожив уши. Мальчик повернулся, трава зашуршала; он посмотрел на изгиб большой спины Черного Змея, закрывавшей половину звезд на небе, и услышал – так далеко, что звук этот показался ему еле заметным, точно след от укола булавки, – раздавшееся в беспредельности ночи «хуут-туут» дикого слона.

Весь ряд слонов поднялся на ноги, точно в них выстрелили, и их кряхтенье, наконец, разбудило спящих магутов. Карнаки стали глубже вколачивать колья своими большими колотушками, прибавлять лишние привязи и стягивать узлы крепче прежнего. Один вновь пойманный слон почти вытащил из земли свой кол; Большой Тумаи снял ножную цепь с Кала Нага и пристегнул переднюю ногу взбунтовавшегося к его задней ноге, а на ногу Кала Нага накиннул петлю из травяной веревки и приказал ему помнить, что он хорошо привязан. Большой Тумаи знал, что его отец и дед в былое время сотни раз делали то же самое. Но Кала Наг не ответил, как обыкновенно, особенным горловым журчащим звуком. Он стоял неподвижно и, приподняв голову, распустив уши, как веера, вглядывался через залитую лунным светом поляну в огромные извилины гор Гаро.

– Посмотри, не начнет ли он беспокоиться ночью, – сказал Большой Тумаи сыну, ушел в свою хижину и заснул.

Маленький Тумаи тоже засыпал, когда вдруг услышал треск разорванной травяной веревки, лопнувшей с легким звуком «танг»; в ту же минуту Кала Наг вышел из своей ограды так же медленно и бесшумно, как туча выкатывается из долины. Маленький Тумаи, шлепая своими босыми ногами, двинулся за ним по залитой лунным светом дороге и шепотом просил его:

– Кала Наг! Кала Наг! Возьми меня с собой, о Кала Наг!

Слон беззвучно повернулся, сделал три шага к мальчику, опустил свой хобот, вскинул к себе на шею Тумаи и чуть ли не раньше, чем тот успел усесться, скользнул в лес.

Со стороны привязей донесся взрыв бешеных криков слонов; потом тишина сомкнулась, и Кала Наг побежал. Иногда кусты высокой травы волновались с обеих его сторон, как волны плещут около бортов корабля; иногда ветвь вьющегося дикого перца царапала его спину или бамбук трещал под напором его плеча; но в промежутках между этими звуками он двигался совершенно бесшумно, проникая через чащи густого леса Гаро, точно сквозь дым. Кала Наг поднимался на гору, но, хотя Маленький Тумаи в просветах между ветвями наблюдал за звездами, он не мог понять, в каком направлении.

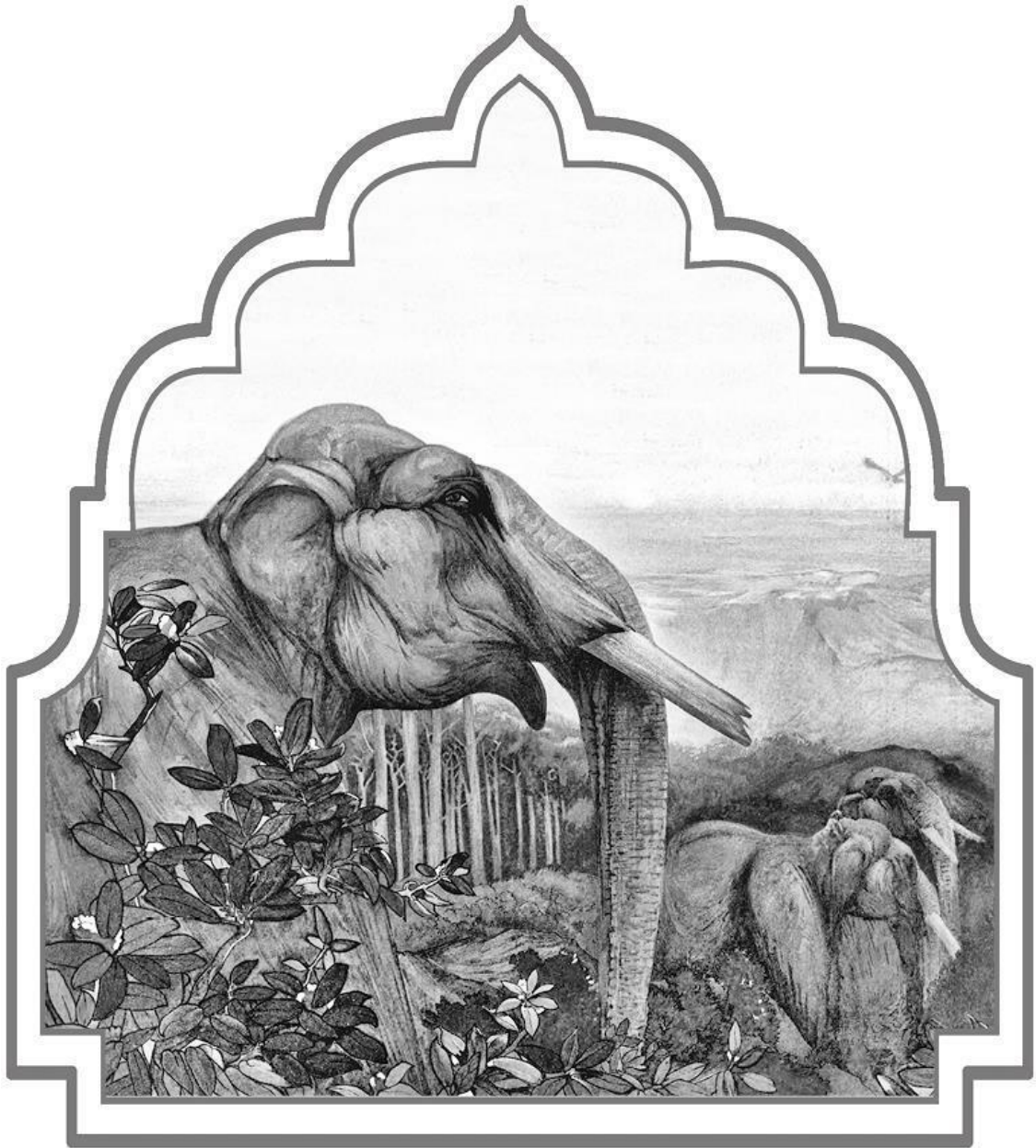
Кала Наг достиг гребня и на минуту остановился. Теперь Маленький Тумаи мог видеть вершины деревьев; они, как бы усеянные блестками и такие пушистые под лунным светом, тянулись на много-много миль; видел он и синеvато-белую дымку в ложбине над рекой. Тумаи наклонился вперед, пригляделся и почувствовал, что внизу, под ним, лес проснулся, ожил и наполнился какими-то существами. Большой коричневый, поедающий плоды нетопырь пронесся мимо уха мальчика; иглы дикобраза загремели в чаще, в темноте между стволами деревьев большой кабан рылся во влажной теплой земле; рылся и фыркал.

Над головой Тумаи снова сомкнулись ветви, и Кала Наг начал спускаться в долину, – на этот раз беспокойно; так сорваvшаяся пушка стремительно катится с крутого берега. Громадные ноги слона непрерывно двигались, точно поршни, шагая через восемь футов сразу; морщинистая кожа на сгибах его ног шелестела. Низкие кусты по обеим сторонам Кала

Нага шуршали со звуком рвущегося полотна; молодые деревья, которые он раздвигал своими плечами, пружиня, возвращались на свои прежние места и хлестали его по бокам, а длинные гирлянды различных сплетенных вместе лиан свешивались с его кlyков и колыхались, когда он покачивал головой из стороны в сторону, прорубая для себя дорогу. Маленький Тумаи совсем прижался к большой шее слона, чтобы какая-нибудь качающаяся ветвь не смела его на землю; в глубине души мальчик желал снова очутиться в лагере.

Трава начала чмокать; ноги Кала Нага тонули и вязли; ночной туман в глубине долины леденил Маленького Тумаи. Послышался плеск, журчание быстро движущейся воды, и Кала Наг пошел вброд через реку, на каждом шагу ощупывая дорогу. Сквозь шум воды, плескаvшейся около ног слона, Маленький Тумаи слышал другой плеск и крики слонов вверху по течению реки и внизу; до него донеслось громкое ворчание, сердитое фыркaньe; вся дымка вокруг него, казалось, наполнялась волнистыми тенями.

– Ах, – произнес он вполголоса, и его зубы застучали, – все слоны в эту ночь освободились. Значит, они будут танцевать.

Тумаи.

Художники – Мариус и Эдвард Детмольд. 1912 г.

«Молодым всегда нужно видеть, за чем они гонятся»

(Р. Киплинг)

Кала Наг вышел из реки; вода ручьями стекала с него, он продул свой хобот и снова начал подниматься. Но на этот раз не в одиночестве; ему не пришлось также расчищать дорогу. Перед ним уже была готовая тропинка шириной в шесть футов; примятая на ней трава джунглей старалась расправиться и подняться. Вероятно, всего за несколько минут до него в этом месте прошло много слонов. Маленький Тумаи оглянулся; крупный дикий слон с большими бивнями и со свинными глазками, горевшими как раскаленные угли, выходил из туманной реки. Но деревья тотчас же снова сблизились, и они двинулись вперед и вверх; повсюду слышались крики слонов, треск и шум ломающихся веток.

Наконец на самой вершине горы Кала Наг остановился между двумя стволами. Стволы эти составляли часть кольца деревьев, которое окаймляло пространство в три-четыре акра; на всей площадке, как мог видеть мальчик, земля была утоптана и тверда, точно кирпичный пол. В ее центре росло несколько деревьев, но их кора была содрана, и обнаженные места этих стволов при свете луны блестели, точно полированные. С их верхних ветвей свешивались лианы и большие белые, как бы восковые, колокольчики, похожие на цветы вьюнка, покачиваясь в крепком сне; внутри же кольца из деревьев не виделось ни одной зеленой былинки; там не было ничего, кроме утрамбованной земли.

При свете месяца она казалась серой, как сталь; только от слонов падали чернильно-черные тени. Маленький Тумаи, затаив дыхание, смотрел на все глазами, которые, казалось, были готовы выскочить из орбит, и чем больше он смотрел, тем больше показывалось слонов. Маленький Тумаи умел считать только до десяти; он много раз считал по пальцам, наконец потерял счет десяткам десятков, и у него начала кружиться голова. Вокруг открытой площадки он слышал треск низких кустов; это слоны поднимались по горному склону; но едва выходили они из-за деревьев, как начинали двигаться, точно призраки.

Тут были дикие слоны самцы, с белыми бивнями и осыпанные листьями, орехами и ветвями, которые застряли в морщинах на их шеях и в складках их ушей; были и толстые, медленные слонихи с маленькими беспокойными, розовато-черными слонятами высотой в три-четыре фута, пробегавшими у них под животами; молодые слоны, с только что начавшимися показываться бивнями и очень гордые этим; худые шероховатые слонихи, старые девы, с вытянутыми тревожными мордами и бивнями, похожими на грубую кору; дикие старые одинокие слоны, покрытые шрамами от плеч до боков, с большими рубцами, оставшимися от прежних боев, с засохшим илом, приставшим к ним во время их одинокого купанья и теперь осыпавшимся с их плеч; был между ними один с обломанным бивнем и с огромным рубцом на боку, следом ужасного удара тигровых когтей.

Они стояли друг против друга, или по двое расхаживали взад и вперед по площадке, или же поодиночке качались. Десятки и сотни слонов.

Тумаи знал, что пока он неподвижно лежит на спине Кала Нага, с ним ничего не случится, потому что, даже во время суеты и драки в кеддах, вновь загнанный дикий слон не ударяет хоботом и не стаскивает человека с шеи ручного слона; а слоны, бывшие здесь в эту ночь, не думали о людях. Один раз все они вздрогнули и подняли уши, услышав в лесу лязг ножных цепей, но это подходила Пудмини, любимица Петерсен сахиба; она разорвала свою цепь и теперь, фыркая и ворча, поднималась на гору. Вероятно, Пудмини сломала изгородь и явилась прямо из лагеря Петерсен сахиба; в то же время Маленький Тумаи увидел другого слона, незнакомого ему, с глубокими шрамами от веревок на спине и груди. Он тоже, вероятно, убежал из какого-нибудь лагеря в окрестных горах.

Все затихло; в лесу больше не было слонов; Кала-Наг, качаясь, сошел со своего места между деревьями, с легким клокочущим и журчащим звуком вмешался в толпу, и все слоны принялись разговаривать между собой на собственном наречии, и все задвигались.

По-прежнему неподвижно лежа, Маленький Тумаи смотрел вниз на множество десятков широких спин, колыхающихся ушей, качающихся хоботов и маленьких вращающихся глаз. Он слышал, как одни бивни, случайно ударив о другие, звенели, слышал сухой шелест свивавшихся вместе хоботов, скрип огромных боков и плеч в толпе и непрерывный свист машущих больших хвостов. Облако закрыло луну, и он остался в черной темноте, но спокойный непрерывный шелест, постоянная толкотня и ворчанье продолжались. Мальчик знал, что кругом Кала Нага повсюду были слоны, и что вывести Черного Змея из этого собрания невозможно. Итак, Тумаи сжал зубы и молча дрожал. В кеддах, по крайней мере, блестел свет факелов, слышался крик, а здесь он был совсем один, в темноте, и раз какой-то хобот поднялся к нему и дотронулся до его кольца.

Вот один слон затрубил; все подхватили его крик, и это продолжалось пять или десять ужасных секунд. С деревьев скатывалась роса и, точно дождь, падала на невидимые спины; скоро поднялся глухой шум, сперва не очень громкий, и Маленький Тумаи не мог сказать, что это такое; звуки разрастались. Кала Наг поднял сперва одну переднюю ногу, потом другую и поставил их на землю. Повторялось: раз, два, раз, два, – постоянно, как удары молота. Теперь все слоны топали в такт, и раздавался такой звук, будто подле входа в пещеру колотили в военный барабан. Роса падала, и ее капель больше не осталось на деревьях, а грохот продолжался, и земля качалась и вздрагивала; Маленький Тумаи зажал руками уши, чтобы не слышать этого стука. Но топот сотен тяжелых ног по обнаженной земле превращался в один исполинский толчок, который сотрясал все его тело. Раза два мальчик почувствовал, что Кала Наг и все остальные сделали несколько шагов вперед; после этого звук изменился; Тумаи слышал, что огромные ноги давили сочные зеленые поросли; но пролетели минуты две, и снова начались удары по твердой земле. Где-то близ Маленького Тумаи дерево затрещало и застонало. Он протянул руку и нащупал кору, но Кала Наг двинулся вперед, продолжая стучать ногами, и мальчик не мог бы сказать, в каком месте площадки находится он. Слоны не кричали; только лишь два или три маленьких слоненка взвизгнули одновременно. Потом Тумаи услышал шелест, и топот начался снова. Так продолжалось, вероятно, целых два часа, и нервы Тумаи были напряжены, однако по запаху ночного воздуха он чувствовал приближение зари.

Утро пришло в виде полосы бледно-желтого сияния позади зеленых гор, и стук ног остановился с первым же лучом, точно свет был сигналом. Раньше, чем в голове Маленького Тумаи улегся звон и шум, даже раньше, чем он успел изменить свою позу, поблизости не осталось ни одного слона, кроме Кала Нага, Пудмини и слона со шрамами от веревок; никакой признак, никакой шелест или шепот среди деревьев на горных откосах не указывал, куда ушли остальные животные.

Маленький Тумаи осмотрелся. Насколько он помнил, открытая площадка за эту ночь увеличилась. На ней теперь оказалось меньше деревьев, чем было прежде, а кусты и трава по ее краям пригнулись к земле. Маленький Тумаи посмотрел еще раз. Теперь он понял значение топота. Слоны утрамбовали новое пространство земли, раздавили густую траву и сочный бамбук в мочалы, мочалы превратили в лохмотья, лохмотья в тонкие фибры, а фибры вдавили в почву.

– Ва, – сказал Маленький Тумаи, и его веки отяжелели, – Кала Наг, господин мой, будем держаться близ

Пудмини и двинемся к лагерю Петерсен сахиба, не то я упаду с твоей шеи.

Третий слон посмотрел на двоих, уходивших вместе, фыркнул, повернулся и пошел собственным путем. Вероятно, он принадлежал какому-нибудь мелкому туземному правителю, жившему в пятидесяти, шестидесяти или в сотне миль от площадки.

Через два часа, когда Петерсен сахиб сидел за своим первым завтраком, его слоны, на эту ночь привязанные двойными цепями, принялись трубить, и Пудмини, запачканная илом до самых плеч, а также и Кала Наг, у которого болели ноги, притащились в лагерь.

Лицо Маленького Тумаи стало совсем серым, осунулось; в его пропитанных росой волосах запуталось множество листьев; тем не менее он попробовал поклониться Петерсен сахибу и слабым голосом закричал:

– Пляски, пляски слонов! Я видел их и умираю...

Кала Наг припал к земле, и мальчик в глубоком обмороке соскользнул с его шеи.

Но у туземных детей такие нервы, что о них не стоит и говорить, а потому через два часа очень довольный Тумаи лежал в гамаке Петерсен сахиба; охотничье пальто Петерсена было под головой мальчика, а в его желудке был стакан горячего молока, немного водки и шепотка хинина. Старые волосатые, покрытые рубцами охотники джунглей в три ряда сидели перед

ним, глядя на него, точно на духа. Он в нескольких словах, по-детски, рассказал им о своих приключениях и закончил словами:

– Теперь, если я сказал хоть одно слово лжи, пошлите людей посмотреть на это место; они увидят, что слоновый народ увеличил площадку своей танцевальной комнаты; найдут также один десяток, другой, много десятков тропинок, ведущих к этому месту. Своими ногами они утрамбовали землю. Я видел это. Кала Наг взял меня, и я видел. И поэтому у Кала Нага очень устали ноги.

Маленький Тумаи опять улегся, заснул, проспал все долгие послеполуденные часы, проспал и сумерки; а в это время Петерсен сахиб и Мачуа Алла прошли по следам двух слонов, тянувшимся пятнадцать миль через горы. Восемнадцать лет Петерсен сахиб ловил слонов, но до этого дня только однажды видел место слоновых плясок. Мачуа Алла взглянул на площадку и тотчас же понял, что здесь происходило; он поковырял пальцем в плотной, утрамбованной земле и заметил:

– Мальчик говорит правду. Все это было сделано в прошедшую ночь, и я насчитал семьдесят следов, пересекающих реку. Видите, сахиб, вот тут ножная цепь Пудмини сорвала кору с дерева. Да, она тоже была здесь.

Они переглянулись, посмотрели вверх, вниз и задумались. Обычаев слонов не могут ни постичь, ни измерить умы черных или белых людей.

– Сорок и пять лет, – сказал Мачуа Алла, – я, мой лорд, хожу за слонами, но никогда не слыхивал, чтобы ребенок или взрослый человек видел то, что видел этот мальчик. Клянусь всеми богами гор, это... Что мы можем сказать? – и он покачал головой.

Они вернулись в лагерь; подходило время ужина. Петерсен сахиб закусил один в своей палатке, но приказал дать в лагерь двух овец и несколько кур, а также отпустить каждому служащему двойную порцию муки, риса и соли; он знал, что они будут пировать.

Большой Тумаи поспешно пришел из долины в лагерь сахиба за своим сыном и за своим слонем и теперь смотрел на них, точно боясь их обоих. Начался праздник при свете пылающих костров, зажженных против стойл слонов, и Маленький Тумаи был героем дня. Крупные коричневые ловцы, охотники, разведчики, карнаки, канатчики и люди, знающие тайные способы укрощения самых диких слонов, передавали мальчика из рук в руки и мазали ему лоб кровью из груди только что убитого петушка джунглей в знак того, что он свободный житель леса, посвященный во все тайны джунглей и имеющий право проникать куда ему угодно.

Наконец пламя костра потухло, и красный свет головешек придавал коже слонов такой оттенок, точно их тоже погрузили в кровь. Мачуа Алла, глава всех загонщиков во всех кеддах; Мачуа Алла, второе «я» Петерсен сахиба; человек, за сорок лет не выдавший ни разу дороги, сделанной руками людей; Мачуа Алла, настолько великий, что у него было только одно имя – Мачуа Алла, – поднялся на ноги, держа высоко над своей головой Маленького Тумаи, и закричал:

– Слушайте, мои братья! Слушайте и вы, мои господа, привязанные к столбам, потому что говорю я, Мачуа Алла. Этого мальчика не будут больше называть Маленький Тумаи; отныне он Слоновый Тумаи, как называли перед ним его прадеда. Целую долгую ночь он созерцал то, чего никогда не видал ни один человек, и милость народа слонов и любовь богов джунглей – покоятся на нем. Он сделается великим охотником, станет выше меня, да, даже выше меня, Мачуа Аллы. Своим ясным взглядом он будет без труда распознавать новые следы, старые следы, смешанные следы. Ему не причинят вреда в кеддах, когда ему придется пробегать между слонами, чтобы накинуть веревку на дикаря, и если он проскользнет перед ногами несущегося одинокого слона, этот одинокий слон узнает, кто он такой и не раздавит его. Ай-ай! Мои господа в цепях! – он повернулся к ряду слонов. – Смотрите: этот мальчик видел ваши пляски в ваших тайниках – зрелище, которое никогда еще не открывалось зрению ни одного человека. Почтите его, мои господа! Салаам Каро, дети! Салютуйте Слоновому Тумаи! Гунга

Першад! Ахаа! Хира Гудж, Бирчи Гудж, Кутгар Гудж! Ахаа! Пудмини, ты видела его во время пляски, и ты тоже, Кала Наг, моя жемчужина среди слонов! Ахаа! Ну, все вместе! Слоновому Тумаи Баррао!

И при последнем диком восклицании Мачуа Аппы все слоны вскинули свои хоботы до того высоко, что их концами коснулись своих лбов. В ту же секунду раздался полный салют, грохочущий трубный звук, который слышит только вице-король Индии – салаамут (привет) кеддаха.

И все это в честь Маленького Тумаи, который видел то, чего раньше не видал ни один человек, – танцы слонов ночью, видел один в самом сердце гор Гаро.

Слуги Ее Величества

Целый месяц шел сильный дождь, падая на лагерь из тридцати тысяч людей, многих тысяч верблюдов, слонов, лошадей, быков и мулов, собранных в Раваль Пинди для смотра вице-короля Индии. Он принимал эмира Афганистана, дикого властителя очень дикой страны. Эмир, в качестве почетной стражи, привел с собой восемьсот людей и лошадей, никогда не видавших ни лагеря, ни локомотива – диких людей и диких лошадей, взятых откуда-то из центральной Азии. Каждую ночь несколько этих неукротимых коней непременно разрывали свои путы и принимались носиться взад и вперед по темному лагерю, полному липкой грязи; иногда вырывались и верблюды, бегали, спотыкались, падали, наталкиваясь на веревки палаток, и вы можете себе представить, как это бывало приятно для людей, желавших попытаться заснуть! Моя палатка стояла далеко от привязей верблюдов, но раз ночью какой-то человек просунул голову в мое холщовое жилище и закричал:

– Выходите скорее! Они бегут сюда! Моя палатка погибла.

Я знал, кого он называл «они», а потому надел сапоги, непромокаемый плащ и выбежал в мокрую грязь. Маленькая Виксон, моя собачка фокстерьер, выскочила с другой стороны. Поднялись рев, ворчанье, шлепанье; я увидел, как моя палатка повисла, когда сломался ее основной шест, и скоро принялась танцевать, точно сумасшедшее привидение. Под нее попал верблюд; и я, промокший и рассерженный, невольно все же расхохотался; потом побежал, не зная сколько верблюдов сорвалось с привязи. Пробивая себе дорогу в липкой грязи, я очутился вне лагеря.

Вот мои ноги задели за лафет пушки, и я понял, что попал к линии артиллерии, там, куда на ночь ставили орудия. Не желая больше в темноте месить грязь под морозящим дождем, я накинул мой дождевик на дуло одной из пушек и с помощью двух-трех найденных мной веток, устроил себе своеобразный вигвам, лег вдоль орудия и мысленно спросил себя, где моя Виксон и куда судьба занесла самого меня.

Как раз в ту минуту, когда я уже засыпал, послышалось звяканье сбруи, фыркание, и мимо меня прошел мул, встряхивая мокрыми ушами. Он принадлежал к батарее горных орудий; я узнал это по скрипу ремней, звону колец, цепей и тому подобных предметов на его вьючном седле. Горные орудия – маленькие, опрятные пушки, которые состоят из двух частей; когда приходит время пустить их в дело, эти две половины скрепляют вместе. Их берут на вершины гор, повсюду, где мул находит дорогу, и они очень полезны для боев в гористых местностях.

Позади мула шел верблюд; его большие мягкие ноги чмокали по грязи и скользили; его шея изгибалась взад и вперед, точно у бродящей курицы. К счастью, я достаточно хорошо знаю язык животных (конечно, не наречие диких зверей, а язык домашних животных, получив это знание от туземцев) и мог понять, о чем они говорили.

Конечно, это был тот верблюд, который попал в мою палатку, так как он крикнул мулу:

– Что мне делать? Куда идти? Я бился с чем-то белым, развевающимся, и эта вещь схватила палку и ударила меня по шее. – Он говорил о сломанном шесте, и мне было очень приятно узнать, что кол его ударил. – Убежим мы?

– А, так это ты, – сказал мул, – ты и твои друзья встревожили весь лагерь? Прекрасно! Завтра утром вас за это побьют, а теперь и я могу дать тебе кое-что в задаток.

Я услышал звон сбруи, мул осадил, и верблюд получил два удара под ребра и зазвенел, как барабан.

– Другой раз, – продолжал мул, – ты не кинешься ночью через батарею мулов с криком: «Воры и пожар». Садись и не верти глупой шеей.

Верблюд сложился вдвое, по-верблюжьи, как двухфутовая линейка и, повизгивая, сел. В темноте послышался мерный топот копыт, и рослая полковая лошадь подскакала к нам таким

спокойным галопом, точно гарцевала во время парада; она перепрыгнула через конец лафета и остановилась рядом с мулом.

– Это позорно, – сказал крупный конь, выпуская воздух через ноздри. – Эти верблюды опять прорвались через наши ряды; третий раз на одной неделе! Как может остаться лошадь здоровой, если ей не дают спать? Кто здесь?

– Я – мул для переноски казенной части пушки номер два, из первой батареи горных орудий, – ответил мул, – и со мной один из твоих друзей. Он разбудил и меня тоже. А ты кто?

– Номер пятнадцатый отряда Б; девятый уланский полк, лошадь Дика Кенлиффа. Пожалуйста, посторонись.

– О, прошу извинения, – ответил мул. – Так темно, что видишь плохо. Ну, не надоедливы ли эти верблюды? Я ушел от моих товарищей, чтобы получить минуту спокойствия и тишины.

– Господа мои, – скромно сказал верблюд, – нам снились дурные сны, и мы очень испугались. Я только грузовой верблюд 39-го Туземного пехотного полка, и я не так храбр, как вы, мои господа.

– Так почему же вы не остаетесь на ваших местах и не носите грузов для 39-го Туземного пехотного полка, вместо того чтобы бегать по всему лагерю? – сказал мул.

– Это были такие дурные сны, – повторил верблюд. – Я извиняюсь. Слушайте! Что это? Не броситься ли бежать?

– Сиди, – сказал мул, – не то твои длинные ноги застрянут между пушками. – Он насторожил одно ухо и прислушался. – Волы, – продолжал он, – орудийные волы. Даю слово, ты и твои друзья разбудили весь лагерь. Приходится долго толкать орудийного вола, чтобы поднять его на ноги.

Я услышал, что по земле волочится цепь, и к группе подошла пара сомкнутых одним ярмом крупных, мрачных, белых волов, которые тянут тяжелые осадные орудия, когда слоны отказываются подойти ближе к линии огня; почти наступая на эту цепь, двигался другой артиллерийский мул, который диким голосом звал Билли.

– Это один из наших рекрутов, – заметил старый мул полковой лошади. – Он зовет меня. Я здесь, юноша, перестань кричать; до сих пор темнота никогда никому не вредила.

Орудийные волы легли рядом и стали пережевывать жвачку, а молодой мул совсем прижался к Билли.

– К нам, – сказал он, – ворвались страшные, ужасные существа, Билли. Когда мы спали, они подбежали к нашим привязям. Как ты думаешь, они убьют нас?

– Мне очень хочется порядком проучить тебя, – сказал Билли. – Только подумать! Мул, получивший такое воспитание, как ты, позорит батарею в присутствии благородного коня.

– Тише, тише, – сказала полковая лошадь. – Вспомни, вначале все таковы. В первый раз, когда я увидела человека (это случилось в Австралии, и мне тогда только что минуло три года), я бежала половину дня, а явись в то время передо мной верблюд, я и до сих пор не остановилась бы.

Почти все лошади для английской кавалерии привозятся из Австралии, и их объезжают сами солдаты.

– Правда, – сказал Билли. – Перестань же дрожать, юный мул. Когда в первый раз на меня надели сбрую со всеми этими цепями, я, стоя на передних ногах, ляглся и сбросил с себя решительно все. В то время я еще не научился лягаться как следует, но батарея сказала, что никто никогда не видывал ничего подобного.

– Но теперь ведь не звенела сбруя, – возразил молодой мул. – Ты знаешь, Билли, что на такие вещи я уже не обращаю больше внимания. К нам прибежали чудища, вроде деревьев, и, покачиваясь, помчались вдоль наших рядов; моя привязь лопнула, я не нашел моего кучера, не нашел и тебя, Билли, а потому убежал с... вот с этими джентльменами.

– Гм, – протянул Билли. – Как только я узнал, что верблюды сорвались, я спокойно ушел. Скажу одно: когда мул из батареи разборных пушек называет артиллерийских волов джентльменами, это значит, что он сильно потрясен. Кто вы?

Орудийные волы перекинули свои жвачки из стороны в сторону и в один голос ответили:

– Седьмая пара первой пушки из батареи крупных орудий. Прибежали верблюды; в это время мы спали, но они начали наступать на нас, и мы поднялись и ушли. Лучше спокойно лежать в грязи, чем испытывать беспокойство на хорошей подстилке. Мы уверяли вашего друга, что бояться нечего, но этот мудрец держался другого мнения. Уа!

Они продолжали жевать.

– Вот что значит трусить, – сказал Билли, – над испугавшимся насмеются орудийные волы. Я надеюсь, тебе это нравится, юный друг мой?

Зубы молодого мула скрипнули, и я услышал, как он пробормотал что-то о невозможности бояться каких-то глупых волов, волы же стукнулись друг о друга рогами и продолжали жевать жвачку.

– Не злись. Сердиться после испуга худший род трусости, – заметила полковая лошадь. – Каждого, я думаю, можно извинить за то, что он ночью испугался, увидав что-то непонятное для себя. Мы, четыреста пятьдесят лошадей, иногда волновались только потому, что вновь приведенный конек рассказывал нам о змеях Австралии и, в конце концов, начинали до смерти бояться свободных концов наших арканов.

– Все это прекрасно в лагере, – заметил Билли. – Простояв на месте дня два, я сам не отказываюсь сорваться и мчаться вместе с другими; просто, ради удовольствия, но как поступаешь ты во время действительной службы?

– Ну, это совсем другого рода новые подковы, – ответила конской поговоркой полковая лошадь. – Тогда на моей спине сидит Дик Кенлифф, сжимает меня коленями, и мне остается только наблюдать, куда я ставлю копыта, держать под собой задние ноги и «понимать» повод.

– Что значит «понимать» повод? – спросил молодой мул.

– Клянусь камедными деревьями! – фыркнула полковая лошадь. – Неужели ты хочешь сказать, что тебя не научили этому? Можно ли что-нибудь делать, не умея поворачиваться, едва повод касается твоей шеи? Ведь от этого зависит жизнь или смерть твоего человека и, следовательно, твоя жизнь или смерть. Поджимай задние ноги, едва почувствовал повод на шее. Если нет места повернуться, необходимо немного осадить и сделать поворот на задних ногах. Вот это значит «понимать повод».

– Нас этому не учат, – натянутым тоном заметил Билли. – Мы научаемся повиноваться человеку, который двигается впереди, останавливаться, когда он скажет и, по его слову, двигаться вперед. Я полагаю, что дело сводится к одному и тому же. Скажи же, чего, в сущности, ты достигаешь, благодаря всем этим прекрасным фокусам, поворотам, осаживанию?

– Зависит от обстоятельств, – ответила полковая лошадь. – Обыкновенно, мне приходится вступать в толпу поющих волосатых людей с ножами, с длинными блестящими ножами, которые хуже ножей повара, и стараться, чтобы сапог Дика легко касался сапога его соседа. Я вижу копыта Дика справа от моего правого глаза и понимаю, что мне не грозит опасность. О, мне не хотелось бы очутиться на месте человека или лошади, находящихся против нас с Диком, когда мы скачем во весь дух.

– А разве эти ножи не ранят? – спросил молодой мул.

– Ну, однажды меня резанули по груди, но не по вине Дика.

– Стал бы я заботиться, кто виноват, раз мне больно, – заметил молодой мул.

– Приходится об этом думать, – возразила полковая лошадь. – Если ты не будешь доверять своему человеку, лучше сразу беги. Так и поступают некоторые из наших, и я не виню их. Как я и говорила, меня ранили не по вине Дика. Он лежал на земле, я шагнула, чтобы не

наступит на него, и он ударил меня. Когда в следующий раз мне придется переступить лежащего человека, я наступлю на него ногой, наступлю сильно.

– Гм, – сказал Билли, – все это мне кажется довольно глупо.

Ножи всегда вещь скверная. Лучше подниматься на гору с хорошо пригнанным седлом, цепляться за камни всеми четырьмя ногами, карабкаться и извиваться, пока не очутишься на несколько сотен футов выше всех остальных и не остановишься на площадке, где места хватает только для твоих четырех копыт. Тогда стоишь неподвижно и спокойно – никогда не проси человека придержать твою голову, юноша – стоишь и ждешь, чтобы части пушек скрепили, а потом смотришь, как маленькие круглые снаряды падают на вершины деревьев там, далеко внизу.

– А ты никогда не спотыкаешься? – спросила полковая лошадь.

– Говорят, что когда мул спотыкается, можно расщепить куриное ухо, – сказал Билли. – Может быть, плохо надетое седло иногда способно пошатнуть мула, но это случается крайне редко. Хотелось бы мне показать вам всем наше дело. Оно прекрасно. Сознаюсь, понадобилось три года, чтобы я узнал, чего хотят от нас люди. Все искусство заключается в том, чтобы мы никогда не виднелись на горизонте, так как, в противном случае, нас могут осыпать выстрелами. Помни это, юноша. Старайся всегда, по возможности, скрываться, даже, если для этого тебе придется сделать крюк в целую милю. Когда дело доходит до подъема на горы, я веду за собой батарею.

– Знать, что в тебя стреляют, не имея возможности броситься в толпу стреляющих, – задумчиво сказала полковая лошадь. – Я не могла бы этого вынести! Мне непременно захотелось бы напасть на них вместе с Диком.

– О, нет, нет, ты не могла бы сделать этого; знаешь, когда орудия занимают позицию, нападают только пушки. Это научный и правильный метод; а ножи... Фу!

Некоторое время грузовой верблюд вертел своей головой, желая вставить слово, потом я услышал, как он, прочистив горло, нервно заметил:

– Я... я... я тоже немного сражался, но не так, как вы, взбираясь на горы или бросаясь на неприятеля.

– Конечно, раз ты упоминаешь об этом, – бросил ему Билли. – Замечу, что ты, по-видимому, не создан для подъемов на горы или долгого бега. Ну, скажи, как же было дело, скажи, старый Сенной Тюк?

– Бились, как следует, – ответил верблюд. – Все мы сели...

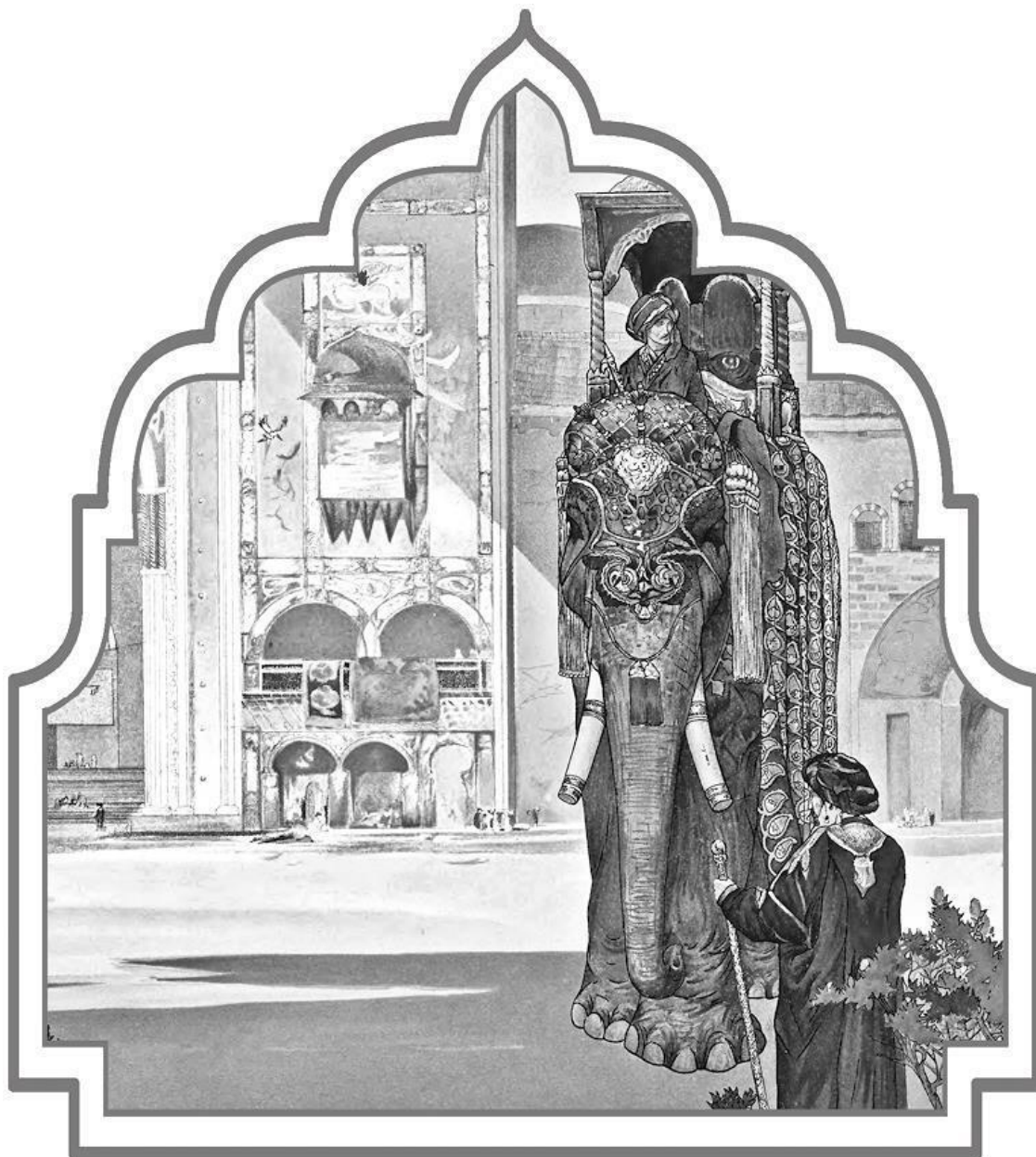
– Ах, мой круп и лопатки! – про себя произнесла полковая лошадь, и вслух прибавила: – Ты говоришь «сели»?

– Да, сели, все сто верблюдов сели, – продолжал он, – и образовали большой квадрат; люди нагромоздили наши вьюки и седла внутри этого квадрата и принялись стрелять поверх наших спин во все четыре стороны.

– А что это были за люди? – спросила полковая лошадь. – В кавалерийской школе нас учат ложиться и не мешать нашим хозяевам стрелять через нас; но я позволила бы сделать это только одному Дикю Кенлиффу. Это щекочет меня подле подпруги; кроме того, когда моя голова лежит на земле, я ничего не вижу.

– Не все ли равно, кто стреляет через тебя? – спросил верблюд. – Ведь тогда поблизости много других людей, много других верблюдов, и поднимается громадное количество клубов дыма. Тогда я несколько не боюсь. Я сижу тихо и жду.

– А между тем, – заметил Билли, – когда тебе снятся дурные сны, ты пугаешься и тревожишь лагерь. Ну, ну! Раньше, чем я лягу, не говорю уж сяду, и позволю человеку стрелять через себя, мои копыта поговорят с его головой. Слышали ли вы что-нибудь ужаснее этого?

Слоны Ее величества.

Художники – Мариус и Эдвард Детмольд. 1912 г.

«Из всех колес государственной службы, которые вращаются индийским правительством, нет ни одного более важного, чем колесо лесного департамента»

(Р. Киплинг)

Наступило продолжительное молчание. Наконец один из орудийных волов поднял свою огромную голову и сказал:

– Да, очень глупо. Существует только один хороший способ борьбы.

– Продолжай, – заметил Билли. – И, пожалуйста, не щади меня. Предполагаю, что вы, волы, сражаетесь, стоя на ваших хвостах?

– Существует только один способ войны, – сказали сразу оба вола. (Они, вероятно, были близнецы.) – Вот какой. Едва протрубит Двухвостка (лагерное прозвище слонов), запрягают двадцать пар волов в одно большое орудие...

– А зачем трубит Двухвостка? – спросил молодой мул.

– С целью показать, что он не хочет подходить к дыму. Двухвостка – трус. Мы все вместе тащим огромное орудие. – Хейа! Хуллах! Хейах! Хуллах! Мы не карабкаемся, как кошки, и не бежим, как телята. Мы идем по гладкой долине, все двадцать пар, пока нас не разомкнут, а тогда начинаем пастись. Крупные пушки через низменность говорят с каким-нибудь городом, окруженным глиняными стенами; куски стен падают, пыль взвивается так высоко, точно домой идет множество скота.

– О, и вы в это время пасетесь? – спросил молодой мул.

– И в это время, и в другое. Есть всегда приятно. Мы едим, пока на нас снова не наложат ярмо и мы не повезем пушку обратно к тому месту, где ее ждет Двухвостка. Иногда в городе тоже оказываются большие орудия; они нам отвечают, и кое-кто из нас бывает убит; для оставшихся оказывается больше травы. Это судьба – только судьба. Тем не менее Двухвостка – великий трус. Вот настоящий способ сражаться. Мы братья и пришли из Гапура. Наш отец был священный бык Шивы. Мы кончили говорить.

– Надо сознаться, что я многое узнала в эту ночь, – заметила полковая лошадь. – Скажите, джентльмены разборных пушек, чувствуете ли вы склонность щипать траву, когда в вас стреляют из крупных орудий, а позади вас шагает Двухвостка?

– Мы так же мало склонны есть в это время, как садиться, позволять людям стрелять через нас или кидаться в толпу солдат, вооруженных ножами. Я никогда не слыхивал ничего подобного. Горная площадка, хорошо уравновешенный груз, погонщик, который, я знаю, позволит мне выбирать дорогу – и я к вашим услугам; но все остальное – нет! – сказал Билли.

– Понятно, – протянула полковая лошадь, – не все устроены одинаковым образом, и я вполне ясно вижу, что, благодаря вашему происхождению с отцовской стороны, вы не в силах понимать многое.

– Прошу не касаться моего рода с отцовской стороны, – сердито возразил Билли; (ни один мул не любит напоминания о том, что его отцом был осел). – Мой отец был джентльмен с Юга, и он мог сбить с ног, искусать и разорвать ногами в клочья любую лошадь, попавшуюся на его пути. Помни ты, большой коричневый Брембай!

Брембай значит дикая невоспитанная лошадь. Представьте себе чувство скакуна, которого ломовая лошадь назовет «клячей», и вы поймете, что испытал австралийский полковой конь. Я видел, как в темноте блеснули его белки.

– Слушай ты, сын привозного с Малаги осла, – сказал он сквозь зубы. – Знай, что с материнской стороны я в родстве с Кербайном, который выиграл мельбурнский кубок. Там, откуда я, мы не привыкли, чтобы нами управляли плохо подкованные мулы с языком попугая, с глупой головой и служащие в батарее духовых пушек, стреляющих горохом. Ты готов?

– Поднимайся, – взвизгнул Билли.

Они оба стали друг против друга на дыбы, и я ждал, что начнется ожесточенный бой, но вдруг из темноты справа послышался горловой раскатистый голос:

– Из-за чего вы деретесь тут, дети? Успокойтесь. Оба животных, фыркнув с досадой, опустили на ноги, потому что ни лошади, ни мулы терпеть не могут голоса слона

– Это Двухвостка, – сказала полковая лошадь. – Я не выношу его. По хвосту с каждого конца! Противно!

– Я испытываю то же самое, – сказал Билли, подходя поближе к полковой лошади. – В некоторых отношениях мы с тобой походим друг на друга

– Я думаю, мы унаследовали это сходство от наших матерей, – заметила полковая лошадь. – Не стоит ссориться. Эй ты, Двухвостка, ты привязан?

– Да, – ответил Двухвостка и засмеялся во весь свой хобот. – Меня загородили на ночь, и я слышал все, что вы говорили. Но не бойтесь: я не перешагну изгороди.

Волы и верблюды тихонько сказали:

– Бояться Двухвостки? Что за вздор.

И волы прибавили:

– Нам жаль, что ты слышал, но мы говорили правду. Двухвостка, почему ты боишься пушек, когда они стреляют?

– Ну, – сказал Двухвостка, потирая одну заднюю ногу о другую совершенно так, как это делает маленький мальчик, декламируя поэму, – я не знаю, поймете ли вы меня.

– Мы многого не понимаем, но нам приходится возить пушки, – ответили волы.

– Я это знаю, знаю также, что вы гораздо смелее, чем сами думаете. Я – другое дело. Капитан моей батареи на днях назвал меня «толстокожим анахронизмом».

– Это еще новый способ вести сражение? – спросил Билли, который уже оправился.

– Ты не понимаешь, что это значит, но я понимаю. Это значит «между и посреди», и это мое место. Когда снаряд взрывается, я своими мозгами понимаю, что произойдет после взрыва; вы же, волы, не понимаете мозгами.

– Я понимаю, – сказала полковая лошадь. – По крайней мере, отчасти, но стараюсь не думать о том, что понимаю.

– Я понимаю больше тебя и думаю об этом. Я знаю, что мне следует заботиться о себе, я так велик; известно мне также, что когда я бываю болен, никто не умеет лечить меня; люди могут только прекратить выдачу жалованья моему погонщику, пока я не поправлюсь, а моему погонщику я не могу доверять.

– Ага, – заметила полковая лошадь, – вот и объяснение! Я доверяю Дику.

– Ты можешь посадить целый полк таких Диков на мою спину, а я все-таки от этого не буду чувствовать себя лучше. У меня достаточно знаний, чтобы тревожиться и слишком мало их, чтобы, несмотря на тревогу, идти вперед.

– Мы тебя не понимаем, – сказали волы.

– Да, не понимаете, а потому я и не говорю с вами. Вы не знаете, что такое кровь.

– Знаем, – возразили волы. – Это красное вещество; оно впитывается в землю и пахнет.

Полковая лошадь брыкнула, подпрыгнула и фыркнула.

– Не говорите о ней, – сказала она. – Думая о крови, я чувствую ее запах, а запах этот вселяет в меня желание бежать прочь... когда на моей спине нет Дика.

– Да ведь ее же нет здесь, – сказали в один голос верблюды и волы. – Почему ты такая глупая?

– Это противное вещество, – сказал Вилли. – У меня нет желания броситься бежать, но я не хочу разговаривать о крови.

– Вот, вот. На этом вам следует остановиться, – сказал Двухвостка, в виде пояснения помахивая хвостом.

– Конечно. Мы и так простояли здесь всю ночь, – согласились с ним волы.

Двухвостка нетерпеливо стукнул о землю своей ногой, и железное кольцо на ней зазвенело.

– Ах, о чем с вами говорить. Вы ничего не видите мозгом.

– Нет, мы только видим нашими четырьмя глазами, – сказали волы, – но видим решительно все, что нам встречается.

– Если бы мне приходилось только смотреть и ничего больше, вас не заставляли бы возить крупные орудия. А если бы я походил на моего капитана (он видит мозгом многое до начала стрельбы и весь дрожит, но не убегает), так вот, если бы я походил на него, я мог бы стрелять из пушки. Однако, будь я вполне мудр, я не был бы здесь. Я по-прежнему оставался бы королем леса; половину дня спал бы и купался бы, когда мне вздумается. Теперь же я целый месяц не мог выкупаться как следует.

– Все это прекрасно, – сказал Билли, – и тебе дали странное имя, но ведь длинное название не помогает понимать непонятное.

– Тсс! – сказала полковая лошадь. – Мне кажется, я понимаю, что говорит Двухвостка.

– Через минуту ты поймешь это еще яснее, – сердито проговорил слон. – Ну-с, пожалуйста, объясни, почему тебе не нравится вот «это»?

И он с ожесточением затрубил во всю силу своего хобота.

– Перестань, перестань! – в один голос сказал Билли, и я услышал, как они в темноте дрожали и топали ногами. Крик слона всегда неприятен, в темную же ночь особенно.

– Не перестану, – сказал Двухвостка. – Не угодно ли вам объяснить следующее: Ххррмф! Рррт! Рррмф! Рррха!

Вдруг он замолчал; из мрака до меня донесся легкий визг, и я понял, что Виксон наконец отыскала меня. Она отлично знала, как знал и я, что больше всего в мире слон боится маленькой лающей собачки. Виксон тьякала, прыгая вокруг больших ног Двухвостки. Двухвостка беспокойно задвигался и, слегка крикнув, сказал:

– Уходи, собачка, не обнюхивай моих щиколоток, не то я ударю тебя. Хорошая собачка! Ну, милая собаченька! Уходи домой, тьякающее маленькое животное. Ах, почему это никто не возьмет ее? Она сейчас меня укусит.

– Мне сдается, – сказал полковой лошади Билли, – что наш друг, Двухвостка, боится многого. Ну, если бы мне давали достаточно пищи за каждую собаку, которую я швырял через военную площадку, я был бы теперь почти так же жирен, как Двухвостка.

Я свистнул, Виксон подбежала ко мне и, грязная с головы до ног, стала лизать мне нос и принялась пространно объяснять, как она отыскивала меня в лагере. Я никогда не давал ей понять, что мне известен язык животных, ведь в противном случае она слишком распустилась бы. Итак, я только посадил ее к себе на грудь и застегнул пальто. Двухвостка зашаркал ногами, потопал ими и проворчал про себя:

– Удивительно! До крайности удивительно! Это у нас бывает в семье. Куда же девалось злое, маленькое животное?

Я услышал, как он стал хоботом ощупывать землю вокруг себя.

– У каждого из нас, по-видимому, есть своя болезнь, – сказал он, продувая хобот. – Вот вы все, кажется, боитесь, когда я трублю.

– Не могу назвать своего чувства настоящим страхом, – возразила полковая лошадь. – Но в это время во мне рождается такое ощущение, точно там, где на моей спине должно лежать седло, копошатся оводы. Пожалуйста, довольно!

– Я боюсь маленькой собаки; верблюд пугается дурных ночных сновидений.

– Для всех нас хорошо, что нам не приходится сражаться одинаковым образом, – заметила полковая лошадь.

– Вот что я хочу узнать, – спросил очень долго молчавший молодой мул. – Я хочу знать, почему нам вообще приходится сражаться?

– Да потому, что нам приказывают идти в бой, – презрительно фыркнув, сказала полковая лошадь.

– Приказ, – подтвердил мул Билли и резко закрыл рот, щелкнув зубами.

– Хукм-хей. Так приказано, – произнес верблюд, и в его горле что-то булькнуло; Двухвостка и волы повторили: – Хукм-хей!

– Да, но кто же приказывает? – спросил мул-рекрут.

– Человек, который идет перед тобой или сидит на твоей спине; или держит веревку, протетую в твой нос, или крутит твой хвост, – поочередно сказали Билли, полковая лошадь, верблюд и волы.

– А кто дает им приказания?

– Ну, ты хочешь знать слишком многое, юнец, – сказал Билли, – а за это не хвалят. Тебе нужно только повиноваться человеку, идущему перед тобой и не задавать вопросов.

– Правда, – сказал слон. – Я не всегда повинуюсь, но ведь я «между и посреди»; тем не менее Билли прав. Повинуйся человеку, который идет подле тебя и дает тебе приказания, потому что в противном случае, тебя не только побьют, но ты еще и остановишь батарею.

Орудийные волы поднялись, чтобы уйти.

– Подходит утро, – сказали они. – Мы вернемся к нашим рядам. Правда, что мы видим только глазами и не особенно умны; а все же сегодня ночью мы одни ничего не испугались. Покойной ночи, вы, храбрые существа.

Никто не ответил им, и, для перемены разговора, полковая лошадь сказала:

– Где же маленькая собака? Где есть собака, там недалеко и человек.

– Я здесь, – твякнула Виксон, – под лафетом с моим человеком. Ты, крупный, неловкий верблюд, опрокинул нашу палатку. Мой человек очень сердится.

– Фу! – сказали волы. – Он, вероятно, белый?

– Ну, конечно, – ответила Виксон. – Неужели вы предполагаете, что за мной смотрит черный погонщик волов?

– Ах! Уах! Ух! – сказали волы. – Уйдем поскорее.

Они двинулись прочь, увязая в грязи, каким-то образом умудрились зацепить своим ярмом за дышло фуры с припасами, где оно и застряло.

– Ну, готово, – спокойно сказал Билли. – Да не бейтесь вы! Теперь вы останетесь здесь до утра. Но в чем же дело?

Раздалось продолжительное свистящее фырканье, свойственное рогатому скоту Индии; волы бились, теснились друг к другу, топали ногами, скользили, вязли в грязи и чуть было не упали на землю, все время яростно крича.

– Через минуту вы сломаете себе шеи, – сказала им полковая лошадь. – Что в белых людях? Я живу поблизости от них...

– Они... едят... нас! Вперед! – сказал ближайший вол. Ярмо с треском разломилось надвое, и громадные животные двинулись дальше.

До тех пор я не знал, почему индийский домашний скот так боится англичан. Мы едим бычье мясо, до которого не дотрагивается ни один индусский погонщик; итак, понятно, почему мы не нравимся туземному рогатому скоту.

– Пусть меня исколотят цепями от моего собственного вьючного седла! Кто бы подумал, что два такие огромные чудовища могут совсем обезуметь? – произнес Билли.

– Не обращай на них внимания. Я посмотрю на этого человека. Я знаю, у большинства белых в карманах лежат хорошие вещи, – сказала полковая лошадь.

– В таком случае, я уйду. Не могу сказать, чтобы я сам слишком любил их. Кроме того, белый человек, у которого нет собственного места для ночлега, по всей вероятности, вор, а у меня на спине много вещей, принадлежащих правительству. Ну, юнец, отправимся к своим. Спокойной ночи, Австралия! Вероятно, мы с тобой увидимся завтра во время парада. Покойной ночи, старый Сенной Мешок! В будущем старайся лучше владеть собой. Спокойной ночи, Двухвостка. Пожалуйста, проходя мимо нас по площадке, не труби. Это портит правильность нашего строя.

Мул Билли пошел прочь покачивающейся походкой старого воина; голова лошади поддвинулась ко мне, и ее нос стал обнюхивать мне грудь; я дал ей бисквитов. Виксон же, самая тщеславная собачка в мире, принялась рассказывать ей сказки о тех десятках лошадей, которых будто бы мы с нею держали.

– Завтра я приеду на парад в моем шарабане, – сказала она. – Где ты будешь?

– С левой стороны второго эскадрона. Я держу ритм для всего моего полка, маленькая леди, – вежливо объяснила полковая лошадь. – Теперь я должна вернуться к Дику. Мой хвост совсем запачкался, и ему придется усиленно поработать два часа, чтобы привести меня в порядок перед парадом.

В этот день был большой парад. Мимо нас двигались полки; одна за другой прокатывались волны шагавших в ногу ружей, вытянутых в одну линию, и наконец наше зрение помутилось. Вот прекрасным кавалерийским галопом в такт песни «Бонни Денди» проехала кавалерия, и сидя в шарабане, Виксон насторожила одно ухо. Пронесся второй уланский эскадрон; в его рядах была наша полковая лошадь; она твердо держала ритм для всего своего эскадрона, и ее ноги скользили с легкостью мелодии вальса. Потом проехали крупные орудия, и я увидел Двухвостку и еще двух слонов, заложенных гуськом в сорокафунтовое осадное орудие; за ними двигалось двадцать пар волов. На седьмой паре лежало новое ярмо, и оба эти вола имели усталый неповоротливый вид. В самом конце появились разборные пушки; Билли-мул держался так, точно он командовал всеми войсками.

Вот опять пошел дождь, и на несколько минут в воздухе повисла густая дымка; не было видно, что делают войска. Они описали на равнине большой полукруг и стали вытягиваться в одну линию, которая все росла, росла и росла, пока наконец от одного ее конца до другого не образовалось пространство в три четверти мили; это была одна прочная стена из людей, лошадей и орудий. И вот она двинулась прямо на вице-короля и эмира; когда стена эта приблизилась, земля задрожала, как палуба парохода при быстрой работе машин.

Если вы не были там, вы не вообразите себе, какое страшное впечатление производит постоянное приближение войск даже на тех зрителей, которые знают, что они видят только парад. Я взглянул на эмира. До этих пор он не выказывал ни тени изумления или какого-либо другого чувства; теперь же его глаза стали расширяться все больше и больше; он натянул поводья своей лошади и оглянулся. С минуту казалось, что вот-вот он обнажит саблю и прорубит себе дорогу через толпу английских мужчин и женщин, заполнявших экипажи позади него. Движение войск прекратилось; почва успокоилась; вся линия войск салютовала; тридцать оркестров заиграли сразу. Наступил конец парада, и войска под дождем направились к своим лагерям.

И я услышал, как старый, седой, длинноволосый начальник племени из Центральной Азии, приехавший вместе с эмиром, задавал вопросы одному туземному офицеру:

– Скажите, – спросил он, – как могли сделать эту удивительную вещь?

Офицер ответил:

– Было дано приказание, его выполнили.

– Да разве животные так же умны, как люди? – продолжал спрашивать азиат.

Они слушаются, как люди. Мул, лошадь, слон или вол, каждый повинуется своему погонщику; погонщик – сержанту; сержант – поручику; поручик – капитану; капитан – майору; майор – полковнику; полковник – бригадиру, командующему тремя полками; бригадир – генералу, который склоняется перед приказаниями вице-короля, а вице-король – слуга императрицы. Вот как делается у нас.

– Хорошо, если бы так было и в Афганистане, – сказал старик, – ведь там мы подчиняемся только нашей собственной воле.

– Вот потому-то, – заметил офицер туземцу, покручивая свой ус, – вашему эмиру, которого вы не слушаетесь, приходится являться к нам и получать приказания от нашего вице-короля.

Перевод Е. Чистяковой-Вэр

Вторая Книга Джунглей

Как в джунгли пришел страх

Закон Джунглей (самый древний в мире) составлялся постепенно, на каждый случай, который мог произойти в зарослях, и наконец его кодекс достиг почти полного совершенства. Если вы читали о Маугли, вы вспомните, что большую часть своей жизни он провел в сионийской волчьей стае, изучая Закон, который ему преподавал Балу, бурый медведь. Когда мальчика стали раздражать вечные приказания, именно Балу сказал ему, что Закон Джунглей походит на исполинскую лиану, потому что он обвивает каждое существо и никто не может убежать от него.

– Когда ты проживешь столько, сколько прожил я, Маленький Брат, ты, может быть, увидишь, как все живущие в джунглях повинуются одному Закону. И это будет неприятное зрелище, – прибавил медведь.

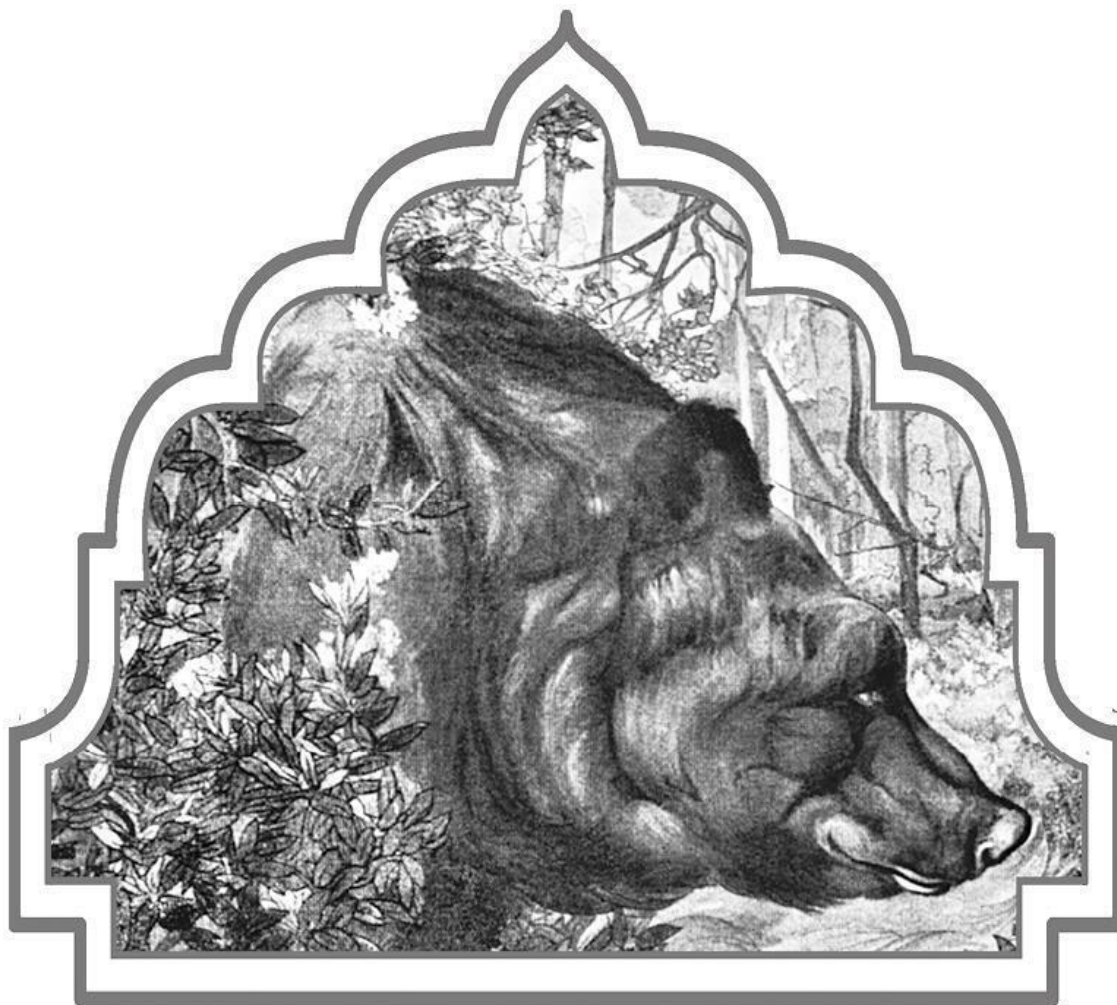
Его слова вошли в одно ухо Маугли и вылетели из другого потому, что мальчик, который думает только как бы поесть или поспать, не заботится ни о чем, пока беда действительно не заглянет ему в лицо. Но однажды наступил такой год, в который слова Балу оправдались, и Маугли увидел, что в джунглях все подчиняется общему Закону.

Началось с того, что зимой почти совсем не было дождей, и при встрече с Маугли в бамбуковой чаще дикобраз Икки сказал, что дикий ямс совсем засыхает. Всякий знает, что Икки до смешного разборчив в еде, что он ест только все самое лучшее и самое спелое. Поэтому Маугли засмеялся и сказал:

– Мне-то что за дело?

– Теперь мало дела, – сказал Икки, беспокойно побрякивая своими иглами, – а позже увидим. Скажи, хорошо ли нырять в глубоком затоне под Пчелиной Скалой, Маленький Брат?

– Нет. Глупая вода все уходит, а разбивать себе голову я не намерен, – ответил Маугли, который в те дни был вполне уверен, что он знает больше, чем пятеро любых жителей джунглей взятых вместе.

Балу в лесу.

Художники – Мариус и Эдвард Детмольд. 1912 г.

«Самый благородный из известных людям видов страха – страх за судьбу другого»

(Р. Киплинг)

– Очень жаль. Через маленькую трещину в твою голову, может быть, проникло бы немножко ума. – И дикобраз быстро шмыгнул в чащу, чтобы Маугли не стал дергать его за щетину на носу.

Позже мальчик повторил Балу слова Икки. Балу стал серьезен и пробормотал скорее для себя, чем для него:

– Будь я один, я ушел бы охотиться в другое место раньше, чем остальные заметят... Между тем охота посреди чужих оканчивается дракой, и тогда человеческий детеныш мог бы пострадать. Надо подождать и посмотреть, как цветет мохва.

В эту весну мохва, любимое дерево Балу, совсем не зацвело. Зной убил его сливочно-желтые и как бы восковые цветы раньше, чем они родились, и когда медведь, стоя на задних лапах, тряхнул нежный ствол деревца, на землю упало несколько дурно пахнущих лепестков.

После этого чрезмерная жара дюйм за дюймом поползла к самому сердцу джунглей, делая их зелень желтой, коричневой и, наконец, черной. Зеленые поросли на откосах рвов иссохли, превратились в разорванные нити и искривленные пластинки мертвого вещества; в болотистых естественных прудах высохла вода; они затянулись запекшейся грязью, и на их краях остались последние следы ног, точно отлитые из чугуна; лианы с сочными стеблями упали с деревьев,

которые они обнимали, и умерли у их подножий; бамбуки завяли и звенели, когда на них налетал горячий ветер; мох осыпался с камней и толстым слоем лег на землю; наконец, все скалы так же обнажились и раскалились, как дрожащие синеватые валуны на сухом ложе реки.

Птицы и обезьяны рано переселились на север; они знали, «что» подходит; олени и кабаны убежали в погибшие деревенские нивы; некоторые из них умирали на глазах слабых людей, которые даже не думали поднимать на них руку Чиль, ястреб, остался и пополнил, потому что было очень много падали; он каждый вечер приносил известия зверям настолько обессиленным, что они не могли уйти к новым местам охоты, говоря им, что солнце убило джунгли вокруг на три дня полета.

Маугли, еще не знавший настоящего голода, принялся уничтожать несвежий, трехлетний мед из покинутых сотов в скалах, мед черный, как вар, засахарившийся и потому как бы покрытый пылью. Он также ловил личинок под корой деревьев и ел ос из новых выводков. Вся дичь в джунглях превратилась в скелеты, обтянутые кожей, и Багира охотилась трижды в ночь, но не насыщалась. Хуже всего был недостаток воды, хотя народ Джунглей пьет редко, но ему необходимо пить досыта.

А засуха продолжалась; зной высасывал всю влагу из почвы, так что наконец русло реки Венгунги превратилось в единственный поток; это был ручеек воды в мертвых берегах. Дикий слон Хати, проживший сто лет или больше, увидел длинную узкую синюю гряду скал, обнажившуюся на самой середине реки, и понял, что перед ним вырисовывается Скала Мира. Тогда он поднял свой хобот и объявил начало Водяного Перемирия, как пятьдесят лет тому назад это сделал его отец. Олени, кабаны и буйволы хрипло повторили его слова; Чиль описал в воздухе широкий круг и со свистом громко предостерег жителей зарослей.

По Закону Джунглей, раз Водяное Перемирие объявлено, тот, кто убьет какое-либо существо на водопое, подвергается смерти. Причина этого та, что утоление жажды важнее утоления голода. Каждый в джунглях еще может как-нибудь прожить, когда дичи мало; но вода – это вода, и когда остается только один источник, тогда на время общего водопоя всякая охота прекращается. В счастливые времена, во дни изобилия воды, животные, пившие из Венгунги или в другом месте, рисковали жизнью, и сама опасность придавала особое очарование этому ночному удовольствию. Спускаться так ловко, чтобы не шелохнулся ни один листок; входить в ревущую воду, шум которой заглушает все остальные звуки; пить, оглядываясь через плечо, напрягая все мускулы для отчаянного прыжка; валяться на песчаной отмели и возвращаться с влажным носом и полным желудком к ликующему стаду – вот что казалось восхитительным каждому молодому оленю с разветвленными рогами, именно благодаря возможности нападения; ведь Багира или Шер Хан ежеминутно могли выскочить из чащи. Но теперь эта опасная игра, в которой ставками были жизнь или смерть, окончилась; жители джунглей приходили истощенные, усталые к сузившейся реке: тигр, медведь, олень, буйвол, кабан, – все вместе. Они рядом пили помутневшую воду и оставались близ Венгунги, слишком измученные, чтобы уйти в заросли.

Олени и кабаны целый день бродили, отыскивая что-нибудь получше сухой коры и увядших листьев. Буйволы не находили болот, в которых они могли освежиться, и зеленых всходов, на которых им можно было воровски пастись. Змеи покинули джунгли и спустились к реке, в надежде поймать уцелевшую лягушку; они свивались около влажных камней и не кусались, когда рыло кабана сбрасывало их с места. Багира, самая ловкая охотница, уже давно убила всех речных черепах; рыбы зарылись глубоко в сухой ил. Скала Мира тянулась вдоль отмели, точно длинная змея, и утомленные волны шипели, высыхая на ее горячих откосах.

Именно в это место каждую ночь приходил Маугли, чтобы освежиться и побыть в обществе. В это время самый голодный из врагов мальчика не обращал на него внимания. Его непокрытая мехом кожа придавала ему особенно заморенный и жалкий вид. Его волосы выгорели на солнце до цвета пакли; его ребра выдавались, точно прутья на дне корзины; мозоли на коле-

нях и локтях, на которые мальчик опирался, когда бегал на четвереньках, делали его тонкие высохшие ноги и руки похожими на узловатые стебли трав. Однако из-под спутанных волос Маугли смотрели спокойные, хладнокровные глаза; в это тяжелое время его советницей была Багира; она велела ему держаться спокойно, охотиться, не торопясь и никогда, ни по какому поводу не выходить из себя.

– Наступило дурное время, – в один раскаленный вечер сказала ему черная пантера, – но оно пройдет, только бы нам дожить до его окончания. Полон ли твой желудок, человеческий детеныш?

– Там есть кое-что, но мне от этого не лучше. Как ты думаешь, Багира, дожди забыли о нас и никогда больше не вернуться?

– Этого я не думаю. Мы еще увидим мохву в цвету и маленьких оленят, разжиревших на молодой траве. Спустимся к Скале Мира и послушаем новости. Ну, ко мне на спину, Маленький Брат!

– Теперь не время носить тяжести. Я еще могу стоять один, но... Право, мы с тобой не похожи на откормленных быков...

Багира взглянула на свой лохматый пыльный бок и шепнула:

– Прошлой ночью я убила вола под ярмом. Я до того ослабела, что, кажется, не решилась бы кинуться на него, будь он на свободе.

Маугли засмеялся.

– Да, мы теперь великие охотники, – сказал он. – Я с большой смелостью ем червей.

И они стали вместе спускаться, пробираясь через хрустящие кусты к берегу и к тем мелям, которые, как кружевной узор, разбегались повсюду от русла реки.

– Недолго проживет вода, – сказал подошедший к ним Балу. – Посмотрите на ту сторону. Вон тропинки, похожие на дороги человека.

На плоском противоположном берегу жесткая трава засохла на корню; ее стебли умерли и, стоя, превратились в мумии. Утопанные тропинки оленей и кабанов, подходившие к реке, исчертили эту бесцветную низменность пыльными желобами, пробитыми в десятифутовой траве. Теперь, несмотря на ранний час, каждая из этих длинных аллей была заполнена животными, спешившими к водою. Доносился звук кашля ланей и их детенышей, задыхавшихся от пыли едкой, как нюхательный табак.

Подле излучины реки, близ заводи, окружавшей Скалу Мира, стоял Хати, дикий слон – страж Водяного Перемирия, со своими сыновьями; худыми и серыми казались слоны при лунном освещении; все они качались взад и вперед, все время качались. Немного позади Хати виднелись олени; за ними кабаны и дикие буйволы; на противоположном же берегу, где до самого края воды доходили деревья, было место плотоядных – тигров, волков, пантер, медведей и остальных.

– Всеми нами действительно управляет один Закон, – сказала Багира, входя в воду и глядя на ряды звенящих рогов и на линии широко раскрытых глаз там, где олени и кабаны, толпясь, толкали друг друга. – Хорошей охоты всем вам, кто одной крови со мной, – сказала пантера. Она вытянулась во всю свою длину, но один бок остался над водой; сквозь зубы Багира прибавила: – Не будь Закона, хорошо поохотилась бы я здесь.

Широко расставленные уши оленей уловили ее последнее замечание, и в их рядах послышался испуганный шепот:

– Перемирие! Помните – Перемирие!

– Спокойнее, спокойнее, – проворчал Хати, дикий слон. – Перемирие держится, Багира. Теперь не время говорить об охоте.

– Кто знает это лучше меня? – проговорила черная пантера, глядя своими желтыми глазами вверх по реке. – Я дошла до того, что ем черепах. Я вылавливаю лягушек! Нгаайах! Мне жаль, что я не могу насыщаться зеленью.

– Как это было бы хорошо для нас, – проблеял юный олененок, родившийся в эту весну и очень недовольный положением вещей.

Как ни было несчастно население джунглей, все засмеялись, даже Хати; Маугли же, который, опираясь на локти, лежал в теплой воде, громко захохотал, взбивая ногами пену.

– Хорошо сказано, маленький будущий рогач, – промурлыкала Багира. – Я не забуду твоих слов, и по окончании перемирия они послужат тебе на пользу. – И черная пантера внимательно взгляделась в темноту, чтобы позже узнать говорившего олененка.

Мало-помалу животные оживились. Можно было слышать, как фыркающий, беспокойный кабан требовал себе больше места; как буйволы кричали и разговаривали между собой, пересекая песчаные мели; как олени жалобно рассказывали о своих долгих блужданиях, о таких долгих поисках пищи, что их ноги разболелись. Время от времени они задавали вопросы плотоядным, но все новости были плохи. Ревущий горячий ветер джунглей проносился между камнями, стучал ветвями и разбрасывал мелкие веточки и пыль по поверхности воды.

– Люди тоже умирают подле своих плугов, – сказал один молодой олень. – Проходя в сумерках на пороге ночи, я видел троих. Они лежали неподвижно, и подле них были их волы. Через некоторое время мы тоже затихнем.

– Вода в реке еще понизилась с прошедшей ночи, – заметил Балу. – О Хати, видал ли ты когда-нибудь такую засуху?

– Она пройдет! Она пройдет! – ответил Хати, поливая водой свою спину и бока.

– Один из нас долго не выдержит, – сказал Балу, – и посмотрел на мальчика, которого он любил.

– Я? – с негодованием сказал Маугли и сел в воде. – У меня нет длинного меха, который прикрывал бы мои кости, но... но если бы с тебя, Балу, содрали шкуру...

При этой мысли Хати вздрогнул, а Балу строго сказал:

– Человеческий детеныш, неприлично говорить такие вещи преподавателю Закона. Меня никогда не видали без шкуры!

– Полно, я не хотел обидеть тебя, Балу; я только подразумевал, что тыходишь на кокосовый орех в оболочке, я же на тот же орех, только обнаженный. Видишь ли, твоя коричневая мохнатая оболочка... – Маугли сидел, скрестив ноги, и объяснял свои слова, по обыкновению размахивая рукой; Багира вытянула мягкую лапу и опрокинула мальчика в реку.

– Чем дальше, тем хуже, – сказала черная пантера, когда он, отдуваясь и отряхиваясь, поднялся из воды. – Сначала с Балу надо содрать кожу; потом Балу оказался орехом! Смотри, чтобы он не сделал того, что делают спелые кокосовые орехи.

– А что такое? – спросил Маугли, на мгновение забыв осторожность, хотя шутка об орехах одна из самых старых в джунглях.

– Разбивают голову, – спокойно сказала Багира и снова погрузила его в воду.

– Нехорошо делать своего учителя предметом шуток. – Заметил Балу, когда Маугли в третий раз вынырнул из воды.

– Нехорошо? А чего же вы ждали? Это обнаженное существо бежит взад и вперед и выкидывает обезьяньи шуточки над прежними хорошими охотниками; лучших из нас оно, ради забавы, дергает за усы. – Это говорил Шер Хан, хромой тигр, который кое-как притащился к воде.

Шер Хан выждал несколько минут, чтобы насладиться впечатлением, которое он произвел на оленей, стоявших на противоположном берегу, потом опустил свою угловатую пушистую голову и начал пить ворча:

– Джунгли превратились в площадку для забав обнаженных детенышей. Посмотри на меня, человеческий детеныш.

Маугли посмотрел – вернее уставился – на Шер Хана, придав своим глазам как можно более дерзкое выражение; через минуту тигр тревожно отвернулся.

– Человеческий детеныш тут, человеческий детеныш там, – прорычал он, продолжая пить. – Детеныш ни человек и ни волк, не то он боялся бы. В будущем году мне придется просить у него позволения напиться. Аугрх!

– Может быть, это случится, – заметила Багира, глядя прямо в глаза тигру. – Да, может случиться, Шер Хан. Фу, какой новый позор принес ты сюда!

Лунгри погрузил в воду свои подбородок и нижнюю челюсть, и темные, маслянистые полосы поплыли от него по течению.

– Человек, – спокойно сказал Шер Хан, – час тому назад я убил человека. – И он продолжал мурлыкать и ворчать про себя.

Весь ряд животных дрогнул и заволновался; поднялся шепот и скоро перешел в крик:

– Человек! Человек! Он убил человека!

Потом все глаза посмотрели на Хати, дикого слона, но он, казалось, не слышал. Хати никогда ничего не делает до последней минуты, и это одна из причин продолжительности его жизни.

– В такое время, как теперь, убить человека! Разве поблизости не было другой дичи? – презрительно сказала Багира, выходя из замутненной воды и по-кошачьи отряхивая каждую свою лапу.

– Я убил не из-за голода; я нарочно подстерег человека.

Снова поднялся шепот ужаса, и маленькие наблюдательные глаза Хати устремились на Шер Хана.

– Подстерег, – медленно продолжал Шер Хан, – а теперь пришел пить и очиститься. Разве здесь есть кто-нибудь, кто помешает мне сделать это?

Спина Багиры начала изгибаться, как стебель бамбука при сильном ветре, но Хати поднял свой хобот и сказал спокойно:

– Ты нарочно выбрал человека? – спросил он, а когда Хати спрашивает, гораздо благоразумнее отвечать.

– Именно. Это было мое право; наступила моя ночь. Ты ведь знаешь, о Хати, – Шер Хан говорил почти вежливым тоном.

– Да, знаю, – ответил Хати и, помолчав немного, спросил: – Напился ли ты вволю?

– На сегодняшнюю ночь – да.

– Тогда уйди. Из реки нужно пить, а не осквернять ее. Только хромой тигр может хвататься своим правом в такое время, когда... когда мы все страдаем вместе: люди и Народ Джунглей. Чистый или нечистый, уходи в свое логовище, Шер Хан.

Последние слова Хати произнес голосом, который походил на звук серебряных труб; трое его сыновей быстро двинулись вперед, хотя в этом не было никакой надобности. Шер Хан убежал, пригибаясь к земле; он не смел даже ворчать, зная (как знали и все), что, в конце концов, хозяин джунглей – Хати.

– О каком это праве говорит Шер Хан? – прошептал Маугли на ухо Багире. – Убивать человека всегда позорно. Так сказано в Законе; а между тем Хати говорит...

– Спроси его. Я не знаю, Маленький Брат. Если бы не Хати, есть у этого мясника право или нет, я проучила бы хромулю... Приходить к Скале Мира только что убив человека, да еще хвастаться этим, дело шакала. Кроме того, он запачкал хорошую воду.

Маугли выждал несколько минут, чтобы собрать все свое мужество (никто не любил прямо обращаться к Хати), наконец громко спросил:

– Что это за право Шер Хана, о Хати?

И на обоих берегах прозвучал тот же вопрос, потому что Народ Джунглей до крайности любопытен, а близ реки только что произошло нечто не понятное для всего населения зарослей, кроме Балу, который глубоко задумался.

– Это старая история, – ответил Хати, – она старше джунглей. Замолчите; тогда я расскажу ее.

Минуты две кабаны и буйволы толпились, толкались, потом вожаки стад один за другим прохрюкали: «Мы ждем». Хати сделал несколько шагов вперед и остановился, когда вода в затоне около Скалы Мира дошла ему до колен. Несмотря на худобу, морщины и желтизну бивней старого слона, он казался тем, чем все в джунглях признавали его – господином зарослей.

– Вы знаете, дети, – начал он, – что из всех живущих на свете вы больше всего должны бояться человека.

Послышался ропот согласия.

– Этот рассказ касается тебя, Маленький Брат, – шепнула Багира Маугли.

– Меня? Я принадлежу к стае; я охотник из Свободного Народа, – ответил мальчик. – Какое мне дело до человека?

– А вы не знаете, почему вы боитесь человека? – продолжал Хати. – Я объясню причину. В начале, когда джунгли только что появились (а никто не знает, когда это было), мы, все жители зарослей, паслись вместе и не боялись друг друга. В те дни засух не случалось: листья, цветы и плоды росли на одном и том же дереве, и мы ели только листья, цветы, траву, плоды и кору.

– Я рада, что не жила в те времена, – заметила Багира – Кора годится только для оттачивания когтей.

– Господином джунглей был Та, первый слон. Своим хоботом он поднял джунгли из глубоких вод; там, где он прорывал своими бивнями борозды в почве, текли реки; где он ударял о землю своей ногой, образовались водоемы, а где он трубил в хобот, падали деревья. Вот таким-то образом Та создал джунгли, и так мне рассказывали об этом.

– В пересказе история не стала более правдоподобной, – шепнула Багира, и Маугли засмеялся, прикрыв рот рукой.

– В те дни не было ни хлеба, ни дынь, ни перца, ни сахарного тростника, ни маленьких хижин, которые вы все видали. Народ джунглей не знал ничего о человеке; и это был один народ. Но, хотя пастбищ оказывалось достаточно, жители джунглей стали спорить из-за пищи. Они были ленивы. Каждый желал есть там, где он лежал, как это случается и теперь, во время хороших весенних дождей. Та, первый из слонов, был очень занят; он устраивал новые джунгли и вводил реки в новые русла. Бывать повсюду он не мог, а потому сделал первого тигра господином и судьей джунглей, которому все население должно было излагать свои споры. Первый тигр ел плоды и траву, как все остальные звери. Он был величиной с меня и очень красив; весь желтый, как цветы желтой лианы. В те славные дни, когда джунгли были молоды, на его шкуре не виднелось ни одной полосы, ни одной черты. Мы, жители джунглей, без страха приходили к нему, и его слово служило Законом для всех. Помните, ведь все мы тогда составляли один народ.

Раз ночью между двумя оленями начался спор – ссора из-за пастбища. Вроде тех, которые теперь разрешаются рогами и ударами передних ног. Рассказывают, что, стоя перед тигром, лежавшим среди цветов, олени заговорили оба сразу, и один из них толкнул его рогом. Тогда первый тигр, забыв, что он господин и судья джунглей, кинулся на виновного и сломал ему шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.